

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal
Periodical publication.
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047
e-mail: zabotkina@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Периодическое печатное издание.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: zabotkina@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetzkaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polozinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland
- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.A. Sharoff, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom

I.A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.O. Shaytanov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Sideltsev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

A.E. Skvortsov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

N.A. Slioussar, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

A.Yu. Sorochan, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation

A.N. Taganov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Ya.G. Testelets, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Yu.I. Tsvetkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Tyupa, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.G. Vladimirova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

V.I. Zabolkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Zagidullina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

A.V. Zimmerling, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editors

V.I. Zabolkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

S.I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анциферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Купцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Руднишкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация

- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

С.И. Переверзева, кандидат филологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

<i>Vera I. Zabolkina, Elena M. Pozdnyakova</i>	
Cognitive-linguistic mechanisms of meaning construction in manipulative media discourse	12
<i>Madina K. Abayeva</i>	
Russianisms in the linguistic consciousness of Kazakh youth (based on the free associative experiment)	26
<i>Lyudmila I. Grishaeva</i>	
Mechanisms and methods of modeling of perception of the world in text generation and reception	36
<i>Mikhail M. Kozhokin</i>	
Generative artificial intelligence in university practice: experience in diagnostics and regulation (a case study of the RSUH faculty of journalism)	46
<i>Elena M. Pozdnyakova</i>	
“Cognitive mechanism” as a metaphor for the dynamics of mental processes in scientific discourse	78
<i>Elena L. Boyarskaya, Lyudmila B. Boiko</i>	
From persuasion to coercion: on the problem of manipulative euphemization	87
<i>Natalia A. Kurakina</i>	
Automated sentiment analysis vs. automated phono-semantic analysis of manipulative influctive speech acts: cognitive approach	99
<i>Svetlana I. Pereverzeva</i>	
Automatic analysis of metamanipulation in the news	111
<i>Daria S. Cherkasova</i>	
Manipulative potential of new euphemisms: cognitive-discursive approach	129

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вера И. Заботкина, Елена М. Позднякова</i> Когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения в манипулятивном медиадискурсе	12
<i>Мадина К. Абаева</i> Русизмы в языковом сознании казахской молодежи (на материале свободного ассоциативного эксперимента)	26
<i>Людмила И. Гришаева</i> Механизмы и способы моделирования мировосприятия при порождении и рецепции текста	36
<i>Михаил М. Кожокин</i> Генеративный искусственный интеллект в университетской практике: опыт диагностики и регламентации (кейс факультета журналистики РГГУ)	46
<i>Елена М. Позднякова</i> «Когнитивный механизм» как метафора динамики ментальных процессов в научном дискурсе	78
<i>Елена Л. Боярская, Людмила Б. Бойко</i> От убеждения до принуждения: к проблеме манипулятивной эвфемизации	87
<i>Наталья А. Куракина</i> Автоматизированный тональный анализ vs. автоматизированный фоносемантический анализ манипулятивных инфлуктивных речевых актов: когнитивный подход	99
<i>Светлана И. Переверзева</i> Автоматический анализ метаманипуляции в новостных текстах	111
<i>Дарья С. Черкасова</i> Манипулятивный потенциал новой эвфемистической лексики: когнитивно-дискурсивный анализ	129

Когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения в манипулятивном медиадискурсе

Вера И. Заботкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zabotkina@rggu.ru*

Елена М. Позднякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, helenpozdnakova@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – описать когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения, лежащие в основе манипулятивного влияния медиадискурса, и показать, как концептуальные проекции между доменами ПРАВДА и ЛОЖЬ порождают зоны бленда, обеспечивающие скрытое воздействие на адресата. Методологическую основу исследования составляют теория ментальных пространств и концептуальной интеграции, фреймовая семантика и теория культурных схем. Проведен анализ англоязычного медиадискурса с опорой на эмотивно маркированные лексические и фразеологические средства. Показано, что формирование «серой зоны» между концептами TRUTH – LIE (alternative truth, post-truth, counter-truth, counter-knowledge и др.) приводит к систематическим девиациям в междоменных проекциях, когнитивным сбоям (эффект подтверждения, эвристика доступности, иллюзорная истина, атрибутивные ошибки) и концептуальной дезориентации. Обосновано, что эмоционализация дискурса через фреймы страха и угрозы и закрепленные схемы «культуры страха» усиливают манипулятивный потенциал медианарративов. Новизна исследования состоит в описании полидоменного характера концептуального проецирования в пространстве манипуляции, в выделении характеристик негативного манипулятивного влияния, а также в увязке конкретных типов когнитивных сбоев с параметрами эмоционализированного медиадискурса. Показана роль эпистемической бдительности как специфического когнитивного механизма противодействия манипулятивному воздействию.

Ключевые слова: манипулятивный медиадискурс, когнитивное проецирование, концептуальная интеграция, зона бленда, концепты ПРАВДА – ЛОЖЬ, эмоционализация, культура страха, когнитивные искажения, инференция, эпистемическая бдительность

Для цитирования: Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения в манипулятивном медиа-дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 12–25. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-12-25

Cognitive-linguistic mechanisms of meaning construction in manipulative media discourse

Vera I. Zabotkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zabotkina@rggu.ru*

Elena M. Pozdnyakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, helenpozdneyakova@yandex.ru*

Abstract. The article aims to describe the cognitive and linguistic mechanisms of meaning construction that underlie manipulative impact in media discourse and to demonstrate how cross-domain conceptual projections between TRUTH and LIE conceptual domains generate blend zones that enable covert influence on the addressee. The study draws on mental space and conceptual blending theory, frame and schema theory, and qualitative analysis of English-language media discourse focusing on emotionally loaded lexical and phraseological resources. The authors show that the emergence of a “grey zone” within the TRUTH – LIE continuum (alternative truth, post-truth, counter-truth, counter-knowledge, etc.) results in systematic deviations in cross-domain mappings that leads to cognitive distortions (confirmation bias, availability heuristic, illusory truth effect, attribution errors) and addressee’s conceptual disorientation. It is argued that emotionalization through fear- and threat-oriented frames and culturally entrenched schemata of a contemporary “culture of fear” significantly enhances the manipulative potential of media narratives. The novelty of the study lies in the account of the polydomain nature of conceptual projection in the mental space of manipulation, in identifying blend zones as structural hubs of manipulative influence, and in linking specific types of cognitive distortions to parameters of emotionalized media discourse. Epistemic vigilance is conceptualized as a key cognitive mechanism that enables resistance to manipulation and more adequate interpretation of media messages.

Keywords: manipulative media discourse, conceptual projection, conceptual blending, blend zone, concepts TRUTH – LIE, emotionalization, culture of fear, cognitive distortions, inference, epistemic vigilance

For citation: Zabotkina, V.I and Pozdnyakova, E.M. (2026), “Cognitive-linguistic mechanisms of meaning construction in manipulative media discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-12-25

Введение

В рамках статьи будут рассмотрены когнитивные и языковые механизмы, лежащие в основе конструирования особого рода сообщений, а именно сообщений манипулятивного характера. Мы попытаемся ответить на вопрос о том, каков характер когнитивной обработки информации, содержащей манипуляции в медиадискурсе, как подобная информация воспринимается адресатами сообщений. Медийный дискурс не просто передает информацию; он конструирует фреймы, активизирует культурные модели и интерпретирует реальность с целью направлять восприятие информации, влиять на чувства и принятие решений, часто исподволь стимулируя людей не прибегать к рациональному анализу и игнорировать эпистемическую бдительность.

Человеческий язык «является эффективным средством противостояния сенсорному хаосу, который постоянно атакует нас; именно язык обеспечивает номинацию ментальных репрезентаций сенсорного опыта и, таким образом, “объективизирует” индивидуальные впечатления, обеспечивая описание мира и коммуникацию. Именно язык, базируясь на генетически обусловленных алгоритмах и являясь культурным феноменом, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими событиями в мозгу, используя конвенциональные семиотические механизмы»¹. Хотя число семиотических систем, вовлекаемых в общение, увеличивается и сегодня мы говорим о возрастающей роли мультимодальной коммуникации, язык как глобальный когнитивный механизм по-прежнему служит основным средством объективации концептуальной картины мира.

Особенность манипулятивного воздействия состоит в том, что истинные смыслы, оказывающие воздействие и вносящие дезориентацию в концептуальную картину мира индивидов, как правило, имплицированы. Комбинация сложно идентифицируемых импликаций, сопутствующий сенсорный и смысловой хаос, о котором пишет Т.В. Черниговская, – все это порождает дополнительную

¹ Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. М.: АСТ, 2021. С. 78. (Звезда лекций)

нагрузку на когнитивную систему человека. При этом манипуляция не идентифицируется людьми как некая «патология», затрагивающая коммуникативный процесс. Она, как правило, встроена как специфический способ генерации смыслов в рамках более широкого когнитивно-коммуникативного контекста. Конструирование коммуникантами ментальных пространств и активация фреймов являются ингерентными свойствами человеческого мышления. Это, в свою очередь, формирует основу для инференций и принятия решений. Манипулятивный дискурс использует те же когнитивные механизмы, но при этом в нем заложена преднамеренная ассиметрия целей, скрытым путем предоставляющая выгоду создателю нарратива, т. е. манипулятору.

ПРАВДА – ЛОЖЬ:

междоменные концептуальные проекции

Если обратиться к двум противоположным концептам, к которым исторически прибегали манипуляторы с древних времен, то этими концептами являются ПРАВДА и ЛОЖЬ. Аристотель утверждал: «Говорить о существующем, что его нет, или о несуществующем, что оно есть – ложь. Говорить, что существующее есть, а не существующего нет – правда»².

Однако современные СМИ работают не только с центральными концептами, формирующими оппозицию, а со спектром «подобных правде» конструкций. В статье мы ставим вопрос о том, каким образом происходит концептуальное проецирование *между* (курсив наш. – Авт.) полюсами бинарной оппозиции ПРАВДА – ЛОЖЬ. Мы утверждаем, что в данном случае речь идет о концептуальной интеграции ментальных пространств и формировании ряда смешанных пространств (блендов). На материале английского языка было показано, что существует важная зона в пределах континуума TRUTH – LIE, называемая зона бленда, или серая зона. «Именно эта зона фиксирует информацию о новых концептах, а, следовательно, и парадоксальных с точки зрения аксиологии лексических единицах определенного типа, которых численно больше в английском языке»³.

² Аристотель. Метафизика / [пер. с древнегр., вступ. ст. и коммент. А.В. Маркова]. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 103.

³ В зону бленда входят концепты: *Alternative truth* – a blatant lie (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=alternative%20truth>); *post truth* – a time when objective facts are less influential in shaping public opinion

«Серую зону» формируют несколько концептов. *Альтернативная правда* (alternative truth) определяется как откровенная ложь, которая, тем не менее, представляется как законная конкурирующая версия реальности, при этом по своему концептуальному содержанию этот концепт находится в рамках континуума ближе всего к концепту ЛОЖЬ. *Постправда* (post truth) относится к коммуникативным условиям, где объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения по сравнению с апелляциями к эмоциям и личным убеждениям. *Контрправда* (counter-truth) обозначает утверждения о правде, специально сконструированное для противостояния какой-либо «предложенной правде», создавая поле несовместимых нарративов. Соответственно, *контрзнания* (counter-knowledge) используются для поддержки *контрправды*, когда «сконструированные» факты выдаются за истинное знание.

Динамика концептуальных проекций в отношении приведенных выше концептов, формирующих континуум ПРАВДА – ЛОЖЬ, усложняет адаптацию сознания к новым концептам, например, к осознанию того, что ALTERNATIVE TRUTH – это вовсе не правда, а неприкрытая ложь.

В рамках континуума концепт ПРАВДА больше не является стабильным сочетанием интеллекта и реальности (intellectus et rei), а представляет собой смысл, подверженный риторическому искажению. Язык отражает эти концептуальные сдвиги относительно исходной оппозиции ПРАВДА – ЛОЖЬ, что проявляется в появлении идиоматических выражений, которые показывают, как происходит «редактирование» реальности. Приведем пример из английского языка: “bend the truth”, “stretch the truth”, “play fast and loose with the truth”, “shade the truth”, “be economical with the truth” [Заботкина, Боярская 2023, с. 132–133]. Эти идиомы кодируют в самой языковой системе градуированное пространство между правдой и ложью и тем самым легитимизируют тонкие манипулятивные практики как социально приемлемые.

Как указывалось выше, в основе воздействия на сознание лежит концептуальное проецирование, которое осуществляется в полидоменной среде. «Динамический характер процесса проецирования

than appeals to emotion and personal belief (OELD); *counter-truth(s)* – a truth expressed in opposition to the proposed truth (<https://en.wiktionary.org/wiki/countertruth>); *counter-knowledge* – misinformation packaged to look like a fact (<https://en.wiktionary.org/wiki>); *alternative facts* – falsehoods, untruths, delusions (<https://www.dictionaty.com/e/slang/alternative-facts/>) [Заботкина, Боярская 2023, с. 132–133].

обусловлен флюидностью когнитивного контекста, понимаемого как постоянно изменяющийся объем информации, знаний, интерпретаций и индивидуальных инференций, которыми оперирует человек. Флюидность когнитивного контекста означает, что каждый новый фрагмент информации может изменять текущую интерпретацию мира и влиять на процесс проецирования» [Заботкина 2025, с. 55; Заботкина, Боярская 2024; Заботкина, Боярская 2025].

В ходе манипулирования в результате целенаправленной трансляции определенной системы смыслов когнитивные операции концептуального проецирования ведут к различным когнитивным сбоям. В частности при целенаправленной эмоционализации медиадискурса меняются сценарии, регулирующие поведение адресатов сообщений. На материале англоязычных газет были заявлены и введены в разработку определенные параметры исследования эмоционализации через вербализацию эмоций тревоги и страха [Заботкина, Позднякова 2025].

Наряду с воздействием указанных эмоций манипулятивное воздействие может быть реализовано в ходе речевого акта оскорбления [Struiksmā, De Mulder, Van Berkum 2022]. Намеренное сообщение ложной информации посредством речевого акта оскорбления с концептуальным признаком «унижение» способно привести к манипулятивному воздействию на адресата.

«Полидоменный характер концептуального проецирования создает основу для сбоя концептуальных проекций, что ведет к нарушению когнитивного баланса и возникновению концептуальной дезориентации. В отличие от когнитивного диссонанса, данный процесс протекает неосознанно. Сбой концептуальных проекций затрагивает процесс восприятия и интерпретации новой информации, которая не вписывается в уже сформированные ментальные схемы» [Заботкина 2025, с. 60).

Воздействие негативных эмоций как инструмент манипулирования

Обработка информации и принятие решений человеком происходит под воздействием и логики, и эмоций. В статье мы покажем, как встраивание негативных смыслов в медийный дискурс способствует продвижению манипулятивного воздействия посредством эмоционализации. Исследования медийного дискурса показывают, что страх и угроза являются одними из наиболее систематически используемых негативных эмоций в современных СМИ, которые часто описываются как создающие «культуру страха» [Furedi 2018;

Glassner 2018]. Страх возникает, когда событие представляется как: а) имеющее значительный негативный исход, б) правдоподобное или вероятное и в) лишь частично контролируемое.

Для эмоционализации контента используются следующие средства:

- а) лексика угрозы (угроза, опасность, риск, катастрофа, кризис, вторжение);
- б) метафоризация социальных, политических или экономических процессов как стихийных бедствий или войн («цунами мигрантов», «война с террором», «вирусная атака»), что подразумевает высокую неконтролируемость и срочность;
- в) опора на количественную оценку и статистику, выделяющую наихудшие показатели без контекстных базовых значений, что усиливает серьезность угрозы воспринимаемого сообщения.

Эмоционализация посредством страха выполняет прагматические функции: она привлекает внимание, повышает запоминаемость и, что особенно важно, подавляет анализ, активируя быструю, основанную на эмоциях обработку информации. Авторы, занимающиеся критической медиалингвистикой, отмечают, что эмоциональные регистры создают «короткое замыкание» в рациональном анализе, открывая дверь для внедрения идей, страхов и тревог, которые впоследствии могут направлять поведение, не обязательно становясь полностью явными убеждениями [Озюменко, Ларина 2021].

Эмоционализация манипулятивного контента достигается за счет выбора фреймов, выделяющих в транслируемом контенте опасность и уязвимость. Когда ситуация фреймируется в основном в терминах конфликта и угрозы, адресаты воспринимают ее как несущую бóльший риск, более сильные негативные эмоции, что вызывает либо желание защищаться, либо шок и апатию.

С когнитивно-лингвистической точки зрения ментальные процессы в таком случае осуществляются, с одной стороны, под воздействием фрейма, а с другой – под воздействием эмоций от переживаемой ситуации, причем зачастую человек отдает предпочтение оценочному компоненту в отношении воспринимаемого события. Фреймы моделируют, какие аспекты ситуации выдвигаются на первый план (например, отсутствие контроля в ситуации опасности или ее контролируемость), а механизм оценки, в свою очередь, определяет эмоциональные реакции, такие как страх, гнев или надежда. Эмоции затем смещают дальнейшую обработку в пользу субъективных интерпретаций, соответствующих фрейму, формируя замкнутый круг [Болдырев 2023].

В то время как фрейминг работает на уровне конкретных медиаисторий, схемы (schemata) активируют относительно стабильные культурные модели, которые структурируют многократное воздействие медийных сообщений. Эмоционализация происходит, когда схемы систематически включают негативные аффективные компоненты, так что определенные темы (миграция, риски для здоровья, геополитические отношения) привычно кодируются в ориентированных на страх интерпретационных шаблонах [Otieno, Spada, Renkl 2013].

Понятие «культуры страха» представляет современную реальность, в которой страх становится предрасположенностью по умолчанию. Термин был популяризирован Фрэнком Фуреди в конце 1990-х гг. и американским социологом Барри Гласснером в середине 2000-х [Furedi 2018; Glassner 2018]. С точки зрения схем, повторяющиеся дискурсы об опасности и уязвимости, транслируемые медиа, укрепляют определенные сети ассоциаций: чуждые по взглядам или культурным традициям группы ассоциируются с угрозой, повседневные технологии – со скрытыми рисками, а будущие события – с надвигающимися кризисами. Непосредственно в дискурсе СМИ это подкрепляется следующими факторами:

- многократное повторение выражений, связанных со страхом («политика страха», «фактор риска», «экзистенциальная угроза»);
- тематическая кластеризация негативных событий вокруг конкретных субъектов (стран, групп, отраслей), формирующая устойчивые профили угроз;
- нарративные схемы, в которых одни и те же категории (например, дети, «обычные граждане») неоднократно помещаются в опасные ситуации.

Важно отметить, что такие схемы не являются чисто пропозициональными; они опираются на телесную воплощенность, включают в себя сенсорные образы, тревожность ожидания и тенденции к действию (избегание, поддержка ограничительной политики), что увеличивает их манипулятивный потенциал.

Эмоции функционируют как «быстрые эвристики», сжимая сложные оценки в интуитивные чувства (безопасно/небезопасно, мы/они, за/против), которые могут быть быстро активированы и легко согласуются с желаемыми установками. Вместо предоставления сбалансированных доказательств и побуждения к медленному рассуждению, эмоционализованные схемы позволяют нарративам «подключаться» к уже существующим аффективным диспозициям, тем самым обеспечивая еще большую вовлеченность

в негативную эмоционализацию. Как только определенный лексический или повествовательный паттерн становится индикатором опасности или возмущения, достаточно простого упоминания, чтобы вновь активизировать связанное с ним эмоциональное состояние, даже при отсутствии новой существенной информации.

Манипулирование в СМИ основано на систематическом использовании асимметрии между эмоциональной и рациональной обработкой [Кузнецова, Глухова 2024]. Негативные эмоции, такие как страх, гнев и тревога, обладают большей значимостью и мотивационной силой, чем нейтральные или умеренно позитивные аффекты, что делает первые особенно эффективными для привлечения внимания и регулирования поведения. Когда нарративы строятся вокруг негативных эмоций, они могут исказить рассуждения адресатов таким образом, что их решения благоприятствуют целям манипулятора, зачастую без использования явно ложных утверждений. Именно в таких случаях мы говорим о скрытом манипулировании [Демьянков 2017; Демьянков 2018].

Чем интенсивнее сообщение вызывает страх или возмущение, тем меньше когнитивных ресурсов остается для оценки аргументов, проверки согласованности или сравнения альтернативных источников. Широкое использование эмоционально окрашенной лексики, личных историй страданий и драматических визуальных образов создает аффективные рамки, которые подталкивают получателей к роли переживающего события, согласовывая их внутреннее состояние с состоянием героя повествования.

С когнитивной точки зрения это соответствует переходу от медленной, рефлексивной обработки к быстрой, эвристически ориентированной обработке, в которой:

- эмоциональная предвзятость преобладает над вероятностным рассуждением;
- эвристика доступности (легкость запоминания) способствует искажению оценки риска на основе ярких примеров;
- эффект подтверждения работает таким образом, что человек отдает предпочтение информации, соответствующей вызванному эмоциональному состоянию (например, тревожные люди ищут дополнительные подтверждающие угрозу сигналы) [Заботкина, Позднякова 2025, с. 52].

Таким образом, медийные нарративы, которые неоднократно подвергают аудиторию воздействию тревожного контента, могут создавать хронические состояния повышенного возбуждения, которые, в свою очередь, поддерживают спрос на дополнительную информацию, подтверждающую страх, создавая самоподкрепляющийся цикл.

Негативная эмоционализация оказывает серьезное влияние и на такой когнитивный процесс, как инференция. Понимание дискурса включает в себя непрерывное формирование связующих и детализированных выводов на основе знаний о мире и контекстных подсказок. Эмоционализированные медийные дискурсы используют это, избирательно предоставляя «поддержку», которая направляет процессы инференции в желаемое русло, либо оставляя пробелы, которые адресаты заполняют стереотипными предположениями, либо формируя причинно-следственные связи между одновременно происходящими событиями без явной аргументации.

Поскольку подобные инференции кажутся самопроизвольными («Я сам пришел к такому выводу»), они с меньшей вероятностью будут подвергнуты тщательному анализу. Присутствие контента, транслирующего страх, также провоцирует настороженность, предпочтение видеть угрозу там, где ее нет. Происходят когнитивные сбои на основе тревожности, которые манипуляция может усилить, выдвигая на первый план потенциальный вред и принижая базовую информацию. Таким образом, эмоционализация не просто добавляет чувства к уже существующим убеждениям, она активно влияет на инференции, посредством которых формируются ошибочные убеждения относительно воспринимаемых событий.

Подводя итог воздействию эмоций в процессе манипулирования, обозначим типы когнитивных сбоев, происходящих в результате целенаправленных девиаций в междоменных концептуальных проекциях. Такими сбоями являются: эффект подтверждения; эмоциональная предвзятость; ошибка атрибуции; эффект иллюзорной истины; эвристика доступности [Заботкина, Позднякова 2025, с. 52].

Эпистемическая бдительность как средство противодействия манипуляциям

Когнитивные механизмы, участвующие в восприятии и обработке информации, могут способствовать противодействию манипуляциям в случае активирования эпистемической бдительности. Когда получатели информации воспринимают источник сообщения как лицо, имеющее корыстные интересы (лоббисты, политики), они становятся более осторожными в интерпретации доказательств и лучше распознают манипулирование. Осознание потенциальной предвзятости или обмана приводит участников к более точной интерпретации статистической информации и снижению доверия к манипулятивным источникам.

Эпистемическая бдительность – это набор когнитивных механизмов, посредством которых происходит оценка передаваемой информации, анализируется содержание, контекст и источник. Активация этих механизмов способствует защите от обмана, ошибок и уступок неправомерному влиянию. В когнитивном плане эпистемическая бдительность означает переход от автоматического принятия навязываемых фреймов к осознанию манипулятивных приемов. Чем больше адресат знает о типичных манипулятивных моделях – эвфемизации, гиперболических оценках, морализаторских метафорах, эмоциональных триггерах, тем с большей вероятностью он раскодирует сообщение.

Эпистемическая бдительность – это не только индивидуальный процесс; она функционирует в рамках групп в социальных сетях. Если в таких группах присутствуют критически настроенные индивиды, т. е. те, кто проводит проверки правдоподобности сообщений, их мнение оказывает сильное влияние на отношение других членов группы к манипулятивным сообщениям и сдерживает их последующее распространение. Когда такие «критические узлы» занимают центральное место в коммуникации групп в социальных сетях, они могут сдерживать или исправлять дезинформацию; когда они находятся на периферии, манипулятивные нарративы распространяются более свободно.

Таким образом, критическая коммуникативная среда групп, каналов, форумов и т. п. в социальных сетях, поощряя обсуждение медиаконтента, позволяет аудитории ознакомиться с различными интерпретациями и поддерживает проверку фактов, что существенно усиливает эпистемическую бдительность. И наоборот, среда, которая поощряет эмоциональную вовлеченность и динамику эхо-камеры, может подавлять групповую бдительность. Когда эпистемологическая бдительность выступает в качестве внутреннего противодействующего фактора, поддерживаемого фоновыми знаниями, критическим восприятием дискурса и осознанием лингвистических стратегий, манипулятивный медийный дискурс встречает сопротивление.

Заключение

В статье мы поставили вопрос о характерных способах обработки адресатом информации, которая содержит манипуляции, транслируемые посредством медиадискурса. В основе смыслопорождения и когнитивной обработки информации в данном типе дискурса лежит операция концептуального проецирования между

различными доменами знания и эмоциональной составляющей человеческой когниции. Нами был выявлен характер концептуальных проекций между доменами ЛОЖЬ и ПРАВДА и показана важная роль концептуального слияния, образующего зоны бленда, которые и становятся основой манипулятивного воздействия. Были изучены механизмы концептуального проецирования и выявлены взаимосвязи между сбоями в концептуальной картине мира и эмоционализацией дискурса за счет интенсивного вовлечения эмоций тревоги и страха. Было показано, что основным средством противодействия манипуляциям является эпистемическая бдительность, способствующая критическому пересмотру эмоционально заряженных сообщений и их адекватной интерпретации.

Литература

- Болдырев 2023 – *Болдырев Н.Н.* Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сб. науч. трудов / редкол.: С.Т. Золян, В.Х. Гильманов, А.В. Щекотуров. Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2023. С. 5–8.
- Демьянков 2017 – *Демьянков В.З.* Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (53). С. 5–13. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13
- Демьянков 2018 – *Демьянков В.З.* Языковые средства когнитивной манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 48–52.
- Заботкина 2025 – *Заботкина В.И.* Когнитивные и языковые механизмы смыслопорождения в ментальном пространстве манипуляции // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2 (63). Ч. 1. С. 58–62.
- Заботкина, Боярская 2023 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции *истина – ложь* // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 126–136. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-8
- Заботкина, Боярская 2024 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Динамика концептуального проецирования в медиадискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 74–81.
- Заботкина, Боярская 2025 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Концептуальное проецирование как основа манипулятивного воздействия // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 1. С. 24–38. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-2
- Заботкина, Позднякова 2025 – *Заботкина В.И., Позднякова Е.М.* Манипулятор vs. манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 44–56. DOI: 10.20916/1812-3228-2025-4-44-56

- Кузнецова, Глухова 2024 – *Кузнецова И.А., Глухова Е.С.* Манипулятивный потенциал когнитивных искажений в рекламных текстах // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 1. С. 121–136. DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(1).121-136
- Озюменко, Ларина 2021 – *Озюменко В.И., Ларина Т.В.* Угроза и страх: прагматические цели эмоционализации в медийном дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. С. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766
- Furedi 2018 – *Furedi F.* How fear works: Culture of fear in the 21st century. L.: Bloomsbury Publishing, 2018. 320 c.
- Glassner 2018 – *Glassner B.* The culture of fear: Why Americans are afraid of the wrong things. N.Y.: Basic Books, 2018. 384 c.
- Otieno, Spada, Renkl 2013 – *Otieno C., Spada H., Renkl A.* Effects of news frames on perceived risk, emotions, and learning // PLoS One. 2013. Vol. 8. Iss. 11. P. 1–12. DOI: 10.1371/journal.pone.0079696.
- Struiksma, De Mulder, VanBerkum 2022 – *Struiksma M.E., DeMulder H.N.M., VanBerkum J.J.A.* Do people get used to insulting language? // Frontiers in Communication. 2022. No. 7. P. 1–21.

References

- Boldyrev, N.N. (2023), “Secondary interpretation of the world as a method of linguistic manipulation of consciousness”, in Zolyan, S.T., Gil'manov, V.Kh. and Shchekoturov, A.V., eds., *Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznanie, kul'tura: sbornik nauchnykh trudov* [Manipulations and society: Language, consciousness, culture. Collected scientific papers], Baltiiskii federal'nyi universitet imeni I. Kanta, Kaliningrad, Russia, pp. 5–8.
- Dem'yankov, V.Z. (2017), “Knowledge transfer and cognitive manipulation”, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, vol. 53, no. 4, pp. 5–13. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13
- Dem'yankov, V.Z. (2018), “Linguistic means of cognitive manipulation in the humanities”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 33, pp. 48–52.
- Furedi, F. (2018), *How fear works: Culture of fear in the 21st century*, Bloomsbury Publishing, London, UK.
- Glassner, B. (2018), *The culture of fear: Why Americans are afraid of the wrong things*, Basic Books, New York, USA.
- Kuznetsova, I.A. and Glukhova, E.S. (2024), “Manipulative potential of cognitive distortions in advertising texts”, *Communication Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 121–136, DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(1).121-136
- Ozyumenko, V.I. and Larina, T.V. (2021), “Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse”, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 746–766, DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766

- Otieno, C., Spada, H. and Renkl, A. (2013), "Effects of news frames on perceived risk, emotions, and learning", *PLoS One*, vol. 8, iss. 11, pp. 1–12, DOI: 10.1371/journal.pone.0079696
- Struiksma, M.E., De Mulder, H.N.M. and Van Berkum J.J.A. (2022), "Do people get used to insulting language?", *Frontiers in Communication*, no. 7, pp. 1–21.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2023), "Conceptual structure of the binary axiological opposition 'truth – lie' ", *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 14, no. 1, pp. 126–136, DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-8
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2024), "Dynamics of conceptual projection in media discourse: The manipulative aspect", *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 61, no. 5, pp. 74–81.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2025), "Conceptual projection as the basis of manipulative influence", *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 16, no. 1, pp. 24–38, DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-2
- Zabotkina, V.I. (2025), "Cognitive and linguistic mechanisms of meaning generation in the mental space of manipulation", *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 63, no. 2, part 1, pp. 58–62.
- Zabotkina, V.I. and Pozdnyakova, E.M. (2025), "Manipulator vs. manipulated: distortion of cognitive processes in media discourse", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 44–56, DOI: 10.20916/1812-3228-2025-4-44-56

Информация об авторах

Вера И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; zabotkina@rggu.ru

Елена М. Позднякова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; helenpozdnayakova@yandex.ru

Information about the authors

Vera I. Zabotkina, Dr. of Sci (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zabotkina@rggu.ru

Elena M. Pozdnyakova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; helenpozdnayakova@yandex.ru

Русизмы в языковом сознании казахской молодежи (на материале свободного ассоциативного эксперимента)

Мадина К. Абаева

*Институт языкознания им. А. Байтурсынова,
Алматы, Казахстан, madina.abaeva@gmail.com*

Аннотация. Актуальность исследования русизмов определяется современными лингвистическими реалиями Казахстана: понимание того, как русская лексика функционирует в языковом сознании казахской молодежи, важно для языковой политики и сохранения этнокультурной идентичности. Русизмы отражают когнитивно-речевые процессы билингвов, указывая на степень влияния русского языка. В условиях казахстанского общества наблюдается устойчивое сосуществование казахского и русского языков, что способствует формированию сложных языковых моделей в сознании говорящих. Русский язык, обладая высоким статусом языка межнационального общения, оказывает заметное влияние на структуру и содержание языкового сознания казахов, особенно у молодежи, активно взаимодействующей с медиа, образовательными и цифровыми платформами. Исследование проводится в русле психолингвистики и межкультурной коммуникации, фокусируясь на том, какие образы и понятия вызывают у казахской молодежи ассоциации на русском языке.

Ключевые слова: языковое сознание, русизм, билингвы, переключение кода, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Абаева М.К. Русизмы в языковом сознании казахской молодежи (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 26–35. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-26-35

Russianisms in the linguistic consciousness of Kazakh youth (based on the free associative experiment)

Madina K. Abayeva

*Baitursynuly Institute of Linguistic,
Almaty, Kazakhstan, madina.abaeva@gmail.com*

Abstract. The relevance of the study of Russianisms is determined by the modern linguistic realities of Kazakhstan: understanding how Russian vocabulary functions in the linguistic consciousness of Kazakh youth is important for language policy and the preservation of ethno-cultural identity. Russianisms reflect the cognitive-speech processes of bilinguals, indicating the degree of influence of the Russian language. In the conditions of Kazakh society, there is a stable coexistence of the Kazakh and Russian languages, which contributes to the formation of complex language models in the minds of speakers. The Russian language, having a high status as the language of interethnic communication, has a noticeable impact on the structure and content of the linguistic consciousness of Kazakhs, especially among young people who actively interact with media, educational and digital platforms. The research is conducted in line with psycholinguistics and intercultural communication, focusing on what images and concepts Kazakh youth associate in Russian.

Keywords: linguistic consciousness, Russianism, bilinguals, code switching, intercultural communication

For citation: Abayeva, M.K. (2026), "Russianisms in the linguistic consciousness of Kazakh youth (based on the free associative experiment)", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 26–35, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-26-35

Билингвальная ситуация в Казахстане создает уникальные условия для взаимодействия казахского и русского языков. Современная казахская молодежь свободно владеет двумя языками: около 90% граждан Казахстана понимают русский язык, и ~80% на нем говорят.

Русский язык остается актуальным и широко используемым, особенно в городах, выполняя роль языка межнационального общения. При этом казахский язык укрепляет позиции как государственный, приводя к явлению равноправного двуязычия у молодежи.

В повседневном общении молодые билингвы нередко переключают код, используя элементы обоих языков: казахский домини-

рует в семейно-бытовой сфере, тогда как русская речь выполняет экспрессивно-эмоциональную функцию. Ассоциативные реакции казахской молодежи фиксируют влияние русской лексики и отражают когнитивные процессы билингвального сознания.

Настоящее исследование направлено на выявление русизмов в ответах на казахские слова-стимулы в свободном ассоциативном эксперименте (САЭ). В условиях такой *межкультурной коммуникации* и соприкосновения языков в сознании носителей формируются *русизмы* – элементы русского языка (слова, выражения), проникающие в речь на казахском.

В силу интенсивной языковой практики у молодежи наблюдается процесс смешения языковых систем, где русизмы выполняют как номинативную, так и экспрессивную функцию. Таким образом, исследование русизмов позволяет зафиксировать не только языковое влияние, но и ментальные трансформации, происходящие в сознании билингвальной личности.

Методология. Эксперимент проводился среди студентов, обучающихся на казахском языке, при этом владеющих русским языком. Участникам предлагались как конкретные (семья), так и абстрактные (любовь) стимулы. В работе использованы как качественные, так и количественные методы анализа.

Анализ анкет проводился с целью выявить русизмы – реакции, представленные словами или выражениями русского языка (в том числе интернационализмами, заимствованными через русский). Эти русизмы затем классифицировались по языковому уровню (лексика, словообразование и пр.) и по функциональному типу.

Теоретическое обоснование

Понятие *языкового сознания* разработано в психолингвистике для описания отражения действительности в сознании человека посредством языковых форм. Московская школа психолингвистики рассматривает языковое сознание как неотъемлемую часть общего сознания, наделенную способностью *опережающего и субъективного отражения* мира. Иными словами, язык не только фиксирует уже осмысленный опыт, но и задает опережающее (прогностическое) видение ситуации, преломляя его через призму индивидуально-культурного восприятия. Согласно Е.Ф. Тарасову, языковое сознание – это система знаний и стереотипов, обусловленных языком и культурой, посредством которой человек интерпретирует окружающую действительность [Тарасов 2000].

В контексте данного исследования важны современные нейропсихологические представления о сознании, восходящие к идеям П.К. Анохина. В теории функциональных систем Анохина сознание характеризуется целенаправленностью и активным прогнозированием результатов действий, что согласуется с психолингвистическим пониманием опережающего характера языкового сознания [Анохин 1975].

Языковое сознание молодежи, формируясь на стыке двух языковых систем, представляет сложную динамическую подсистему общего сознания, в которой языковые единицы обоих языков взаимодействуют и конкурируют. Психолингвистический подход (см., например, [Леонтьев 1997; Уфимцева 1994]) подчеркивает, что в билингвальном сознании возможно сосуществование двух языковых картин мира. Ассоциации, возникающие у билингва, могут принадлежать разным языкам, отражая *языковую интерференцию* и элементы двуязычной языковой картины мира.

Опираясь на эти теоретические положения, мы рассматриваем русизмы как маркеры взаимодействия языковых систем в сознании говорящего. Их появление в ассоциативных реакциях свидетельствует о степени включенности русской языковой картины мира в сознание казахского билингва. Таким образом, теоретическая рамка объединяет психолингвистическое понимание языкового сознания как части когнитивной системы, опирающейся на два языка, и межкультурный подход, учитывающий влияние русской культуры и речи на казахскую молодежь.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента

Среди проанализированного материала выявлен ряд русизмов – от отдельных слов до словосочетаний и фраз на русском языке. *Русизмы присутствовали в ассоциативных полях большинства стимулов*, что указывает на значительное проникновение русского языка в когнитивное пространство молодых казахов.

На основе характера языковой единицы все обнаруженные русизмы можно разделить на три основных типа:

Лексические русизмы – отдельные слова русского языка (или через русский язык) в качестве реакции. Пример – реакция «*братан*» на стимул «*аға*» («старший брат»). 9 информантов (все – юноши) указали разговорное русское «*братан*» («братан, браток») в ассоциациях к образу старшего брата. Эта реакция получила высокий

ранг, уступая по частоте лишь базовым казахским словам *бауыр* («брат»), *іні* («младший брат») и др.

Словообразовательные русизмы – случаи, когда в реакции проявляется влияние русской словообразовательной модели или смешение элементов двух языков в одном слове. Прямых примеров контаминации в нашем эксперименте немного, однако можно отметить интересные случаи смешения. Написание русского слова казахскими буквами или с казахскими аффиксами: в одной анкете реакция на «дос» была записана как «*другым*», т. е. русское «*друг*» с казахским творительным падежом *-ым*. Подобные случаи показывают глубину интеграции: русский корень соединяется с казахской грамматикой в сознании говорящего.

Фразеологические русизмы – устойчивые словосочетания, идиомы или развернутые фразы на русском языке, появившиеся в ассоциациях. В ряде случаев информанты давали не одно слово, а целое выражение. Часть из них – дословные заимствования из русского. В ассоциативных полях зафиксированы случаи воспроизведения русских пословиц и крылатых фраз. Например, для стимула «дос» («друг») информант привел поговорку «*старый друг лучше новых двух*» (русская пословица), а на «отау» («семья, очаг») – фразеологизм «*мой дом – моя крепость*» (русская калька с англ. пословицы). Хотя такие ответы не массовы, они ярко отражают влияние русской фразеологии на сознание билингвов. Отдельно следует упомянуть случаи, когда казахская пословица или фразеологизм приводится на русском языке. В ассоциациях к стимулу «аға» один из популярных ответов – казахская поговорка о старшем брате, но несколько информантов записали ее *в переводе на русский*. Это указывает на то, что даже национально-культурный контент иногда всплывает в памяти сначала на русском языке.

Для наглядности в табл. 1 приведены некоторые стимулы и обнаруженные русизмы в реакциях на них (лексические и фразеологические). Таблица основана на данных ассоциативного эксперимента.

Таблица 1

Русизмы в реакциях на казахские слова-стимулы

<i>Слово-стимул (каз.)</i>	<i>Основное значение</i>	<i>Русизмы в реакциях (примеры)</i>
аға	старший брат, дядя	братан, брат, опора, армия, босс, поддержка, дядя
іні	младший брат	брат, мелкий, братишка
әке	отец	папа, батя
ана	мать	мама, мамочка, мать Тереза
әже	бабушка	бабушка, старая
күйеу	муж, зять	муж, супруг, жених
жұбай	супруга, жена	жена, хозяйка
еркек	мужчина	мужчина, парень, джентльмен, силач
әйел	женщина	женщина, дама, леди, красавица
бала	ребёнок, сын	мальчик, сынок, школьник, детсад
қыз	девушка, дочь	девочка, девушка, подруга
қыз бала	девочка	малышка, леди
ата	дедушка	дедушка, дед
дос	друг	друг, дружище, братан, лучший друг
сана	сознание	разум, интеллект, IQ, мозг

Эти примеры отражают активное влияние русского языка на ассоциативное мышление казахской молодежи. Теория Анохина подчеркивает роль прогностической функции сознания в формировании поведенческих актов, что применимо и к языковым реакциям. Ассоциативные ответы – это проявление спонтанной языковой активности, отражающей внутреннюю языковую модель. Согласно Тарасову, языковое сознание формируется не только за счет языка, но и через опыт, культурные установки, социальные практики, в том числе медиа и образование. Таким образом, даже пассивное восприятие русской речи – через YouTube, TikTok, Instagram* – может формировать в мозге устойчивые языковые паттерны (тик токтагы от, тик ток от). Леонтьев указывает на то, что билингвальное со-

*Instagram – организация, запрещенная в РФ.

знание способно оперировать двумя языковыми картинами мира, формируя так называемые перекрестные ассоциации. Уфимцева, в свою очередь, доказывала, что ассоциативные поля у билингвов шире и разнообразнее, чем у моноязычных индивидов.

Таким образом, анализ анкет САЭ выявил значительное количество русизмов, в основном на уровне лексики, а также отдельные случаи словообразовательного вмешательства и использование русских фразеологизмов. Это свидетельствует о высокой степени русско-казахской интерференции в языковом сознании молодежи.

Влияние русской лексики на языковое сознание казахской молодежи (причины включения русизмов):

- *стилистическая и эмоциональная коннотация* русского варианта. Русские слова зачастую используются как средство выразительности, передачи фамильярности или шутливости. Это подтверждается и тем, что русизмы особенно характерны для мужских ассоциаций (слова «*братан*», «*босс*» отмечены преимущественно у юношей). Молодые люди используют эти слова, чтобы придать образу дополнительный оттенок (уважительно-дружеский в случае «*братан*» или модерново-деловой в случае «*босс*»);
- *область употребления понятия в социокультурном плане*. Если концепт часто встречается в русском медиа-пространстве или обучении, то и в сознании может всплывать русское название. Например, стимул «*күйеу*» («*муж*») вызвал русскую реакцию «*муж*» у некоторых девушек, возможно потому, что образы замужества и семейной жизни широко обсуждаются на русском (через соцсети, фильмы). Аналогично, «*еркек*» («*мужчина*») ассоциировался с «*мужчиной*» – русским словом, часто звучащим в массмедиа. Здесь наблюдается *языковая картина мира*, разделяемая двуязычной молодежью: черты «*мужчины*» или «*женщины*» они впитали как из казахскоязычной культуры, так и из русскоязычного дискурса. Русское слово может казаться более естественным для выражения некоторых характеристик, если эти характеристики чаще описывались на русском;
- *языковая идентичность и престижность кода*. В Казахстане русский язык исторически ассоциируется с городским образом жизни, образованностью, доступом к современной культуре. Даже при укреплении позиций казахского русский сохраняет функцию *языка прагматики* – на нем говорят о науке, технике, популярной культуре. Молодежный сленг, интернет-мемы, реклама – значительная их часть на русском языке. Поэтому неудивительно, что при упоминании, к примеру, «*телевиде-*

ния» или «интернета» в ответах могут появляться русские (и даже английские) слова, так как сама реальность этих явлений связана у информантов с русскоязычным пространством. Таким образом, выбор русского кода в сознании часто продиктован тем, какой язык доминирует в данной *сфере жизни* говорящего. Для семьи и быта преобладает казахский (поэтому базовые термины родства чаще даются на казахском), но для развлечений, работы, учебы – в большинстве случаев русский.

Важный вывод состоит в том, что *включение русизмов не означает утраты казахского языка*, а отражает гибкость языкового сознания билингвов. Многие участники давали сразу двойные ассоциации – сначала казахское слово, затем через запятую русское. Например, один информант на стимул «аға» перечислил: «бауыр, көмек, братан, үлкен...», сочетая родные и русские понятия. Это свидетельствует не о бедности казахского словаря, а о богатстве двуязычного сознания, умеющего оперировать эквивалентами из обеих систем. Тем не менее, с точки зрения языковой политики, подобное смешение может рассматриваться двояко. С одной стороны, русизмы выступают естественной частью речевой практики и когнитивного опыта молодежи. С другой – их избыточность может указывать на ослабление позиций казахского языка в отдельных концептуальных зонах. Если даже на слово «әке» появляются реакции «пәпа», это сигнал к тому, что в семейном дискурсе русский язык занимает значимое место (возможно, в отдельных семьях общения с отцом преимущественно на русском).

Социокультурные факторы также играют роль. Уровень владения языками у разных информантов неодинаков: те, для кого казахский является доминантным (например, сельская молодежь, или обучавшиеся в казахских школах), реже использовали русизмы. Напротив, русскоязычные казахи («шала-қазақ») чаще реагировали по-русски. Таким образом, ассоциативный эксперимент вскрыл стратификацию внутри казахской молодежи по признаку языка сознания. Большинство двуязычных информантов продемонстрировали смешанный тип языкового сознания, где русизмы органично вплетены в сеть ассоциаций.

Заключение

В ходе проведенного исследования установлено, что языковое сознание современной казахской молодежи носит явно выраженный двуязычный характер. Свободный ассоциативный эксперимент показал наличие русских слов и выражений (русизмов) в реакции на казахские стимулы практически во всех анализиру-

емых семантических полях. Русизмы особенно часто проявляются в тематике семьи, социальных ролей и бытовых понятий, что обусловлено активным билингвальным функционированием этих сфер. Классификация русизмов в ассоциациях выявила преобладание лексических вставок (единичных слов), встречаются также случаи словообразовательного смещения и использования русских фразеологизмов. Это свидетельствует о том, что в ментальном лексиконе молодежи русская и казахская языковые системы тесно взаимодействуют, образуя единую ассоциативно-понятийную сеть.

Результаты актуальны в контексте языковой политики Казахстана. С одной стороны, они указывают на устойчивую роль русского языка в сознании нового поколения – русский по-прежнему является неотъемлемой частью коммуникативной практики и мышления молодежи. С другой стороны, прослеживается тенденция функционального разграничения сфер употребления: казахский язык доминирует в базовых этнокультурных понятиях, тогда как русский привносит дополнительные смысловые оттенки и обслуживает отдельные сегменты коммуникации.

В заключение отметим, что билингвизм казахской молодежи порождает своеобразный симбиоз языковых картин мира. Русизмы в ассоциативном поле – это *отпечатки двуязычия* в мышлении, показывающие, как два языка сосуществуют в сознании.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта программно-целевого финансирования № BR21882227 «Лингвистические средства и разработки модернизации языкового сознания в контексте нового Казахстана».

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the program-targeted financing project no. BR21882227 “Linguistic means and developments for the modernization of linguistic consciousness in the context of the new Kazakhstan”.

Литература

Анохин 1975 – Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 448 с.

- Леонтьев 1997 – *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Тарасов 2000 – *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание и образ мира // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 26–34.
- Уфимцева 2000 – *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 207–219.

References

- Anokhin, P.K. (1975), *Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem* [Essays on the physiology of functional systems], Meditsina, Moscow, USSR.
- Leont'ev, A.A. (1997), *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics], Smysl, Moscow, Russia.
- Tarasov, E.F. (2000), "Linguistic consciousness and the image of the world", in Ufimtseva, N.V., ed., *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie: sbornik statei* [Linguistic consciousness: formation and functioning], Institut yazykoznaniiya RAN, Moscow, Russia, pp. 26–34.
- Ufimtseva, N.V. (2000), "Linguistic consciousness and the image of the world of the Slavs", in Ufimtseva, N.V., ed., *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie: sbornik statei* [Linguistic consciousness: formation and functioning], Institut yazykoznaniiya RAN, Moscow, Russia, pp. 207–219.

Информация об авторе

Мадина К. Абаева, кандидат филологических наук, доцент, Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан; 050010, Казахстан, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; madina.abaeva@gmail.com

Information about the author

Madina K. Abayeva, Cand. of Sci (Philology), associate professor, A. Baitursynuly Institute of Linguistic, Almaty, Kazakhstan; 29, Kurman-gazy St., Almaty, Kazakhstan, 050010; madina.abaeva@gmail.com

УДК 82-9

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-36-45

Механизмы и способы моделирования мировосприятия при порождении и рецепции текста

Людмила И. Гришаева

*Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, grishaewa@rgph.vsu.ru*

Аннотация. Предмет анализа – выявление на примере изучения гибридного научно-публицистического людического текста способов ментального моделирования комплекса разнородных сведений о мире единым субъектом познания и коммуникации как носителем личностной и коллективной идентичности в определенной языковой культуре. Обобщения формулируются на основе сопоставления оценочных суждений об одном и том же тексте со стороны разных реципиентов как носителей той же культуры, что и продуцент воспринимаемого текста. Описываются наиболее востребованные продуцентом способы и средства моделирования исторических процессов, происходивших в Германии и общеизвестных каждому носителю культуры.

Ключевые слова: картина мира как ментальная репрезентация культуры, субъект познания и коммуникации, когнитивные механизмы

Для цитирования: Гришаева Л.И. Механизмы и способы моделирования мировосприятия при порождении и рецепции текста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 36–45. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-36-45

Mechanisms and methods of modeling of perception of the world in text generation and reception

Lyudmila I. Grishaeva

*Voronezh State University,
Voronezh, Russia, grishaewa@rgph.vsu.ru*

Abstract. The aim of the analysis is to identify the ways of mental modeling of a complex of heterogeneous information about the world by a single subject of cognition and communication who possesses personal identity and shares

© Гришаева Л.И., 2026

language and collective identity within other members of a particular culture. The analysis is performed on the example of a hybrid popular science journalistic ludic text. Generalizations are formulated based on the comparison of evaluative judgments about the same text made by different recipients who share the same culture with the author of the perceived text. The most sought-after methods and means of modeling historical processes that took place in Germany and are well-known to every member of the culture are described.

Keywords: worldview as a mental representation of culture, the subject of cognition and communication, cognitive mechanisms

For citation: Grishaeva, L.I. (2026), "Mechanisms and methods of modeling of perception of the world in text generation and reception", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 36–45, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-36-45

Ставшими практически уже аксиоматическими следует, пожалуй, признать ряд положений о когнитивных механизмах воздействия на ментальный мир человека. Не менее общепринятыми стали также некоторые тезисы о вкладе когнитивных механизмов в моделирование воспринимаемых и обрабатываемых человеком гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире. Упомянуть в данном контексте в первую очередь следует три тезиса (см. подробный комментарий [Гришаева 2022, с. 111]; см. анализ разных аспектов рассматриваемой проблематики [Корнева 2023; Корнилов 1999; Кубрякова 1988; Кубрякова 1998; Кубрякова 2004; Постовалова 1987; Постовалова 1988; Пищальникова 2021]; см. близкую к изложенной трактовку [Reischer 2002]):

- понимание картины мира как ментальной репрезентации культуры и вытекающий из этого вывод о картине мира как сложно организованном, иерархичном, целостном, холистичном образе, осмысляемом через экспликацию в серии актов познания и через последующее описание отдельных фрагментов соответствующей целостности. Однако данное обстоятельство осознается не всегда и не обязательно, а только при целенаправленной, сознательной рефлексии;
- осознание того, что носителем картины мира является *de facto* конкретный субъект познания и коммуникации как носитель языка и культуры. Тем самым субъект существует в культурном пространстве как носитель уникальной личностной идентичности и коллективной, общей для всех носителей культуры, идентичности. Благодаря этому индивид способен продуктивно взаимодействовать с иными носителями того

же языка и той же культуры. Между тем отмеченная особенность структурирования сведений, входящих в картину мира единичного субъекта, в подавляющем большинстве случаев принимается во внимание при исследовании с акцентом на крайние трактовки потенциально возможных интерпретаций изучаемого явления – проявления либо субъективности / субъектности / индивидуального начала, либо объективности / коллективного начала для того или иного субъекта;

- учет того субъективно-объективного характера картины мира для общества в целом и для каждого отдельного субъекта как носителя языка и культуры. Особое внимание следует уделять ментальным структурам, участвующим практически в любом акте концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений: прототипам ментальных категорий, стереотипам сознания, архетипам как элементам коллективного бессознательного, социальным эталонам разнообразных интеракций, инвариантам различных типов текста и другим структурам, способствующим организации сведений о реальной, фикциональной и виртуальной действительности у единичных субъектов. Названные структуры знания, организованные по разным принципам и имеющие различную этиологию, оказываются особо значимыми и для коллективного субъекта, и для каждого единичного субъекта в отдельности, поскольку они участвуют в решении носителями культуры разнообразных коммуникативных и когнитивных задач, облегчая им выбор средств и способов решения последних.

Ясно, что упомянутые структуры знания задействуются и при обработке субъектом познания воспринимаемых сведений как при порождении, так и при рецепции текста, причем как при осмыслении сведений о реальной действительности, так и при конструировании фикциональной действительности (см. детальнее [Кострова 2015; Кремнёва 2017]¹), т. е. художественных текстов разных жанров, а также при порождении и/или рецепции текстов, повествующих об одном из возможных миров (см. подробнее [Бабушкин 2001]).

Очевидно, что комплекс сведений, объективируемых с помощью средств того или иного культурного кода при решении носителями культуры конкретных коммуникативных и когнитивных задач, не может быть тождественным в разных коммуникативных условиях. Однако даже если в статическом отношении картина мира у разных субъектов как носителей одной культуры может иметь ми-

¹ Козлова Л.А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном ракурсе. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 176 с.

нимальные количественные и качественные различия, комплексы сведений, активированных и со-активированных в коммуникации, т. е. необъективированных, с одной стороны, и сведений, которыми в определенной интеракции оперируют продуцент и реципиент и которые объективируются средствами культурных кодов, с другой стороны, оказываются нетождественными при динамическом аспекте анализа тех же явлений.

Объяснением сказанному может служить осознание того, что каждый текст (в широком смысле), будучи результатом взаимодействия носителей культуры и фиксируя один из многочисленных потенциальных способов решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи с помощью средств культурных кодов, одновременно является *реализацией некоторой модели* мировосприятия конкретным субъектом как индивидом и вместе с тем как представителем соответствующей языковой культуры. Естественно, соответствующая модель адаптируется к тем или иным психо-социо-когнитивным и другим (природным и социокультурным) условиям, при которых осуществляется взаимодействие носителей языковой культуры.

Эта мысль станет более очевидной, если проанализировать, например, отклики читателей, носителей одной языковой культуры, на один и тот же текст. Это публицистическое, по сути научно-популярное, а по форме развлекательное, предельно лаконичное и акцентированное изложение немецкой истории Йоахимом Фернау (Fernaу 1974).

На обороте обложки анализируемой книги издательство поместило отзывы читателей и/или критиков о книге вразброс, расположив в формальном беспорядке выдержки из соответствующих высказываний различного объема и разные по использованным языковым средствам. Содержательно представляются две разные – диаметрально противоположные – позиции относительно опубликованной интерпретации немецкой истории как результат комплексного, рационального, эмоционального и эстетического, осмысления прочитанного текста: *Report des Unsinn*² – отчет о нонсенсе; *großer Wurf* – великий бросок; *demaskiert Romantiker und Despoten* – демаскирует романтиков и деспотов; *kluge und tapfere Konzeption* – умная и храбрая концепция; *unbeirrbar geradliniges Buch* – безупречно прямолинейная книга; *Dolchstoß* – удар (кинжалом) в спину; *nicht geeignet* – не приемлемо; *pseudo-politische Kolportageliteratur* – псевдо-политическая низкопробная литература; *das*

² При цитировании здесь и далее во всех случаях сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

kann keiner aushalten – этого ни один человек не сможет вынести; *schwachsinniges Geschwätz* – глупая болтовня; *das dümmste Buch des Jahres* – самая глупая книга года.

Характерно, что цитируемые издательством отклики читателей на один и тот же текст свидетельствуют, по крайней мере, о трех аспектах рецепции одного и того же фрагмента культурной реальности разными единичными субъектами с одной и той же коллективной культурной идентичностью.

Во-первых, носители культуры адекватно, т. е. вполне в соответствии с содержанием текста, осмысливают комплекс сообщаемых сведений и высказывают свое отношение к особенностям моделирования культурной действительности (истории своей страны) продуцентом, т. е. автором текста. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что и у продуцента, и у реципиентов имеются знания, разделяемые ими всеми, общие представления о мире, общая картина мира.

Во-вторых, у каждого реципиента имеется также, очевидно, своя ментальная модель мировосприятия. Поэтому, сопоставляя две модели – свою и модель продуцента текста, – читатель отмечает через свое аксиологическое (в узком и широком смысле) суждение данный факт. Вербализуя это суждение сообразно своим представлениям о максимально оптимальном способе реализации соответствующей коммуникативной и когнитивной задачи – эксплицировать свою позитивную и/или негативную оценку интерпретации истории Германии, предложенную конкретным автором, – каждый реципиент овнешняет с той или иной степенью очевидности и свою ментальную репрезентацию действительности, как последняя сложилась у него в процессе его жизнедеятельности.

В-третьих, объектом оценки для реципиентов анализируемого текста оказывается конфигурация сведений об истории Германии в целом, а не количественный и/или качественный аспект соответствующего комплекса разнородных сведений, т. е. набор различных признаков отдельных – значимых и/или проходных для страны – событий, биографии правителей и/или героев, исторических процессов и пр.

Анализируемый текст является в текстотипологическом отношении гибридным, поскольку его текстосемантическая, текстосинтаксическая и функциональная организация обнаруживает разные принципы оформления текстовой ткани. Это те техники порождения текста, к которым носители языка обращаются при конструировании фикциональных (художественных) текстов, публицистических, политических, медийных, научных, а также юридических (см. примеры ниже).

Более пристальный анализ только одной части книги – содержания (Fernaу 1974, с. 5–8) – убеждает в том, что автор, порождая свою версию³ истории страны на протяжении двух тысячелетий, показывает, сколь разнообразными могут быть средства и способы, с помощью которых решается задача – схватить суть основных тенденций организации своей жизнедеятельности коллективным субъектом. Параллельно с этой задачей продуцент текста стремится оценить степень успешности полученного результата и найти максимально эффективные и эффектные средства и способы вербализации соответствующих сведений, чтобы привлечь более или менее благосклонное внимание потенциального реципиента.

Анализ позволяет выделить наиболее часто востребованные способы организации сведений⁴:

- АНАХРОНИЗМЫ – *DAS SECHSTE KAPITEL beginnt wie ein Spiel aus “Tausenundeiner Nacht”, einem Dschingis-Khan und hunderttausend Räubern, und endet als deutsche Tragödie* (Fernaу 1974, с. 6). *DAS ERSTE KAPITEL versucht, unseren Ur-Ur-Ur-Ur-Ur-Großvater ausfindig zu machen, der irgendwo in den germanischen Wäldern leben muß. Ferner macht es Sie bekannt mit dem ersten “Eisernen Vorhang”, mit dem Abzug der Allierten und mit dem Polterabend der deutschen Geschichte* (Fernaу 1974, с. 5);
- ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ – *IM FÜNFTEN KAPITEL tritt mit wehendem Zaubermantel, wie ein Fanfarensroß, Friedrich I. auf, jener Barbarossa, der im Kyffhäuser auf seine Wiederkehr wartet. Soll er wiederkommen?* (Fernaу 1974, с. 6);

³ Читай – моделируя действительность согласно тем или иным принципам и/или представлениям об устройстве мира.

⁴ Типы способов и средств объективации результатов моделирования комплекса сведений о развитии исторического процесса в Германии на протяжении тысячелетий определяются в опоре на давно принятые в лингвистике и многократно апробированные на разном материале процедуры: лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, стилистические, формально-структурные, функциональные. Используются также методы когнитивно-лингвистического анализа, в том числе учитываются соотношение первичных и вторичных номинативных средств (в духе [Бабина 2003]), связи первичных средств и прецедентных феноменов в качестве вторичных семиотических образований (например, [Кремнёва 2017]) и особенности реализации разнородных потенций элементов языковой структуры в текстовом пространстве (см., например, [Weinrich 1976]).

- ШИРОКОЗНАЧНАЯ ЛЕКСИКА – *IM DRITTEN KAPITEL spielen mit: ein **Träumer** auf dem Thron, ein **Weltuntergang**, der nicht eintritt, und ein **Heiliger** aus Versehen* (Fernau 1974, с. 5);
- ВТОРИЧНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ СРЕДСТВА – *IM ELFTE KAPITEL verwandelt sich mit Hilfe der **fortschreitenden Technik der Drehbühne das beliebte Volksstück** in ein ebenso beliebte **Ausstattungsstück**. Der **Hauptdarsteller** wurde beibehalten* (Fernau 1974, с. 7);
- КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА – *DAS ZEHNTE KAPITEL bietet ein **Volksstück**, in dessen Mittelpunkt die Verwandlung der drei **Grazien “Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit”** auf offener Bühne in den Kaiser Napoleon steht* (Fernau 1974, с. 7);
- СОВОКУПНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ (последовательно: концептуальная метафора – вторичная номинация/концептуальная метафора – концептуальная метафора) – *IM SECHZEHNTE KAPITEL spielt sich der **letzte Akt der Geschichte** ab. Die **Stars** steigen von der Bühne herab in den Zuschauerraum und **spielen** mitten unter uns weiter. Darunter leidet das Verständnis des **Stückes** sehr. Was wird gespielt? Ein Drama? Eine Tragödie? Wer weiß* – (Fernau 1974, с. 8).

Очевидно, что за перечисленными способами конструирования фикциональной реальности на основе ментального моделирования реальной действительности, преимущественно востребованными при порождении анализируемого текста, стоят определенные когнитивные механизмы и процессы. Можно назвать наиболее значимые, определяемые как таковые в опоре на изучение средств и способов конструирования модели исторического процесса: сравнение комплекса сведений, их переконфигурирование, выделение, перспективизация, профилирование, варьирование соотношением «когнитивный фон – когнитивная фигура», аналогия, перекатегоризация (см. примеры выше).

Подводя итоги анализа когнитивных механизмов воздействия на ментальный мир человека, а также их роли в ментальном моделировании сведений о воспринимаемой действительности в динамике — в частности, в коммуникации и при решении коммуникативных и когнитивных задач с использованием культурных инструментов, — целесообразно сформулировать следующие *обобщения*.

Изучение вклада когнитивных механизмов в ментальное моделирование воспринимаемой действительности убеждает в необходимости последовательно и целенаправленно осмыслять и описывать диалектику формирования картины мира у единичного и коллективного субъектов, представляющих одну и ту же языко-

ую культуру. Довольно полезным инструментом при решении подобной исследовательской задачи может стать сопоставление интерпретаций разными реципиентами одного и того же текста как целостного продукта речемыслительной деятельности и анализ результатов вербализации аксиологических суждений, возникающих при категоризации соответствующих сведений.

Полученные описанным образом данные нуждаются в последующем анализе с помощью принятых в лингвистике аналитических процедур (в целях исчисления номинативных стратегий и механизмов вербализации) и в сопоставлении результатов многоаспектного лингвистического анализа на предмет определения когнитивных механизмов и процессов, стоящих за тем или иным способом объективации концептуализируемых и категоризируемых сведений (для выявления когнитивных стратегий обработки воспринимаемых сведений).

Выявленные корреляции между когнитивными и номинативными стратегиями в контексте конкретной коммуникативной и когнитивной задачи дают возможность в дальнейшем оценить, насколько жестко и однозначно в данной языковой культуре закреплены окказиональные и/или конвенциональные способы решения подобных задач.

Источники

Fernau 1974 – *Fernau J.* Deutschland, Deutschland, über alles... Von Null bis Heute. Frankfurt a/M.; Berlin; Wien: Ullstein, 1974. 191 S. (Ullstein-Buch; Nr. 2731)

Литература

- Бабина 2003 – *Бабина Л.В.* Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. 264 с.
- Бабушкин 2001 – *Бабушкин А.П.* «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2001. 86 с.
- Гришаева 2022 – *Гришаева Л.И.* Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. 677 с.
- Корнева 2023 – *Корнева, В.В., Тужикова Д.Б.* Оротопонимы в испанской языковой картине мира. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 228 с.
- Корнилов 1999 – *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 341 с.
- Кострова 2015 – Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы / под общ. ред. О.А. Костровой. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.

- Кремнёва 2017 – *Кремнёва А.В.* Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве. Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2017. 378 с.
- Кубрякова 1988 – *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
- Кубрякова 1998 – *Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. М., 1998. Т. 1. С. 47–50.
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Пищальникова 2021 – *Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021. 488 с.
- Постовалова 1987 – *Постовалова В.И.* Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. М., 1987. Вып. 284. С. 65–72.
- Постовалова 1988 – *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
- Reischer 2002 – *Reischer J.* Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung. Berlin; N.Y.: Walter der Gruyter, 2002. 306 S.
- Weinrich 1976 – *Weinrich H.* Sprache in Texten. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1976. 356 S.

References

- Babina, L.V. (2003), *Kognitivnye osnovy vtorichnykh znachenii yavlenii v yazyke i rechi* [Cognitive foundations of secondary meanings in language and speech], Izdatel'stvo TGU, Tambov, Russia.
- Babushkin, A.P. (2001), “*Vozmozhnye miry*” v *semanticheskom prostranstve yazyka* [“Possible worlds” in the semantic space of language], Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, Voronezh, Russia.
- Grishaeva, L.I. (2022), *Dialogi o mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Dialogues on intercultural communication], NAUKA-UNIPRESS, Voronezh, Russia.
- Korneva, V.V. and Tuzhikova, D.B. (2023), *Orotoponimy v ispanskoi yazykovoi kartine mira* [Orotoponyms in the Spanish language worldview], NAUKA-UNIPRESS, Voronezh, Russia.
- Kornilov, O.A. (1999), *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.

- Kostrova, O.A., ed. (2015), *Diskursivnye stereotipy: mezhkul'turnyi aspekt kontseptosfery* [Discursive stereotypes: the intercultural aspect of the conceptual sphere], Izdatel'stvo PGSGA, Samara, Russia.
- Kremneva, A.V. (2017), *Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodeistviya v semioticheskom prostranstve* [Intertextuality as one of the forms of cross-textual interaction in the semiotic space], AltGTU im. I.I. Polzunova, Barnaul, Russia.
- Kubryakova, E.S. (1988), "The role of word formation in shaping the language worldview", in Serebrennikov, B.A., ed., *Semantika yazykovykh edinit: Doklady VI Mezhdunarodnoi konferentsii* [The role of human factor in language. Language and the worldview], Nauka, Moscow, Russia, pp. 141–172.
- Kubryakova, E.S. (1998), "Cognitive aspects in the study of lexical semantics", *Semantika yazykovykh edinit: Doklady VI Mezhdunarodnoi konferentsii* [Semantics of language units. Reports of the 6th International Conference], vol. 1, Moscow, Russia, pp. 47–50.
- Kubryakova, E.S. (2004), *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge and language worldview], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia. (*Yazyk. Semiotika. Kul'tura*)
- Pishchalnikova, V.A. (2021), *Istoriya i teoriya psikholingvistik* [History and theory of psycholinguistics], R. Valent, Moscow, Russia.
- Postovalova, V.I. (1987), "Is there a linguistic worldview?", in *Yazyk kak kommunikativnaya deyatel'nost' cheloveka* [Language as a human communicative activity], iss. 284, Moscow, USSR, pp. 65–72.
- Postovalova, V.I. (1988), "The worldview in human life", in Serebrennikov, B.A., ed., *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of human factor in language. Language and the worldview], Nauka, Moscow, USSR, pp. 8–69.
- Reischer, Jü. (2002), *Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung*, Walter der Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Weinrich, H. (1976), *Sprache in Texten*, Ernst Klett Verlag, Stuttgart, Germany.

Информация об авторах

Людмила И. Гришаева, доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; 394006, Россия, Воронеж, Университетская пл. д. 1; grishaewa@rgph.vsu.ru

Information about the author

Lyudmila I. Grishaeva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia; 1, University Sq., Voronezh, Russia, 394006; grishaewa@rgph.vsu.ru

УДК 070:004.8

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-46-77

Генеративный искусственный интеллект
в университетской практике:
опыт диагностики и регламентации
(кейс факультета журналистики РГГУ)

Михаил М. Кожокин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; kozhokin.mm@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается опыт факультета журналистики РГГУ по диагностике и регламентации использования студентами генеративного искусственного интеллекта. На конкретном материале показаны стадии реагирования на новые вызовы: обсуждение → диагностика → диалог со студентами → пакет методических материалов → преподавательская экспертиза → принятие и внедрение норм в учебную практику. В приложении представлены нормативные документы, разработанные на основании опыта факультета журналистики и регламентирующие использование искусственного интеллекта в учебном процессе.

Ключевые слова: РГГУ, факультет журналистики, генеративный искусственный интеллект, студенческие работы, триада «преподаватель – ИИ – студент», регламент, памятка преподавателю, памятка студенту

Для цитирования: Кожокин М.М. Генеративный искусственный интеллект в университетской практике: опыт диагностики и регламентации (кейс факультета журналистики РГГУ) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 46–77. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-46-77

Generative artificial intelligence in university practice:
experience in diagnostics and regulation
(a case study of the RSUH faculty of journalism)

Mikhail M. Kozhokin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; kozhokin.mm@gmail.com*

Abstract. This article presents the experience of the faculty of journalism at RSUH in diagnosing and regulating students' use of generative artificial

© Кожокин М.М., 2026

intelligence. Drawing on concrete empirical material, it describes a step-by-step institutional response to emerging challenges: internal discussion, text diagnostics, structured dialogue with students, the development of methodological guidance, faculty-level expert review, and the formal adoption and implementation of rules in everyday teaching practice. The appendix includes the regulatory documents developed on the basis of this case and intended to govern the use of artificial intelligence in the educational process.

Keywords: RSUH, faculty of journalism, generative artificial intelligence, student papers, “teacher–AI–student” triad, academic regulation, teacher guidelines, student guidelines

For citation: Kozhokin, M.M. (2026), “Generative artificial intelligence in university practice: experience in diagnostics and regulation (a case study of the RSUH faculty of journalism)”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 46–77, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-46-77

Расширение практик использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в учебной работе затронуло гуманитарные дисциплины быстрее, чем сложились правила обращения с ним. В результате преподаватель сталкивается с новой формой несамостоятельности: вместо копирования из Интернета возникает генерация текста, который выглядит «академично», но часто не выдерживает проверки на смысл, аргументацию и корректность ссылок. В статье описывается практический опыт факультета журналистики РГГУ: от преподавательского обсуждения и проверки студенческих работ с помощью ИИ до открытого семинара с участием студентов и подготовки пакета регламентирующих документов.

Обсуждение ИИ в преподавательском чате (май – ноябрь 2025 г.)

Проблематика использования студентами технологий ИИ обсуждается преподавателями РГГУ постоянно, с разной степенью интенсивности начиная с февраля 2023 г. В мае 2025 г., с началом массовой сдачи курсовых работ и ВКР, обсуждение в общем чате преподавателей факультета журналистики Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ стало регулярным, с активным цитированием и обсуждением конкретных фрагментов работ с признаками генеративного происхождения текста: чрезмерная

абстрактность формулировок, отсутствие логики в аргументации при формальной «гладкости» языка, необычная стилистическая унифицированность и т. д. В чате приводились конкретные фразы и выражения, которые не вписывались ни в какие стилистические нормы.

Приведем несколько характерных примеров¹:

«...журналистичность отвечает за профессиональный подход к реализации идеи...»;

«Одна из наиболее тяжелых потерь общества за последние десятилетия – истощение плодородного пласта профессионально журналистских кадров, менталитет которых, природные способности, а иногда и талант, феноменальная организация мышления подпадают под прямую олигархическую зависимость денежных мешков, агрессивных и реакционных сил общества»;

«Для написания репортажа используются изобразительные элементы художественного стиля, разговорные единицы, специальную лексику, нелитературную речь, канцеляризмы и средства публицистического стиля»;

«...эффект реализации которого позволяет эффективно продвигать прогрессивные потоки информации, что обусловливается не только качеством знания... но и вектором его деонтологической направленности».

Наряду с откровенно нелепыми конструкциями встречались и формально «академические», но, по сути, бессодержательные утверждения:

«К функциям аналитической журналистики исследователи относят несколько критериев...»;

«Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийного аппарата репрезентации женского образа применительно к платформенным экосистемам и в разработке операциональной модели сопоставления печатных и цифровых кодов. Результаты дополняют отечественную традицию исследований медиа, показывая, как уровни перформативного, нарративного и институционального конструирования взаимодействуют в условиях алгоритмической дистрибуции»;

«Разветвление присутствия внутри медиаплатформ также создает пространство для креативной журналистской составляющей. Особый

¹ Все цитаты из студенческих работ из этических соображений приводятся без указания авторства, а также фамилий преподавателей, поделившихся ими.

акцент следует делать на глубоком культурно- и социально-ориентированном контексте для локального реципиента. Подобное целеполагающее развитие узконаправленных каналов связи с реципиентами позволит издательствам развить более лояльные и доверительные отношения с аудиторией, а также привлечь новую на основе построения локальных интересов».

Подобные словесные конструкции создавали иллюзию содержательности, псевдоакадемичности, но фактически подменяли анализ общими, подчас откровенно бессмысленными, декларациями.

Для структурирования дальнейшего обсуждения автор данной статьи сформулировал 7 тезисов, как определить, что студенческая работа написана ИИ, и вынес их на обсуждение в общий чат.

«Коллеги, немного субъективных наблюдений, косвенных признаков, что работа искусственно сгенерирована или, как минимум, несамостоятельна:

- 1) студент не обращается с вопросами;
- 2) работа сдается сразу “готовой” и в последний момент;
- 3) изобилие трюизмов и общих рассуждений во введении и первой (“теоретической”) части;
- 4) нежелание, а потом становится ясно, что и неспособность студента общие рассуждения привязать к теме работы;
- 5) очень быстрое внесение изменений в теоретическую часть работы (буквально за часы);
- 6) при правке допускаются ошибки, которые любой автор, если пишет сам, не может не заметить: в моем случае была ошибка в первой букве (!) фамилии изучаемой телеведущей и так во всей “переделанной” главе;
- 7) в библиографии перечисляются книги и статьи, которые явно не имеют отношения к теме; неполностью приводится название книги и т. п.».

В ходе обсуждения в чате стало очевидно, что многие преподаватели сталкиваются с похожими ситуациями и испытывают сходные методические затруднения. Однако мнения и варианты их преодоления существенно различались: от предложений усиливать контроль за написанием студенческих работ и введения запрета на использование ИИ до констатации необходимости учить студентов работать с ИИ как с инструментом, не подменяющим собственное мышление.

Постепенно в обсуждениях оформилось ключевое понимание: проблема не носит частного характера и не сводится к нескольким

инцидентам. Речь идет о системном явлении, которое требует не ситуативных реакций, а институционального осмысления.

Диагностика: проверка студенческих работ с помощью ИИ

Одновременно с обсуждением в чате, в течение лета – осени 2025 г., автор статьи последовательно проводил проверку студенческих письменных работ с использованием генеративного ИИ ChatGPT 5.2. Всего было загружено около двадцати текстов различного типа: письменные контрольные работы, курсовые работы и выпускные квалификационные работы. В корпус материалов включались как работы, по которым у преподавателя изначально возникали сомнения (стилистическая «ровность», несоответствие библиографии заявленной теме, подозрительная скорость коррективов), так и тексты, не вызывавшие изначально особых вопросов. Это позволило сравнивать выводы ИИ не только в «проблемных», но и в условно «нормальных» случаях.

Работы загружались не единым массивом, а по мере поступления от студентов, что соответствовало логике реального учебного процесса и, соответственно, исключало ретроспективную «подгонку» результатов. Тем самым эмпирическая база для анализа формировалась как результат последовательных педагогических действий, а не как специально сконструированная выборка.

При обращении к ChatGPT 5.2 использовалась максимально широкая формулировка промпта: *«Проанализируй оригинальность текста и степень использования ИИ при его написании»*.

Осознанно не задавались вопросы в логике *«оцени, этот текст сгенерирован ИИ или нет»*, поскольку подобная дихотомия методологически некорректна и подталкивает модель к категоричным, но слабо обоснованным ответам. Гораздо более продуктивным представляется анализ совокупности признаков: стиль, структура, логика аргументации, способы цитирования, работы с источниками и т. д.

Важно подчеркнуть, что в данном случае ИИ использовался не как «эксперт по плагиату» и не как окончательный арбитр, а как дополнительный аналитический инструмент, позволяющий сопоставить машинный анализ текста с профессиональным анализом преподавателя. Соответственно, все выводы, предложенные ИИ, рассматривались как вероятностные и требующие педагогической интерпретации, а не как основание для вынесения оценок.

В качестве иллюстрации полученных результатов приведем два характерных примера ответов ChatGPT 5.2. Они важны не только

итоговыми выводами, но и аргументацией, какие признаки модель рассматривает как маркеры возможного ИИ-происхождения.

*Пример 1. Заключение по контрольной работе
(ноябрь 2025 г.)*

Кратко: по совокупности признаков этот текст с очень высокой вероятностью ($\approx 90\text{--}95\%$) создан с помощью ИИ (и, возможно, в отдельных местах слегка подправлен человеком), а не написан «с нуля» самостоятельно.

Ниже – аргументация.

1. Общий портрет текста

Ровный, однородный академический стиль от первой до последней строки, без характерных для студенческого письма «провалов», разговорных вкраплений, смен ритма.

Идеальная композиция: образцовое Введение → История жанровой системы → блок про принцип → выводы. Нет ни логических выбросов, ни лишних отступлений, ни мест, где автор «теряется».

- Текст по уровню языка и плотности обобщений заметно «старше» типичного бакалаврского/магистерского стиля, но при этом лишен индивидуальности – характерный признак ИИ.

2. Лексико-стилистические маркеры ИИ

Характерные обороты встречаются десятками раз:

- «в условиях усиливающейся цифровизации, дигитализации, глобализации»;
- «формируют содержательный, жанрово разнообразный и институционально интегрированный пласт...»;
- «институциональная база информационно-аналитических жанров»;
- «эвристический потенциал», «когнитивный ресурс», «стратегический фактор».

Это типичная усредненная псевдонаучная речь, которую генерируют нейросети: много абстрактных существительных, нагромождение прилагательных, минимальный собственный голос.

Повторяются одни и те же конструкции:

- «как итог», «таким образом», «в совокупности они формируют»;
- «в условиях...», «в связи с этим...»;
- «позволяет преодолевать жанровые ограничения и усиливать общественный резонанс» и т. п.

3. Структурные особенности

Чрезмерная симметрия разделов. Главы и подглавы выстроены почти по кальке: постановка тезиса → обобщенное объяснение → один-два примера → широкий вывод.

Массовые повторы содержания разными словами. Одна и та же мысль («гибридные форматы», «цифровизация», «повышение доверия аудитории») перефразируется в разных абзацах почти дословно – типичный признак того, как ИИ «раздувает» объем.

Перечни и псевдоклассификации. Много списков, делений на пункты, перечислений свойств – при этом без глубокой разработки каждого пункта, что характерно для генеративных моделей.

4. Работа с источниками и фактами

Упоминаются законы о СМИ, статьи, отдельные агентства, но *нет ни одной нормальной библиографической ссылки* (год, том, страницы, точные названия статей/книг).

Указанные формулировки выглядят как *обобщенные пересказы* учебников и норм, а не результат реальной работы с конкретными текстами.

Это типично для ИИ: он «знает», что у закона есть статьи 50, 51, 59, но подает их обобщенно, без точного цитирования.

5. Неровности, которые выдают именно ИИ

Местами предложения перегружены до абсурда и мало пригодны для реального живого письма, например: «...эффект реализации которого позволяет эффективно продвигать прогрессивные потоки информации, что обуславливается не только качеством знания... но и вектором его деонтологической направленности» – так студенты почти не пишут, а нейросети – регулярно.

Есть стилистические «кривизны», нехарактерные для носителя языка, но типичные для модели: сочетания вроде «принцип разнообразия жанров применительно к информационно-аналитической информацией...» – это результат автоматического переформулирования.

6. Вероятностная оценка

Оценивая по ключевым параметрам

Критерий	Оценка
Однородность и «стерильность» стиля	очень высокая
Количество шаблонных ИИ-оборотов	очень высокое
Наличие индивидуального голоса	низкое
Логика и структура	«примерцово-шаблонная»
Итоговая вероятность ИИ-происхождения	≈ 90–95%

Можно предположить, что *основа текста почти наверняка сгенерирована ИИ*, после чего она могла быть чуть-чуть доработана человеком (где-то добавлены ссылки на российские реалии, немного поправлены формулировки).

В данном случае логика рассуждений ИИ практически совпала с моей экспертной оценкой как преподавателя.

Пример 2. Отзыв ChatGPT 5.2 на выпускную квалификационную работу (ноябрь 2025 г.)

Проведенный анализ показывает: текст имеет высокую вероятность ИИ-происхождения – около 80–85%, хотя некоторые абзацы могли быть отредактированы вручную.

1. Формальные признаки ИИ-письма. Ровная структура и симметрия разделов

- Каждая глава логически и синтаксически «выверена»: введение → теоретическое определение → цитаты → классификация → обобщение → вывод.
- В работе отсутствуют скачки мысли, эмоциональные колебания, случайные вставки – все идет по «учебному» шаблону.

Ненатуральная синтаксическая плавность

Предложения равномерно длинные (17–22 слова), почти без пунктуационных ошибок.

Повторяются одни и те же конструкции: «в данной работе», «в современном обществе», «можно отметить, что», «важную роль играет» – характерный признак генеративного текста.

Лексика усредненная, «академически безликая»

- Отсутствует индивидуальная стилистика, нет живых метафор, интонационных выделений.
- Широкие формулы типа «обусловлено популярностью», «играет большую роль», «способствует формированию» – типичный словарь ChatGPT и сходных моделей.

Сочетание точных цитат и обобщений без контекстной аргументации

- Приведены фамилии (Тертычный, Репкова, Михайлина и др.), но без библиографических ссылок или анализа – структура напоминает «псевдоакадемическое цитирование», которое часто создает ИИ при генерации эссе.

2. Содержательные признаки

- *Обилие определений без источников.* Формулировки типа: «Аналитическая журналистика – это вид журналистики, который совсем недавно начал свое развитие в России...»; «К функциям аналитической журналистики исследователи относят несколько критериев...». Такие фразы выглядят сгенерированными: нет указания автора, нет цитаты, зато есть «обобщенный ученый тон».
- *Повторы и логические тавтологии.* «Журналисты должны обрабатывать огромное количество информации. Они превращают обилие сведений в доступную историю...» – повтор смысловых элементов в соседних предложениях. Это характерно для ИИ, когда он искусственно расширяет текст.
- *Идеально выстроенные выводы.* Заключение выстроено по методике ChatGPT:
 - короткое обобщение;
 - цитата;
 - возвращение к тезису;
 - «универсальный» финал («позволяют людям любого уровня дохода разобраться...»). Такая завершенность без стилистической шероховатости свойственна именно машинному тексту.

3. Грамматико-стилистические особенности

Признак	Интерпретация
Нет фактических ошибок	характерно для генераторов, которые воспроизводят шаблоны, а не собственные наблюдения
Используются скобки, нумерованные списки, академическая верстка	типичная подача ИИ при запросе «контрольная работа»
Повтор выражений «в данной работе», «в современном обществе», «можно отметить»	маркер машинного текста
Отсутствие индивидуальных вводных слов или разговорной интонации	низкая «температура авторства»

4. Вероятностная оценка

Параметр	Оценка	Комментарий
Лингвистическая оригинальность	~35%	структура и словарь шаблонные
Стилистическая уникальность	~25%	без индивидуального стиля
Вероятность ИИ-происхождения	80–85%	почти наверняка текст создан ИИ или серьезно отредактирован им
Признаки живого письма	локальные – возможны ручные правки, особенно в цитатах и отдельных абзацах	

5. Вывод

Текст представляет собой типичный пример учебного эссе, *сгенерированного с помощью нейросети и отредактированного человеком* для придания более академического вида. В нем отсутствует индивидуальная мысль, наблюдение, интонация; структура и язык соответствуют шаблонам генеративных моделей.

Полученные результаты показали высокую степень совпадения оценок. Приблизительно в девяти из десяти случаев выводы ChatGPT 5.2 об использовании студентом ИИ и характере такого использования коррелировали с предварительным мнением автора статьи как проверяющего преподавателя.

Там, где у меня изначально возникали сомнения (подозрительно однородный стиль, формально корректные, но лишенные реального смысла рассуждения, библиография с явно нерелевантными источниками), модель также фиксировала наличие признаков генеративного текста, указывая на типичные для ИИ шаблонные формулировки; чрезмерную обобщенность и отсутствие конкретики; несогласованность понятийного аппарата в пределах одной работы.

В более «нейтральных» работах (не вызывавших изначальных подозрений) ИИ, как правило, не обнаруживал выраженных признаков генерации. Это стало дополнительным подтверждением, что модель не склонна «обвинять» проверяемые студенческие тексты в использовании ИИ по умолчанию, а реагирует на совокупность действительно присутствующих признаков.

Отдельного внимания заслуживают ситуации расхождения. В некоторых случаях автор статьи как проверяющий преподаватель, опираясь на знание учебной траектории конкретного студента, его предшествующих работ, особенностей его авторского стиля (или отсутствие такового), склонялся к более строгой оценке, тогда как ИИ формулировал осторожный или нейтральный вывод. В других, напротив, ИИ указывала на признаки генеративного происхождения там, где у преподавателя таких сомнений не возникало. Подобные эпизоды показали, что механическое следование оценкам ИИ недопустимо, а результаты проверки ИИ могут и должны служить лишь поводом для дополнительного анализа, вплоть до живой беседы со студентом. Использование ИИ для разбора студенческих работ представляет собой не репрессивную технологию контроля, а попытку найти более точные критерии выявления самостоятельного (авторского) и сгенерированного текста.

Полученный опыт позволил автору статьи сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, использование генеративного ИИ для анализа студенческих текстов методически оправдано, если модель рассматривается как вспомогательный инструмент, а окончательное решение остается за преподавателем. Во-вторых, подобная практика требует прозрачных правил: студент должен заранее знать, что его работа может проверяться с применением ИИ, и понимать, какие именно аспекты текста становятся предметом особого внимания. Именно поэтому результаты анализа ИИ конкретных студенческих работ не передавались студентам, за исключением единичных и фрагментарных случаев. Чаще всего направлялись отрывки из анализа ИИ справочно-библиографического аппарата, которые четко показывали, что технический анализ ИИ позволяет оперативно и безошибочно выявлять искусственно сгенерированные «научные работы» и сноски, не имеющие непосредственного отношения к цитируемым материалам.

*Семинар со студентами:
обсуждение практик использования ИИ
(24 ноября 2025 г.)*

Открытое совместное со студентами обсуждение роли генеративного ИИ в учебной деятельности стало логичным продолжением диагностической работы, описанной выше. Если на предыдущих этапах основное внимание уделялось анализу студенческих текстов и реакции преподавателей, то теперь принципиально важно было услышать позицию самих студентов не в формате индивидуальных

объяснений и/или оправданий, а в форме коллективного, рефлексивного разговора.

Семинар преследовал две основные цели: рассмотреть реальные практики использования ИИ в учебной работе, а также обсудить возможности и проблемы использования ИИ.

В обсуждении приняли участие студенты первого курса, т. е. те, кто только начал обучение в университете и еще не выработал устойчивых моделей академического письма. Это позволило зафиксировать исходные представления и установки, формирующиеся на входе в университетскую среду.

Формат встречи предполагал короткие студенческие выступления (3–5 минут) и последующую дискуссию. Семинар изначально задумывался не как форма контроля, а как пространство совместного размышления и обучения.

Обязательным условием при подготовке презентаций являлось использование инструментов ИИ. После каждого выступления следовали вопросы и комментарии, которые отчетливо группировались по следующим темам: эффективность и целесообразность использования ИИ; возможное улучшение структуры сообщения и аргументации; более точная формулировка промптов.

Обсуждение показало, что спектр использования ИИ студентами в учебной деятельности чрезвычайно широк. Наиболее распространенными были следующие сценарии:

- поиск идей, примеров и формулировок;
- помощь в структурировании текста (планы, подзаголовки, логика частей);
- стилистическое редактирование и «повышение академичности»;
- частичная подмена авторского письма.

При этом большинство студентов применяли ИИ исключительно как вспомогательный инструмент, без передачи ему функции автора.

Мотивация использования ИИ была открыто прагматической: экономия времени, неуверенность в собственных академических навыках, страх ошибок, высокие требования к языку и объему текста. Естественно, это не являлось главной темой обсуждения, но ярко звучало в спонтанных репликах.

Семинар позволил сделать несколько принципиальных наблюдений.

Во-первых, для первокурсников ИИ не является маргинальным или исключительным инструментом: он воспринимается как естественная часть цифровой среды, в которой они живут и учатся.

Во-вторых, у студентов отсутствует ясное понимание границ допустимого использования. В явной или скрытой форме прозвучали вопросы: допустимо ли редактировать собственный текст с помощью ИИ? Допустимо ли формулировать с его помощью выводы или хотя бы отдельные фрагменты выводов? Надо ли указывать факт использования ИИ?

В-третьих, студенты в целом поддержали идею появления прозрачных и понятных правил. При этом новые нормы не должны полностью запрещать ИИ и ни в коем случае не должны превращаться в инструмент «поиска нарушителей».

Важным итогом семинара стало закрепление представления об искусственном интеллекте как о средстве, требующем педагогического сопровождения. В обсуждении был сформулирован образ триады «преподаватель – ИИ – студент», предполагающий совместное освоение инструментов ИИ и способов их использования.

Таким образом, опыт совместного семинара подтвердил изначальную рабочую гипотезу: необходимость регламентации практик использования ИИ возникает не только на уровне преподавательского сообщества, но и как осознанный запрос самих студентов на ясность, предсказуемость и справедливость требований.

Семинар преподавателей (10 декабря 2025 г.)

Логическим продолжением диагностики проблем применения ИИ в образовательном процессе и обсуждения с участием студентов стал переход к следующему уровню: разработка нормативных документов, которые могли бы стать основой для профессионального обсуждения и последующей институционализации.

10 декабря 2025 г. состоялся семинар для преподавателей факультета журналистики РГГУ, специально посвященный проблемам интеграции ИИ в учебный процесс. К семинару автор статьи заранее подготовил и направил материалы для обсуждения. В пакет документов были включены: «Методические указания» (приложение А), «Регламент использования технологий искусственного интеллекта в учебном процессе Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ», «Памятка преподавателю», «Памятка студенту», таблица «Допустимо/Недопустимо» при использовании ИИ в учебном процессе. Все материалы были подготовлены с использованием ИИ, что было сразу указано в рассылке.

Принципиальная позиция автора состояла в том, чтобы показать реальные возможности ИИ, инициировать и структурировать

дискуссию, собрать профессиональные замечания и комментарии для дальнейшей доработки проектов документов.

Пакет документов был структурирован от более общего («Методические указания») к максимально конкретному и прикладному (таблица «Допустимо/Недопустимо»).

Системообразующим элементом является «Регламент использования технологий ИИ в учебном процессе Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ». Регламент закрепляет пять фундаментальных принципов, определяющих допустимые рамки применения ИИ студентами и преподавателями: вспомогательная роль ИИ, открытость, ответственность, приоритет авторства, добросовестность (*bona fide*).

1. Принцип вспомогательной роли ИИ. ИИ в образовательном процессе рассматривается как инструмент учебной и исследовательской поддержки. Принцип подчеркивает подчиненность новых технологий самостоятельному интеллектуальному труду студента. Это позволяет:

- сохранить приоритет творческого мышления, анализа и интерпретации – ключевых компетенций гуманитарных направлений;
- исключить практику подмены авторской работы полностью сгенерированными материалами;
- направить использование ИИ в сторону обучения, а не механического производства текстов.

В условиях стремительного развития генеративных технологий данный принцип призван предотвратить размывание академических стандартов и поддерживать творческий характер гуманитарных знаний.

Из наблюдений автора: именно проблема «гладкого, но содержательно пустого текста», неоднократно обсуждавшаяся в преподавательском чате, показала необходимость признания роли ИИ как средства поддержки, а не как замену авторского письма.

2. Принцип открытости. Обязательная фиксация факта использования ИИ обеспечивает прозрачность учебной деятельности, формирует доверительные отношения между студентом и преподавателем, способствует уточнению реального объема самостоятельного труда. Открытость устраняет риски скрытого использования ИИ, дает преподавателю возможность учитывать специфику цифровых инструментов при оценивании, а также способствует формированию у студентов осмысленного и критического отношения к технологиям генеративного ИИ.

Из наблюдений автора: в ходе семинара со студентами неоднократно звучал прямой вопрос, «надо ли указывать факт использования ИИ», что показало отсутствие у первокурсников понятных ориентиров и необходимость формального закрепления принципа открытости.

3. Принцип ответственности. Применение ИИ не освобождает студента от академической, интеллектуальной и профессиональной ответственности за результаты работы. Студент отвечает за достоверность фактов, корректность аргументации, качество оформления и интерпретацию данных, независимо от того, были ли они получены с использованием ИИ или без его применения. Тем самым исключается попытка переложить ответственность на технологию и сохраняется субъектный характер учебной деятельности.

Из наблюдений автора: анализ студенческих текстов показал, что при использовании ИИ наиболее уязвимыми оказываются фактическая точность и корректность ссылок, включая случаи появления в библиографиях источников, не имеющих отношения к теме работы.

4. Принцип приоритета авторства. Для гуманитарного образования центральной ценностью остается творческий характер деятельности, авторский вклад в работу. Принцип подчеркивает необходимость сохранения творческого начала: стиля мышления, аргументации, анализа источников, структуры суждений. Использование ИИ должно поддерживать эти элементы, но не заменять их. Тем самым сохраняется смысл учебного задания как интеллектуального действия и обеспечивается возможность проверки самостоятельности работы.

Из наблюдений автора: в обсуждении преподавателей многократно отмечалась характерная «стилистическая унифицированность» и отсутствие индивидуального голоса в ряде работ, что фактически подменяло авторскую мысль внешне академической, но обезличенной конструкцией текста.

5. Принцип добросовестности (bona fides). Генеративные технологии создают новые риски: фабрикацию источников, искажение смыслов, манипуляцию данными, подмену цитирования, создание ложных фактов, «галлюцинаций».

Принцип добросовестности (*bona fide*) защищает студенческую среду от подобных нарушений, закрепляя базовые ценности университетского сообщества: достоверность, уважение к источникам, корректность в интерпретации, недопустимость обмана и имитации деятельности.

Из наблюдений автора: в ходе проверок фиксировались случаи, когда формально корректные по стилю фрагменты сопровождались ссылками и «научными» формулировками, не подтверждаемыми реальной работой с источниками.

Выбранные принципы, составившие основу Регламента, формируют, на наш взгляд, целостную систему, в которой:

- *вспомогательная роль ИИ* определяет статус технологии;
- *открытость* обеспечивает прозрачность ее использования;
- *ответственность* формирует правовую и академическую основу оценивания работы;
- *приоритет авторства* подчеркивает творческую природу образования;
- *добросовестность (bona fides)* защищает академические ценности.

Такая конфигурация призвана интегрировать ИИ в учебный процесс без утраты качества образования, академической культуры и сути гуманитарного знания. Регламент не блокирует развитие технологий, но задает ясные рамки их использования, поддерживая баланс между инновацией и академической традицией.

Три документа: «Памятка преподавателю», «Памятка студенту», таблица «Допустимо/Недопустимо» при использовании ИИ в учебном процессе были задуманы как своеобразный педагогический инструмент, направленный на снижение неопределенности и предотвращение конфликтов интерпретаций. При этом обе памятки одинаково не апеллируют к запретительной логике и не трактуют ИИ как источник априорного нарушения академической честности. Они рассматривают ИИ как инструмент помощи, использование которого возможно при сохранении авторской ответственности студента. «Памятки» задают рамки академического поведения в новой цифровой среде, формируя культуру обращения с ИИ.

«Памятка преподавателю» решает еще одну принципиально важную задачу: поддержку педагогического суждения в условиях неопределенности. Документ исходит из признания того, что автоматизированные инструменты анализа текста не могут подменять профессиональное мнение и экспертную оценку преподавателя.

Ключевым элементом «Памятки преподавателю» является отказ от логики автоматического обвинения, если в студенческой работе обнаруживаются признаки использования ИИ. Вместо этого преподавателю предлагается набор педагогических стратегий: сопоставление с предыдущими работами студента, уточнение логики аргументации, анализ источников, устное обсуждение. Ис-

пользование ИИ рассматривается как дополнительный повод для диалога со студентом.

Таблица «Допустимо/Недопустимо» является завершающим элементом, применимым для разрешения споров и недопониманий в конкретных учебных ситуациях.

Итогом семинара 10 декабря 2025 г. стало не только обсуждение подготовленных документов, которое прошло максимально конструктивно, но и определение *конкретных направлений дальнейших действий*. По сути, семинар выполнил функцию стратегической сессии, в ходе которой сформировалось понимание необходимости перехода от обсуждения к планированию конкретных действий.

Первым и базовым направлением была признана дальнейшая работа по созданию и уточнению комплекта документов, формирующих рамки использования ИИ в учебном процессе. Подчеркивалось, что речь идет не об одном «главном» документе, а о *системе взаимосвязанных материалов*, адресованных разным участникам образовательного процесса. *Многоуровневый пакет документов*, а не единый нормативный акт, воспринимается как наиболее эффективный формат регулирования отношений «преподаватель – ИИ – студент». В качестве основы для такого пакета документов были признаны проекты, подготовленные автором статьи и обсужденные на семинаре.

26 января 2026 г. ученый совет Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ утвердил «Регламент использования технологий искусственного интеллекта в учебном процессе» в качестве эксперимента на весенний семестр 2026 г. (Приложение В).

Вторым направлением дальнейшей работы было признано необходимость создание *учебной программы* «Искусственный интеллект в креативных индустриях» (предварительное название). Программа будет рассчитана на студентов первого курса, когда формируются базовые учебные и исследовательские навыки.

Третьим направлением стало предложение о создании *регулярного семинара «ИИ в гуманитарных знаниях» в рамках действующего студенческого научного общества*. В работе такого семинара студенты и преподаватели могли бы принимать участие на равных правах. Подобный формат рассматривался как способ избежать как формализации темы ИИ, так и ее превращения в разовый проект.

Таким образом, преподавательский семинар окончательно закрепил новую реальность: разработка нормативных документов по использованию ИИ не может быть одноразовым актом. Это постоянный многофакторный процесс, включающий обсуждение, корректировку и адаптацию к реальной образовательной практике, которая, в свою очередь, будет с нарастающей динамикой модернизироваться по мере применения ИИ в гуманитарной сфере.

Заключение

Анализ локального кейса разработки регламентирующих документов использования ИИ в образовательном процессе в Институте журналистики и медиаиндустрий РГГУ позволяет сделать следующие выводы:

1. Генеративный ИИ стал массовым и устойчивым элементом учебных практик, включая гуманитарные направления.

2. Триада «преподаватель – ИИ – студент» замещает модель «преподаватель – интернет – студент», меняя саму логику учебной работы.

3. На практике наибольшие проблемы вызывает не факт использования ИИ, а отсутствие понятной границы между редактированием, структурированием текста и фактической передачей искусственному интеллекту функции автора. Проблему нельзя решить запретами, но можно преодолевать путем внедрения понятных, прозрачных и легко применимых в практической работе критериев.

4. Ключевая проблема – разрыв между сложившимися практиками студентов и недостаточной нормативно-методической определенностью в университетах.

5. Кейс факультета журналистики РГГУ демонстрирует алгоритм реагирования на новые вызовы: обсуждение → диагностика → открытый диалог со студентами → пакет методических материалов → преподавательская экспертиза → подготовка к институционализации → принятие и внедрение норм в учебную практику → регулярная актуализация.

Принципиально важно, чтобы правила применения ИИ в учебном процессе разрабатывалась с использованием ИИ: это позволяет одновременно тестировать реалистичность норм и формировать ответственную модель обращения с технологией.

Кейс Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ показывает, что эффективное регулирование использования ИИ в учебном процессе возможно только при сочетании трех уровней: нормативного (рамочные документы), образовательного (формирование ИИ-грамотности) и коммуникативного (регулярная площадка обсуждения и обмена практиками).

Регулирование использования ИИ в учебном процессе не является разовым актом: оно представляет собой непрерывный процесс уточнения критериев, адаптации правил и педагогических подходов к меняющимся практикам студентов и развитию технологий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Методические указания «Как распознать ИИ-текст»

Искусственный интеллект (ИИ) стал широко применяться для создания текстов – от учебных работ до журналистских материалов. В связи с этим возрастает необходимость уметь отличать машинно сгенерированный текст от написанного человеком. Ниже приводятся ключевые критерии, позволяющие выявить ИИ-авторство.

1. Стиливые признаки ИИ-текста

1.1. Однородность и «гладкость» изложения

ИИ-текст обычно:

- слишком логичен, гладок и ровен;
- не содержит шероховатостей, индивидуальных речевых особенностей;
- почти лишен стилистических перепадов.

Для человека характерны:

- изменение темпа,
- интонационные скачки,
- переходы от общего к частному,
- замечания «в сторону».

ИИ старается избегать таких «неровностей».

1.2. Избыточная правильность

Признаки:

- идеальная грамматика,
- унифицированный синтаксис,
- одинаковые по структуре абзацы,
- выверенная композиция.

ИИ редко допускает разговорные связки: «если честно», «как мне кажется», «в общем», «я перепроверил».

1.3. Перегруженность абстракциями

ИИ тяготеет к:

- общим фразам («в современных условиях», «важным аспектом является...»);
- псевдонаучным оборотам;
- чрезмерной употребляемости слов «актуальность», «значимость», «роль», «функция», «процесс», «динамика».

Человек чаще приводит контекст, конкретику, источник, личную логику.

2. Лексические и семантические маркеры

2.1. Повторы

ИИ склонен неосознанно повторять:

- одинаковые формулировки,
- одни и те же вводные структуры,
- повторяющиеся логические схемы.

2.2. «Пустые» абзацы

Абзацы, где много слов, но мало нового смысла:

- повторение того, что сказано раньше,
- перефразирование одного и того же,
- отсутствие продвижения мысли.

Это типичная особенность ИИ-генерации.

3. Структурные признаки

3.1. Чрезмерная симметрия

ИИ часто строит текст по шаблону:

- вступление → три тезиса → вывод;
- у всех частей одинаковый объем;
- точная параллельность предложений.

У человека структура более органична и иногда несбалансирована.

3.2. Обилие пунктов, списков и классификаций

ИИ любит создавать:

- классификации;
- перечни;
- систематизации.

Это создает иллюзию научности, но часто без глубины.

4. Содержательные признаки

4.1. Фактическая осторожность и избегание узких деталей

ИИ старается:

- избегать конкретных дат, мест, цифр;
- не углубляться в узкие вопросы;
- уходить от спорных тем.

Человек, наоборот, часто индивидуализирует материал.

4.2. Универсальность и нейтральность позиции

ИИ избегает:

- резких оценок;
- субъективных суждений;
- индивидуального голоса.

5. Логические индикаторы

5.1. Чрезмерная последовательность

Каждое предложение идеально логически связано с предыдущим – так пишет ИИ.

Человек допускает:

- смещения логики;
- неполные связи;
- ассоциативные переходы.

5.2. «Кольцевые» рассуждения

ИИ иногда объясняет тезис через его же перефразирование, создавая иллюзию аргументации.

6. Формальные способы проверки

6.1. Методы ручной экспертизы

- Проверка на повторяемость шаблонов.
- Оценка индивидуальности языка.
- Выявление чрезмерной гладкости стиля.
- Обнаружение отсутствия конкретики.

6.2. Технические инструменты (не абсолютны!)

Используются лишь как дополнительный аргумент:

- GPTZero,
- Turnitin (AI-writing),
- Copyleaks AI detector,
- Sapling AI detector.

Они дают только вероятностную оценку и не гарантируют точность.

7. Ограничения и риски диагностики

- ИИ можно переписывать, редактировать, что сильно снижает возможность его выявления.
- Человек может писать «как ИИ», особенно в учебных и бюрократических жанрах.
- Только совокупность признаков позволяет выносить экспертное суждение.

Контрольный список (памятка)

ИИ-текст вероятен, если присутствуют 5 и более признаков:

- Гладкий, безличный стиль.
- Много общих терминов, мало конкретики.
- Повторяющиеся формулировки.
- Симметричная структура абзацев.
- Классификации «ради классификаций».
- Псевдонаучная абстрактность.
- Отсутствие живой авторской позиции.
- Избыточная логичность и стерильность синтаксиса.
- Никаких оговорок, сомнений, колебаний.

Приложение В

УТВЕРЖДЕН
на заседании Ученого совета
Института журналистики и медиаиндустрии
«26» января 2026 г.
Протокол № 02

Регламент
использования технологий искусственного интеллекта
в учебном процессе
Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ

1. Общие положения

1.1. Настоящий Регламент определяет правила и условия использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) студентами и преподавателями в учебной, научно-исследовательской и проектной деятельности Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ.

1.2. Цель Регламента – обеспечить соблюдение принципов академической добросовестности, сохранение качества гуманитарного образования и методически корректную интеграцию ИИ-инструментов в образовательный процесс.

1.3. Под технологиями ИИ в настоящем Регламенте понимаются цифровые системы, способные автоматически генерировать текстовые, визуальные, аудио- и иные материалы, осуществлять анализ данных, формировать ответы и/или выполнять иные когнитивные операции.

1.4. Использование ИИ в учебном процессе допускается только на основе принципов вспомогательной роли ИИ, открытости, ответственности, приоритета авторства и добросовестности (*bona fides*).

2. Принципы использования ИИ

2.1. *Принцип вспомогательной роли ИИ.* ИИ рассматривается исключительно как вспомогательный инструмент и не может заменять самостоятельную интеллектуальную деятельность студента.

2.2. *Принцип открытости.* Факт использования ИИ должен быть явно и корректно зафиксирован в учебной работе в форме пояснительной записи или примечания.

2.3. *Принцип ответственности.* Студент несет полную ответственность за достоверность, корректность и интерпретацию всех материалов, созданных или обработанных с использованием ИИ.

2.4. *Принцип приоритета авторства.* Учебная работа должна иметь четко выраженный авторский характер и содержать элементы, позволяющие оценить самостоятельный вклад студента: анализ, аргументацию, работу с источниками, критическое осмысление материала.

2.5. *Принцип добросовестности (bona fides).* Недопустимы генерация заведомо ложных данных, фабрикация источников и цитат, манипулятивное использование ИИ, а также имитация авторства или исследовательской деятельности.

3. Допустимые формы использования ИИ в учебной деятельности (Приложение 1)

Студент вправе использовать ИИ при условии соблюдения принципов, указанных в разделе 2, в следующих формах:

3.1. Подготовка черновых материалов:

- генерация идей, предварительных набросков структуры работы, начального перечня вопросов;
- формирование примерного плана учебной или проектной работы.

3.2. Редактирование и техническая помощь:

- корректура текста (орфография, пунктуация, стилистические уточнения);
- уточнение формулировок без изменения смыслового содержания;
- оформление таблиц, форматирование, создание схем и визуальных элементов на основе заданных данных.

3.3. Аналитическая поддержка:

- поиск литературы и источников с обязательной последующей самостоятельной проверкой;
- предварительный анализ данных при условии самостоятельной интерпретации результатов студентом;
- генерация вспомогательных примеров и вопросов для обсуждения.

3.4. Работа с мультимедийными материалами:

- создание иллюстраций, диаграмм и инфографики при наличии у студента собственных данных или материалов.

3.5. Перевод текста:

- использование ИИ для перевода допускается исключительно как вспомогательный этап с обязательной последующей редактурой и проверкой.

4. Недопустимые формы использования ИИ (Приложение 1)

Использование ИИ запрещается во всех случаях, когда оно приводит к подмене самостоятельной академической деятельности студента, в том числе:

4.1. Генерация основного содержания учебных работ, включая:

- эссе, рефераты, доклады, презентации, аналитические тексты и медиатексты;
- научные статьи, курсовые и выпускные квалификационные работы;
- интерпретацию первоисточников и формулирование исследовательских выводов.

4.2. Фабрикация источников:

- создание несуществующих цитат, ссылок, библиографических записей или статистических данных.

4.3. Обход процедур контроля знаний:

- автоматизированные ответы на тесты;
- выполнение экзаменационных, контрольных и иных оценочных заданий с использованием ИИ.

4.4. Соккрытие использования ИИ:

- выдача сгенерированных или существенно переработанных ИИ материалов за полностью самостоятельный труд без указания факта использования ИИ.

4.5. Имитация работы с первоисточниками:

- подмена цитирования автоматически сгенерированными текстами;
- искажение или ложная передача содержания архивных, научных и медийных документов и публикаций.

5. Требования к оформлению учебных работ с использованием ИИ

5.1. При использовании ИИ студент обязан указать данный факт во введении либо в примечании к работе. Необходимо описать, каким образом использовался ИИ и указать название нейросети.

Рекомендуемая формулировка для указания использования ИИ:

«При подготовке работы использованы ИИ-инструменты для корректуры текста / составления предварительного плана / создания визуальных материалов. Автор несет ответственность за достоверность и интерпретацию представленных материалов».

5.2. Отсутствие указания при фактическом использовании ИИ рассматривается как нарушение принципов академической добросовестности.

6. Ответственность студентов (Приложение 2)

6.1. Нарушение настоящего Регламента квалифицируется как нарушение академической дисциплины и влечет за собой:

- снижение оценки;
- возвращение работы на переработку;
- признание задания невыполненным;
- иные меры, предусмотренные нормативными документами РГГУ.

6.2. Фиксация нарушения осуществляется преподавателем в порядке, предусмотренном действующими правилами университета, с указанием оснований и аргументации.

7. Рекомендации преподавателям (Приложение 3)

7.1. Поощрять корректное и осмысленное использование ИИ как инструмента учебной поддержки, а не замены интеллектуального труда.

7.2. Формулировать задания, ориентированные на анализ источников, критическую интерпретацию и индивидуальные исследовательские решения.

7.3. При необходимости использовать устные формы проверки понимания и содержания работ.

7.4. Регулярно актуализировать требования с учетом развития технологий и образовательных практик.

7.5. Отражать положения настоящего Регламента в рабочих программах дисциплин.

8. Заключительные положения

8.1. Настоящий Регламент подлежит пересмотру не реже одного раза в год.

8.2. Вопросы, не урегулированные настоящим Регламентом, регулируются локальными нормативными актами университета и решениями Ученого совета РГГУ.

8.3. Регламент вступает в силу после утверждения в установленном порядке.

Приложение 1

к Регламенту использования
технологий искусственного интеллекта
в учебном процессе Института журналистики
и медиаиндустрий РГГУ

«Допустимо / Недопустимо»
при использовании ИИ в учебном процессе

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	ДОПУСТИМО	НЕДОПУСТИМО
Генерация текста	Подготовка черновых планов, идей, структуры; небольшие фрагменты-вспомогатели, не входящие в оценочный контент.	Генерация эссе, аналитических материалов, медиа-текстов, исследовательских разделов, выводов и аргументации.
Редактирование	Корректурa орфографии, пунктуации, стиля; уточнение формулировок при сохранении авторского смысла. Составлять запрос на проверку орфографии и пунктуации и его реализовывать.	Переписывание работ «с нуля»; полная замена стиля и содержания; скрытая правка, меняющая аргументацию. Осуществлять автоматическую корректировку текста по итогам реализации запроса на проверку орфографии и пунктуации.
Анализ данных и источников	Помощь в поиске литературы, подсказки по структуре анализа при обязательной проверке источников студентом.	Замена анализа источников сгенерированными интерпретациями; создание ложных ссылок, цитат, статистики.
Работа с медиаматериалами	Обработка данных, создание визуальных материалов на основе собственных данных студента.	Генерация фейковых фото, видео или источников; имитация фактчекинга; подмена репортажей автоматически созданным текстом, видео.
Исследовательская работа	Использование ИИ как инструмента для поиска, систематизации, технической обработки данных.	Генерация исследовательских выводов, гипотез, результатов; фальсификация источников и фактов.

Окончание табл.

<i>ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</i>	<i>ДОПУСТИМО</i>	<i>НЕДОПУСТИМО</i>
<i>Подготовка презентаций, инфографики</i>	Автоматизированное создание шаблонов, визуальных схем, графиков из собственных данных.	Создание материалов, имитирующих проведенное исследование, если оно не выполнено студентом.
<i>Перевод текста</i>	Автоматический перевод с последующей обязательной редактурой.	Использование перевода как готового конечного текста без проверки и правки.
<i>Выполнение контрольных и экзаменов</i>	НЕДОПУСТИМО	Любое использование ИИ для выполнения тестов, эссе, онлайн-экзаменов, письменных проверок.
<i>Указание использования ИИ</i>	Использование ИИ указывается во введении (курсовая работа или ВКР) или в примечании к выполненной работе.	Соккрытие факта использования ИИ, выдача сгенерированного текста за собственный.
<i>Роль студента</i>	ИИ – вспомогательный инструмент; ответственность за достоверность и интерпретацию материалов лежит на студенте.	Ставить ИИ в позицию автора или источника информации; передавать ему выполнение ключевых академических задач.

Приложение 2

к Регламенту использования
технологий искусственного интеллекта
в учебном процессе Института журналистики
и медиаиндустрий РГГУ

ПАМЯТКА СТУДЕНТУ

Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ)
в учебном процессе

1. Зачем нужны правила?

Технологии ИИ могут быть полезным инструментом, но не заменяют профессиональных навыков журналиста: умения собирать информацию, анализировать источники, формулировать выводы и создавать собственные тексты. Правила позволяют сохранить академическую честность и качество обучения.

2. Что можно делать с помощью ИИ

Допустимо:

- Использовать ИИ для корректуры текста, улучшения стиля, проверки орфографии.
- Составлять черновые планы, перечни вопросов, структурные наброски.
- Пользоваться ИИ для поиска литературы, но обязательно проверять достоверность найденных данных.
- Создавать визуальные элементы (схемы, инфографику) при наличии собственных данных.
- Задавать ИИ уточняющие вопросы, помогающие лучше понять тему.

3. Что делать запрещено

Недопустимо:

- Генерировать ИИ текст задания, которое подлежит оценке (эссе, анализ медиаматериалов, репортаж, аналитическая справка, исследовательский обзор).
- Генерировать выводы, интерпретации, анализ источников и выдавать их за собственные.
- Создавать фиктивные источники, цитаты, статистику.
- Использовать ИИ для выполнения контрольных, тестов, экзаменов, онлайн-проверочных работ.
- Подменять самостоятельное изучение темы работой алгоритма.
- Скрывать факт использования ИИ.

4. Как правильно указать использование ИИ

Во введении или в примечании к работе:

«Использованы ИИ-инструменты для корректуры текста и предварительного составления плана. Интерпретация и выводы – собственные».

Или:

«ИИ использован для генерации визуального элемента (схемы) на основе предоставленных мной данных».

Необходимо описать, каким образом использовался ИИ и указать название нейросети.

Указание использования ИИ не снижает оценку, если работа выполнена добросовестно.

5. Ответственность студента

Студент несет полную ответственность за:

- точность и достоверность фактов;
- корректность интерпретации;
- оригинальность текста;
- соблюдение правил академической честности.

Соккрытие фактического использования ИИ или выполнение задания с его помощью в запрещенных формах рассматривается как нарушение академической добросовестности.

6. Почему это важно

Журналистика – профессия доверия. Навыки, которые вы приобретаете сейчас – работа с источниками, фактчекинг, аргументация, самостоятельное письмо – невозможно освоить, если полагаться на автоматическую генерацию контента. ИИ – инструмент, но не автор.

7. Если есть сомнения

Если вы не уверены, можно ли использовать ИИ для конкретного задания, спросите преподавателя заранее.

Приложение 3

к Регламенту использования
технологий искусственного интеллекта
в учебном процессе Института журналистики
и медиаиндустрий РГГУ

ПАМЯТКА ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
Использование ИИ студентами в учебном процессе

1. Зачем преподавателю регулировать использование ИИ

- ИИ существенно меняет характер студенческих работ: повышает риск подмены самостоятельного мышления автоматической генерацией.
- Цель регулирования – не запрет технологии, а сохранение академической честности и профессиональных компетенций (анализ источников, фактчекинг, аргументация, письмо).
- Преподаватель задает рамки допустимого и формирует культуру ответственного применения ИИ.

2. Базовые принципы для преподавателя

1. Четкость требований: студенты должны понимать, что разрешено, а что запрещено. Укажите правила в рабочей программе дисциплины и разъясните их на первом занятии или при объяснении задания.
2. Не подменять запретами методическую работу: ИИ уже в руках студентов; задача преподавателя – адаптировать задания таким образом, чтобы оценивались знания, понимание и умения.
3. Возможность выявить авторский вклад в работу: задание должно позволять выявить вклад студента: анализ, интерпретацию, работу с источниками, самостоятельные выводы.
4. Единство подходов: желательно, чтобы курс следовал общему факультетскому/кафедральному подходу к ИИ.

3. Что важно указать в рабочей программе дисциплины

- допустимые формы использования ИИ (корректурa, поиск литературы, визуализация);
- недопустимые формы (генерация текста задания, фабрикация фактов, использование при контрольных);
- обязательность указания факта использования ИИ;
- последствия нарушений.

4. Как адаптировать задания под ИИ

Усилить элементы, требующие самостоятельного мышления:

- анализ первичных источников (документы, медиаматериалы, интервью);
- сопоставление фактов, критическая оценка аргументации;
- индивидуальные кейсы, связанные с конкретными ситуациями;
- задания, требующие рассуждения, а не пересказа.

Использовать устные формы как дополнение:

- мини-собеседования по письменным работам;
- короткие устные проверки понимания;
- защита проектов.

Включать этапность:

при многоэтапных заданиях студент показывает процесс: план → черновик → финальная версия. Это снижает вероятность полной подмены работы ИИ.

Уточнять источниковую базу:

задания, привязанные к конкретным источникам, датам, документам и локальным кейсам сложнее сгенерировать автоматически без ошибок.

5. Признаки работы, выполненной с чрезмерным использованием ИИ:

- однородность стиля, отсутствие индивидуальных языковых особенностей;
- отсутствие ошибок при наличии неочевидных смысловых неточностей;
- текст избыточно общий, без конкретики, примеров и ссылок на источники;
- логически «идеальная», но поверхностная структура;
- совпадение фраз с типовыми ИИ-формулировками;
- расхождение между уровнем работы и уровнем устного ответа студента.

6. Как корректно реагировать на подозрения:

- провести короткую устную сверку: попросить пересказать ключевые выводы;
- уточнить аргументацию; попросить объяснить выбор источников;
- предложить студенту уточнить, где и как использовался ИИ;
- при подтверждении нарушения – действовать в соответствии с действующими правилами РГГУ;
- важно: обсуждение должно быть профессиональным, без обвинительного тона и предположений о намерениях.

7. Как поощрять корректное использование ИИ:

- подчеркивать, что ИИ – инструмент, но не замена мыслительной работе;
- поощрять применение ИИ для анализа больших массивов данных, корректуры, поиска литературы, визуализации – если это раскрыто и интегрировано в учебный процесс;
- объяснять студентам риски ошибок ИИ («галлюцинации», ложные ссылки, некорректные факты).

8. Что преподавателю делать нельзя:

- опираться исключительно на «детекторы ИИ» (они ненадежны);
- обвинять студента без оснований и доказательств;
- требовать полного запрета ИИ при отсутствии альтернативных форм контроля;
- игнорировать проблему академической честности.

9. Ключевой ориентир

Преподаватель оценивает не текст как продукт, а умение студента мыслить, анализировать, сопоставлять и аргументировать. ИИ допускается лишь как инструмент, не подменяющий интеллектуальную работу.

10. Если возникает сложная ситуация:

- проконсультируйтесь с заведующим кафедрой, с деканатом;
- опирайтесь на локальные нормативные документы;
- фиксируйте нарушения формально.

Информация об авторе

Михаил М. Кожокин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kozhokin.mm@gmail.com

Information about the author

Mikhail M. Kozhokin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kozhokin.mm@gmail.com

**«Когнитивный механизм»
как метафора динамики ментальных процессов
в научном дискурсе**

Елена М. Позднякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, helenpozdnikova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу термина «когнитивный механизм» как метафоры динамики ментальных процессов в научном дискурсе. Возникший в период когнитивной революции 1956–1965 гг. термин транстерминологизируется из психологии в лингвистику, нейронауки и другие области, сохраняя ядро: структурную организованность и процессуальную динамику познания (input–output). В когнитивной психологии это система операций (внимание, память, контроль), изучаемая экспериментально; в когнитивной лингвистике – механизмы категоризации, метафоры, профилирования, фокусирующиеся на концептуализации. Показаны междисциплинарные различия: психология акцентирует поведенческие параметры, лингвистика – значение и прагматику. Термин междисциплинарен, но трансдисциплинарен в модификациях признаков. Новизна исследования заключается в том, что показана метафоризация через концепт «механизм», что моделирует временную динамику ментальных процессов.

Ключевые слова: когнитивный механизм, метафора «механизма», ментальные процессы, научный дискурс, когнитивная психология, когнитивная лингвистика, транстерминологизация, когнитивная революция, концептуальное ядро

Для цитирования: Позднякова Е.М. «Когнитивный механизм» как метафора динамики ментальных процессов в научном дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 78–86. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-78-86

“Cognitive mechanism” as a metaphor for the dynamics of mental processes in scientific discourse

Elena M. Pozdnyakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, helenpozdneyakova@yandex.ru*

Abstract. The article examines the term “cognitive mechanism” as a metaphor for the dynamics of mental processes in scientific discourse. Originating during the cognitive revolution of 1956–1965, it undergoes trans-terminologization from psychology to linguistics, neurosciences, etc., retaining a core of structural organization and procedural dynamics of cognition (input–output). In cognitive psychology, it denotes systems of operations (attention, memory, control) studied experimentally; in cognitive linguistics – mechanisms of categorization, metaphor, profiling, focusing on semanticization. Differences are interdisciplinary: psychology emphasizes behavioral parameters, linguistics – meaning and pragmatics. The term is interdisciplinary yet transdisciplinary in modifying features. The novelty of the study lies in the fact that it demonstrates metaphorization through the concept of “mechanism”, which models the temporal dynamics of mental processes.

Keywords: cognitive mechanism, dynamics metaphor, mental processes, scientific discourse, cognitive psychology, cognitive linguistics, trans-terminologization, cognitive revolution, conceptual core

For citation: Pozdnyakova, E.M. (2026), “ ‘Cognitive mechanism’ as a metaphor for the dynamics of mental processes in scientific discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 78–86, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-78-86

Введение

Термин «когнитивный механизм» изначально формируется в контексте когнитивной психологии, но затем разворачивается в широком междисциплинарном и даже трансдисциплинарном поле когнитивных наук – от психологии и нейронаук до когнитивной лингвистики и терминоведения. При этом в центре внимания стоит вопрос о том, как именно в разных дисциплинах моделируется и описывается динамика ментальных процессов, и какую роль в этом играет сам термин «когнитивный механизм».

Если обратиться к общим словарным определениям, «механизм» в русском языке описывается как совокупность подвижно

соединенных частей, совершающих под действием сил заданные движения, а также как устройство, обеспечивающее работу машины или прибора. Важно, что уже здесь заложены две ключевые идеи: структурная организованность (части и связи) и динамика (движение, процесс), которые затем транслируются в когнитивную область.

Прилагательное «когнитивный» в терминологической традиции восходит к латинскому *cognitio* и отсылает к познанию, мышлению, переработке информации, т. е. к сфере ментальных процессов, связанных с получением, хранением и использованием знания. В совокупности это задает интуитивное понимание «когнитивного механизма» как организованной системы внутренних процессов, обеспечивающих ту или иную форму познания.

Исторически формирование термина приходится на период когнитивной революции 1956–1965 гг., когда происходит смещение исследовательского фокуса от бихевиористского описания «поведенческих механизмов» к моделям внутренних «механизмов обработки информации». В этот период возникает междисциплинарное сближение психологии, информатики (включая зарождающийся искусственный интеллект) и лингвистики, что задает контекст для появления и последующей миграции термина.

Основу для появления в научном обиходе термина «когнитивный механизм» заложили две важные книги того периода: с одной стороны, это книга «Plans and the Structure of Behavior» [Miller, Galanter, Pribram 1960], которая ввела представление о планах и программах как внутренних алгоритмах поведения; с другой – “Aspects of the Theory of Syntax” Н. Хомского [Chomsky 1965], где постулируется наличие внутренних грамматических механизмов, порождающих и интерпретирующих высказывания. В обоих случаях «механизм» понимается уже не метафорически, а как теоретический конструкт, описывающий структурированную, пошаговую динамику ментальных процессов.

Транстерминологизация и статус термина

По определению Л.М. Алексеевой, С.Л. Мишлановой и Е.В. Яковлевой, «отличительной особенностью терминологии современных отраслей знания является транстерминологизация, представляющая собой лингвокогнитивный феномен, проявляющийся в дискурсе взаимодействием концептуальных областей профессиональных доменов и активными лексико-семантическими процессами» [Алексеева, Мишланова, Яковлева 2025, с. 11–12].

Судьба термина «когнитивный механизм» представляется весьма интересной, поскольку он оказался вовлечен в процессы взаимодействия концептуальных областей психологии, лингвистики, нейронаук, философии, антропологии и в каждой области претерпевал семантические преобразования. Указанные выше авторы показывают, что транстерминологизация затрагивает не только единичные термины, но и целые концептосферы, переходящие из одной дисциплины в другую с частичной переразметкой признаков [Алексеева, Мишланова, Яковлева 2025].

Термин «механизм» изначально демонстрирует широкую, почти «всеобщую» транстерминологизацию: он используется в инженерных, естественно-научных и гуманитарных дискурсах, а также в обыденном языке, где сохраняется идея скрытого «устройства» и «работы» системы. Внутри когнитивных наук транстерминологизация уже затрагивает двусловное сочетание «когнитивный механизм», которое сначала закрепляется в когнитивной психологии, а затем переносится в когнитивную лингвистику, нейронауки, философию сознания, педагогику и другие смежные области.

Именно здесь проявляется различие между междисциплинарностью и трансдисциплинарностью: в первом случае сохраняется общее концептуальное ядро и координация между дисциплинами, во втором – происходит активное заимствование и модификация концептов под задачи новой области, что приводит к накоплению новых концептуальных признаков в содержании термина.

Когнитивный механизм в когнитивной психологии

В современной когнитивной психологии под «когнитивным механизмом» обычно понимают совокупность внутренних ментальных операций и процессов, обеспечивающих прием, переработку, хранение и использование информации, а также регуляцию поведения и формирование значений. Это не единичный акт, а относительно устойчивая система операций – механизм внимания, рабочей памяти, категоризации, когнитивного контроля и т. п.

В этой научной области «когнитивный механизм» репрезентирует то, как устроено взаимодействие между входящей информацией (стимулом) и результатом обработки (реакцией): какие репрезентации активируются, какие подавляются, какие когнитивные правила, схемы и стратегии задействованы при решении задачи или интерпретации ситуации. В рамках информационно-

процессуальной метафоры ум моделируется как система обработки информации с входами (input), внутренними этапами трансформации и выходом (output), и каждый из этих этапов описывается через соответствующие когнитивные механизмы.

Методологически когнитивная психология изучает эти механизмы с опорой на экспериментальные методы, нейропсихологические данные и вычислительное моделирование. Изменяя параметры задачи (сложность, помехи, неоднозначность) и анализируя время реакции, точность, паттерны ошибок, исследователь реконструирует структуру и динамику соответствующего механизма, а затем формализует его в виде архитектуры обработки или модели параллельно-распределенной обработки.

В нейронауках когнитивные механизмы описываются уже на уровне нейронных сетей, синаптических связей и биохимических процессов, лежащих в основе восприятия, внимания, памяти и мышления. Здесь термин фиксирует соответствие между макроуровнем когнитивных операций и микроуровнем нейронной реализации, т. е. между функциональными моделями обработки информации и их нейрофизиологической архитектурой. Использование термина «когнитивный механизм» в нейронауках требует специального рассмотрения, поэтому здесь мы упоминаем его в отношении этой обширной области лишь в связи с когнитивными механизмами восприятия, внимания, памяти и мышления, изучаемыми как в когнитивной психологии, так и в нейронауках.

Когнитивный механизм в когнитивной лингвистике

Когнитивная лингвистика исходит из того, что язык опирается на общие когнитивные способности человека и не образует автономного модуля, изолированного от других видов познания. В этом контексте когнитивные механизмы в лингвистике – это прежде всего механизмы категоризации и прототипизации, концептуальной метафоры и метонимии, построения фреймов и сценариев, связывающих языковую форму с концептуальной структурой опыта.

Если в когнитивной психологии механизм в большей степени определяется через поведенческие и процессные признаки (время реакции, объем, интерференцию и т. д.), то в когнитивной лингвистике во главу угла ставится построение значения, грамматические модели и семантическая мотивация языковых форм. Когнитивный механизм здесь выступает как объяснительная операция, участ-

вующая в концептуализации и использовании языковых единиц, т. е. в отборе и структурировании концептуальных признаков при порождении и интерпретации высказывания.

Методологически когнитивная лингвистика опирается на анализ значений, интроспективные и корпусные данные, типологические обобщения и модели употребления, стремясь к психологической правдоподобности и все чаще привлекая экспериментальные и нейролингвистические методы. При этом часто отмечается недостаточная детализация собственно процессуальной стороны механизмов (например, когда метафора или метонимия выполняют роль ярлыков без развернутой модели временной динамики обработки).

Основной заслугой российского когнитивно-дискурсивного направления является «конструирование концептуального содержания», ранее начатое ведущими зарубежными когнитологами, которое «получило дальнейшее развитие в отечественной лингвистике в виде когнитивных механизмов формирования смысла, или механизмов структурирования концептуального содержания» [Болдырев 2018, с. 89].

Внутри этой парадигмы термин «когнитивный механизм» приобретает дополнительные концептуальные признаки: операции профилирования, фокусирования/дефокусирования, перспективизации, вторичной репрезентации и концептуальной деривации, что хорошо видно в моделях вторичной интерпретации мира у Н.Н. Болдырева [Болдырев 2018, с. 189–190]. Здесь механизм задает путь перехода от первичной, относительно «наивной» концептуализации к вторичной, реинтерпретирующей и манипулятивной.

Подводя итог сравнению термина «когнитивный механизм» в двух из ряда наук когнитивного цикла, можно отметить следующее. В когнитивной психологии «когнитивные механизмы» определяются как психические процессы и структуры, позволяющие человеку приобретать знания, понимать опыт и решать проблемы. Для исполнения этих сложных задач используются восприятие, внимание, память, язык, рассуждение. В когнитивной лингвистике акцент смещается на ментальные процессы абстрагирования при оперировании языковыми знаками и на селекцию релевантных концептуальных признаков при одновременном подавлении других. В качестве базового когнитивного механизма принимается концептуальная деривация, лежащая в основе различных способов интерпретации исходных концептов.

*Концептуальное ядро:
динамика ментальных процессов*

Термин «когнитивный механизм» функционирует в разных областях, сохраняя общее концептуальное ядро, связанное с динамикой ментальных процессов, осуществляемых в ходе организованной обработки информации. В то же время трансдисциплинарный аспект проявляется в том, что при переходе, скажем, из когнитивной психологии в когнитивную лингвистику к ядру добавляются новые признаки, связанные с описанием языковых форм, категоризацией, прагматикой и др., тогда как поведенческие и экспериментальные параметры оказываются менее детализированными.

Несмотря на вариативность дисциплинарных репрезентаций, концептуальное ядро термина «когнитивный механизм» можно описать через идею динамики ментальных процессов, заложенную еще в базовом слове «механизм». Речь идет о том, что термин задает не статическую структуру, а именно модель развертывания познавательных операций во времени – от входа (input) через серию трансформаций к выходу (output), будь то в описываемых Н.Н. Болдыревым когнитивных механизмах концептуальной метонимии, концептуальной метафоры, инференции, эвфемии и ряда других [Болдырев 2018, с. 190–192] или в моделях семантической памяти и пропозициональных сетей у Р. Солсо [Солсо 2002, с. 203–220].

В обеих ключевых для нас науках – когнитивной психологии и когнитивной лингвистике – репрезентация когнитивных механизмов осуществляется через моделирование, основанное на экспериментальных данных, корпусных наблюдениях и теоретических гипотезах, что ведет к постепенному наращиванию концептуальных признаков термина по мере развития каждой дисциплины. Именно поэтому «когнитивный механизм» сегодня можно рассматривать как один из центральных терминов когнитивной науки, поскольку он обеспечивает связь структур знания в когнитивной психологии со структурами знания в когнитивной лингвистике, а также других областях, которые остались за пределами рассмотрения в данной статье.

В когнитивной психологии доминируют процессные характеристики и строгие экспериментальные критерии, но существует риск чрезмерной реификации моделей; в когнитивной лингвистике, напротив, сильна объяснительная мощь в области значения и грамматики, однако причинно-следственные и временные параметры механизма нередко остаются схематичными.

Заключение

В данной статье мы предложили рассмотрение термина «когнитивный механизм» в рамках такого глобального процесса, как транстерминологизация. В момент своего возникновения термин репрезентировал новый научный концепт, противопоставлявший когнитивный подход к процессам мышления и познания бихевиористскому подходу. Однако с развитием когнитивной науки и выделением таких ее областей, как психология, лингвистика, нейронауки, искусственный интеллект, антропология, философия, образование концептуальная основа термина претерпевала изменения, при этом сохраняя ядро, концептуализирующее динамику ментальных или мозговых (физиологических) процессов. Так, в когнитивной психологии (КП) и в когнитивной лингвистике (КЛ) репрезентация ментальных процессов как когнитивных механизмов сводится к моделированию внутренней организации и динамики этих процессов, но конкретный набор признаков и операций варьирует в зависимости от исследовательских задач каждой из наук. Именно это напряжение между общим концептуальным ядром и дисциплинарной спецификой и делает термин продуктивным объектом для дальнейшего терминоведческого и лингвистического анализа.

Развитие содержания термина путем изменения набора концептуальных признаков в КП и КЛ происходило путем детализации объектов исследования (например, язык и его свойства как когнитивного феномена в КЛ и память и ее свойства как когнитивного феномена в КП).

Репрезентация «когнитивных механизмов» в обеих науках осуществляется путем моделирования, построенного на базе экспериментальных исследований и гипотез, что, в свою очередь, с развитием каждой из наук добавляет концептуальные признаки в содержание термина.

Литература

- Алексеева, Мишланова, Яковлева 2025 – Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Яковлева Е.В. Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. С. 9–37. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37
- Болдырев 2018 – Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018. 478 с.
- Солсо 2002 – Солсо Р.Л. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 591 с.

- Chomsky 1965 – *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA: The M.I.T. Press, 1965. 281 p.
- Miller, Galanter, Pribram 1960 – *Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H.* Plans and the structure of behavior. N.Y.: Henry Holt and Company, 1960. 247 p.

References

- Alekseeva, L.M., Mishlanova, S.L. and Yakovleva, E.V. (2025), “Trans-terminalization as a linguistic-cognitive process”, *Nauchnyi dialog*, vol. 14, no. 4, pp. 9–37, DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37
- Boldyrev, N.N. (2018), *Yazyk i sistema znaniy: Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system: Cognitive theory of language], YaSK, Moscow, Russia.
- Chomsky, N. (1965), *Aspects of the theory of syntax*, The M.I.T. Press, Cambridge, MA, USA.
- Miller, G.A., Galanter, E. and Pribram, K.H. (1960), *Plans and the structure of behavior*, Henry Holt and Company, New York, USA.
- Solso, R.L. (2002), *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology], Piter, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Елена М. Позднякова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; helenpozdneyakova@yandex.ru

Information about the author

Elena M. Pozdneyakova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; helenpozdneyakova@yandex.ru

От убеждения до принуждения: к проблеме манипулятивной эвфемизации

Елена Л. Боярская

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
Калининград, Россия, EBoyarskaya@kantiana.ru*

Людмила Б. Бойко

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
Калининград, Россия, LBoyko@kantiana.ru*

Аннотация. Целью статьи является анализ проблемы манипулятивной эвфемизации в средствах массовой информации, выполненный на материале англоязычных средств массовой информации. Вводится и обосновывается понятие *манипулятив* как термин для обозначения особого типа эвфемизмов, которые целенаправленно используются для управления восприятием и интерпретацией информации. Проблема терминологической точности в определении эвфемизмов-манипулятивов поднимается для выявления их отличий от традиционных трендов и направлений эвфемизации. В статье анализируются основные приемы манипулятивной эвфемизации и их влияние на коллективного экспериенсера. Особое внимание уделяется когнитивным аспектам данного явления: показано, что систематическое использование манипулятивов закрепляет искаженную интерпретацию событий в сознании коллективного экспериенсера через уже существующие в сознании фреймы и сценарии, снижая когнитивную критичность и формируя эффект подобия правды. Это позволяет рассматривать манипулятивную эвфемизацию как ключевой инструмент речевого воздействия в современном медиадискурсе. На основе примеров из современной медийной практики исследуются способы, которыми эвфемизмы-манипулятивы искажают восприятие событий и служат инструментом контроля над общественным мнением.

Ключевые слова: манипуляция, эвфемизация, эвфемизмы-манипулятивы, дискурс

Для цитирования: Боярская Е.Л., Бойко Л.Б. От убеждения до принуждения: к проблеме манипулятивной эвфемизации // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 87–98. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-87-98

© Боярская Е.Л., Бойко Л.Б., 2026

From persuasion to coercion: on the problem of manipulative euphemization

Elena L. Boyarskaya

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia, EBoyarskaya@kantiana.ru*

Lyudmila B. Boiko

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia, LBoiko@kantiana.ru*

Abstract. This article explores the problem of manipulative euphemization in the mass media, based on material from English-language media sources. The concept of the *manipulative euphemism* is introduced and substantiated as a term for a specific type of euphemism deliberately used to shape the perception and interpretation of information. The problem of terminological precision in defining manipulative euphemisms is raised to identify their differences from traditional trends and directions of euphemization. The authors examine the main techniques of manipulative euphemization and their impact on the collective experiencer. Special attention is paid to the cognitive aspects of this phenomenon. It is shown that the systematic use of manipulatives reinforces distorted interpretations of events in the collective experiencer's consciousness through pre-existing frames and scenarios, reducing cognitive criticality and creating a truth-like effect. This makes it possible to view manipulative euphemization as one of the key tools of manipulation in contemporary media discourse. Drawing on examples from modern media practice, the study examines how manipulative euphemisms distort the perception of events and serve as a tool for controlling public opinion.

Keywords: manipulation, euphemization, manipulative euphemisms, discourse

For citation: Boyarskaya, E.L. and Boiko, L.B. (2026), "From persuasion to coercion: on the problem of manipulative euphemization", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 87–98, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-87-98

Введение

Проблема манипуляции в современных средствах массовой информации (СМИ) постепенно стала одной из ключевых, в особенности в области медиакommunikации. В условиях стремительного развития технологий манипулятивные практики приобретают все

большую сложность и изощренность в стремлении сформировать определенное общественное мнение и оказать влияние на поведение индивидуального или коллективного экспериенсера.

Целью статьи является анализ проблемы манипулятивной эвфемизации в средствах массовой информации, выполненный на материале англоязычных СМИ, а также выявление сходства и различий между классической трактовкой понятия *эвфемизация* и *эвфемизацией, используемой в манипулятивном акте*.

Термин *манипуляция*, пришедший в русский язык из французского и имеющий первоосновой латинские слова *manus* (рука) и *pleo* (наполняю), имеет два принципиально различных значения: а) сложный прием, действие над чем-нибудь при работе руками, ручным способом (книжн.); б) перен. проделка, махинация (неодобр.)¹. Аналогичные значения отмечены и в английском языке: а) to treat or operate with or as if with the hands or by mechanical means, especially in a skillful manner; б) to control or play upon by artful, unfair, or insidious means, especially to one's own advantage"². Лексикографические описания уверенно подчеркивают однозначно негативную трактовку манипуляции как события.

Определения манипуляции как социального-философского феномена также подчеркивают негативный характер данного явления. Герберт Франке, автор одной из первых работ по осознанной манипуляции, понимает его как «психическое воздействие, которое производится тайно, а, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [Франке 1964, с. 7]. В современных определениях манипуляция описывается как «...тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудии исполнения чуждых ему интересов» [Володенков 2012].

Новый импульс исследованию манипуляции придало бурное развитие когнитивных наук – когнитивной лингвистики, когнитивной психологии и нейронаук. С точки зрения когнитивной лингвистики манипулятивное воздействие представляет собой определенную стратегию (стратегии) и соответствующие ей приемы, посредством которых инициатор манипулятивного акта (агенса), оказывает скрытое манипулятивное воздействие на адресата (экспериенсера) для достижения поставленной цели. Любой манипу-

¹ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13840> (дата обращения: 22.01.2026).

² Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/manipulate> (дата обращения: 22.01.2026).

лятивный акт может быть структурирован в виде фрейма, слотами которого являются не только агент и экспериенсер (индивидуальный или коллективный). Неотъемлемыми элементами фрейма события МАНИПУЛЯЦИЯ являются также мотив манипуляции, цель, диктум (сообщение), форма, отношение агенса к диктуму ('разделяет мнение и поэтому манипулирует', 'не разделяет, но манипулирует' и т. д.), постэффекты манипулятивного диктума и контрагенты манипуляции (акторы, противодействующие манипуляции) [Заботкина, Боярская 2025].

Привлечение данных когнитивных и нейронаук, структурирование манипулятивного акта в форме событийного фрейма позволяет проанализировать причины, по которым манипулятивный акт оказывается возможным и успешным. В этом контексте необходимо рассмотреть реализацию манипулятивного акта с позиций агенса и экспериенсера.

Реализация манипулятивного диктума агенсом основана на стимулировании определенных когнитивных процессов в сознании экспериенсера. Проведенные исследования показали, что манипулятивный акт возможен и часто достигает успеха благодаря комплексному, *полидоменному* характеру концептуальных проекций, лежащих в основе манипулятивного диктума. Как указывалось в предыдущих исследованиях, «полидоменное проецирование как когнитивный процесс задействует фрагменты информации из разных концептуальных областей и внедряет их в новый когнитивный контекст путем активизации таких когнитивных механизмов, как аналогия, атрибуция, фрейминг, скриптизация, профилирование, метафоризация и эмоционализация, которые могут протекать как изолированно, так и в комбинации» [Заботкина, Боярская 2025]. Полидоменный характер концептуальных проекций приводит к концептуальному сбою в сознании экспериенсера, что и обеспечивает эффективность манипулятивного акта.

Анализ научной литературы, посвященной исследованиям (в том числе инструментальным, включая МРТ и энцефалографию) процесса восприятия манипулятивного диктума экспериенсером, показал, что обработка манипулятивного диктума происходит ниже порога глубинного осознания: миндалевидное тело мозга обрабатывает эмоционально заряженные стимулы мгновенно, до того, как они активизируют участки префронтальной коры, тем самым подавляя рациональность и логику [LeDoux 2000]. Эмоциональные реакции реализуются гораздо быстрее, чем аналитические процессы, которые выступают вторичными [Greene, Haidt 2002]; экспериенсер сначала реагирует на эмоционально окрашенный текст, а мозг лишь *post hoc* ищет рациональные аргументы для

анализа и принятия рационального решения [Greene, Haidt 2002]. Исследования также показывают, что индивидуумы склонны уделять больше внимания эмоционально неприятной, чем приятной информации [Baumeister et al. 2001; Rozin, Royzman 2001].

Результаты и дискуссия

Необходимо отметить, что эвфемизмы, используемые в целях манипуляции, представляют собой совершенно особый класс лексики. Помимо выполнения своей основной роли по обеспечению социально приемлемых форм для обозначения неприятных тем ('deliberately indirect, conventionally imprecise or socially comfortable ways of referring to taboo, embarrassing, or unpleasant topics' [Hughes 2006, p. 151]), эвфемизмы преследуют более важную цель: вводить в заблуждение путем «нежного обмана». Это требует меньших затрат когнитивных ресурсов на интерпретацию скрытой за эвфемизмом информации, что подтверждает и гипотеза камуфляжа Макглоуна и его коллег [McGlone et al. 1994; McGlone, Batchelor 2003; McGlone et al. 2006]. В медиакommunikации эвфемизмы приобретают статус не просто результата номинации или стилистического приема, а эффективно-го механизма управления интерпретацией.

В научной литературе используются такие соотнесенные термины для описания данного феномена, как *newspeak* и *doublespeak*. Несмотря на разницу в терминологии, суть манипулятивной эвфемизации остается неизменной – эвфемизм становится *doublespeak* исключительно тогда, когда он используется с целью ввести в заблуждение, исказить или скрыть правду [Herman 1992; Lutz 1988]. В отличие от эвфемизмов других типов, *doublespeak* не служит благородной цели «поберечь чувства», а используется в корыстных, манипулятивных целях [McGlone, Batchelor 2003]. Эдвард С. Герман в своей работе «За гранью лицемерия» дает исчерпывающее определение того, чем на самом деле является *doublespeak*: «Что действительно важно в мире двуличия, так это способность лгать, сознательно или бессознательно, и выходить сухим из воды; а также способность использовать ложь, выбирать и формировать факты избирательно, отсеивая те, которые не соответствуют повестке дня или программе» [Herman 1992].

В лингвистике получил распространение термин *псевдоэвфемизм* (гр. ψευδής 'лживый', 'фальшивый'), уточняющий значение эвфемизма в его манипулятивном использовании на основании как целенаправленности его характера, так и массированного и систематического применения [Васильев 2010]. Между тем

Хьюз, заимствуя у Ульмана термин *pseudo-euphemism*, понимаемый как "a more technical version of Bréal's false delicacy" [Hughes 2006, p. 19], трактует термин прежде всего как стилистический прием, ироничную и остроумную творческую новацию, отнюдь не предназначенную для введения в заблуждение. Термин *псевдоэвфемизм*, предназначенный подчеркнуть манипулятивную направленность эвфемизма и, по сути, заменяющий англоязычный термин *doublespeak*, требует корректировки. Префикс *pseudo* создает *contradictio in terminis*: нет ничего ложного или фальшивого в функционировании *манипулятивного* эвфемизма, выполняющего свое предназначение – не просто прикрывать неприятное значение, но и воздействовать обманным путем.

Представляется возможным ввести термин *манипулятив* в качестве альтернативной замены англоязычного термина *doublespeak* в современном его понимании. Новый термин отражает функциональную цель использования такого эвфемизма – ввести в заблуждение экспериенсера относительно цели коммуникации. Он также ограничивает в обширном поле эвфемизмов вполне определенный разряд лексики. Представляется возможным выделить набор критериев, которые позволяют отграничить эвфемизм как средство социально приемлемой номинации и манипулятив как инструмент намеренного искажения восприятия и интерпретации фактов и событий в соответствии с целью, преследуемой агентом манипуляции. Манипулятив может быть идентифицирован при наличии совокупности следующих признаков: расхождения между денотативным ядром и прагматическим эффектом номинации, намеренной и систематической корреляцией с заданной институциональной рамкой, асимметрии информированности между агентом манипуляции и экспериенсером, сниженной или стертой негативной оценкой фактов и событий при сохранении или усилении объективно неблагоприятных последствий явления, а также частотной повторяемостью в медиадискурсе. Данный набор критериев не является исчерпывающим, однако он позволяет использовать термин *манипулятив* в аналитической практике.

Анализ текстов СМИ позволил выделить основные *причины манипулятивной эвфемизации*: смягчение негативного эффекта, стремление уменьшить эмоциональную реакцию на негативные события или действия, сокрытие истинных намерений или целей, создание положительного образа, снижение ответственности, размытие агентности, избегание прямого признания ошибок или провалов и другие конкретные стратегические задачи.

В развитие теории камуфляжа Макглоуна представляется возможным классифицировать манипулятивы по степени 'маскировки'

денотативного содержания, которая может быть относительной низкой, средней и высокой. К первой группе можно отнести, например, эвфемистические словосочетания типа ‘correctional facility’ вместо существительного ‘prison’: ‘The new Twin Towers *Correctional Facility*, huge windowless towers of forbidding grey concrete with openings like arrow slits’ (British National Corpus, URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>). В подобных случаях негативный денотат остается вполне прозрачным, однако эмоциональная интенсивность восприятия снижается при сохранении неизменной фактической информации. Ко второй группе относятся манипулятивы типа ‘enhanced interrogation’ – ‘The confrontation highlights deepening divisions between major powers over questions of humanitarian intervention, sovereignty, and the appropriate international response to religious violence in developing nations’ (British National Corpus, URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>), – декодирование которых требует больших когнитивных усилий, большей аналитической обработки, снижая вероятность критического осмысления. К третьей группе могут быть отнесены манипулятивы типа ‘humanitarian intervention’ – ‘From this standpoint, the US action cannot be defended as a lawful humanitarian intervention’ (British National Corpus, URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>). В подобных случаях оценка событий происходит в новой системе аксиологических координат, в которой ‘humanitarian intervention’ не воспринимается как агрессия или вмешательство, а как гуманитарная миссия, маскируя истинные геополитические мотивы.

Приемы манипулятивной эвфемизации включают подмену понятий, «полуправду», эмоциональную нейтрализацию, неопределенность, диффузность, инверсивность, псевдонаучность и некоторые другие. Данные приемы используются для кодирования информации, при этом небуквальные смыслы эвфемизмов понятны коммуникантам именно потому, что в языковом сообществе складывается согласие и взаимопонимание в их интерпретации [Hughes 2010]. Рассмотрим некоторые примеры манипулятивов, иллюстрирующие основные приемы эвфемизации:

Подмена понятий (conceptual substitution): использование нейтральных или положительно окрашенных лексических единиц для описания негативных явлений. Например: употребление ‘collateral damage’ вместо ‘civilian casualties’ скрывает суровую реальность жертв среди мирного населения, что смягчает восприятие трагизма ситуации.

Полуправда (half-truth): намеренное опущение значимых деталей в целях сокрытия полной картины. Например: при описании военной операции используется словосочетание ‘mission

accomplished', которая подразумевает успех, но умалчивает о возможных негативных последствиях или незавершенности поставленной задачи.

Эмоциональная нейтрализация (emotional neutralization): употребление эмоционально нейтральных лексических единиц для снижения эмоционального воздействия. Например: использование 'downsizing' или 'staff optimization' лишает сообщение эмоциональной окраски, превращая увольнение в обыденную деловую операцию.

Неопределенность (ambiguity): использование лексических единиц широкой или диффузной семантики, которые не позволяют реципиенту сформулировать однозначное и ясное представление о событии. Так, например, словосочетание 'economic adjustment' может быть интерпретировано как сокращение бюджета, как экономия или же как увольнения.

Инверсивность (inversion): использование лексических единиц, обозначающих прямо противоположные по характеру события или факты для достижения необходимого эффекта. Агрессивные действия, например, в медиадискурсе могут описываться как 'peacekeeping operation', что однозначно меняет восприятие с негативного на положительное, фактически ретушируя истинное положение вещей.

Псевдонаучность (pseudoscientific terms): намеренное использование научных, а часто и псевдонаучных терминов для создания впечатления авторитетности, обоснованности и правдивости. Например, словосочетание 'data-driven insights' может применяться для оправдания сомнительных решений, намеренно вуалируя факты, которые не соответствуют действительности, представляя их под видом научного и обоснованного подхода.

Следует отметить, что манипулятивная эвфемизация обладает выкраденной динамикой: со временем одни номинации утрачивают свой 'маскирующий потенциал', становятся более прозрачными для критического восприятия, другие же закрепляются в качестве нормативной лексики институционального медиадискурса, т. е. манипулятив проходит стадию конвенционализации и становится элементом профессионального медиадискурса.

Таким образом, прагматические нейтральные лексические единицы могут приобретать значительный идеологический вес. Проблема манипуляции в СМИ напрямую связана с вопросами власти и контроля. Те, кто управляет информационными потоками, имеют возможность оказывать значительное влияние на сознание и поведение общества. Влияние медиа на политику, экономику и общественные процессы становится максимально заметным в эпоху информационных войн и борьбы за внимание аудитории.

Заключение

Манипулятивная эвфемизация в СМИ представляет собой мощный инструмент, который используется для управления общественным мнением и изменением восприятия информации. Причины эвфемизации лежат в стремлении скрыть истинность фактов, продвигать вполне определенные политические или идеологические позиции, формировать альтернативную реальность.

Предложенный термин *манипулятив*, а также критерии разграничения социально обусловленной номинации и манипулятивов как инструментов целенаправленного искажения восприятия и интерпретации фактов и событий позволяють уточнить понятийный аппарат анализа медиадискурса, создавая предпосылки для более детального анализа языковых механизмов скрытого воздействия. Эвфемизация рассматривается не только как классический процесс номинации, но и прежде всего как когнитивный процесс. Используемые стратегии манипулятивной эвфемизации создают иллюзию объективности и гуманности, искажают представления об истинности и усложняют восприятие и интерпретацию фактов и событий экспериенсером. Частотное использование манипулятивов разного типа способствует закреплению определенных интерпретационных сценариев и снижению вероятности альтернативного прочтения событий.

Решение данной проблемы требует комплексного подхода, повышения уровня медийной грамотности, формирования критического мышления и информированности о потенциально возможных стратегиях и приемах реализации манипулятивного воздействия в медиадискурсе. Развитие способности к анализу, верификации фактов и источников информации может помочь в противодействии манипуляции и снижении ее негативного эффекта.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Acknowledgements

The publication was supported by the Russian Science Foundation project 22-18-00594 "Cognitive models of identification of and counteraction to manipulation in the media space".

Литература

- Васильев 2010 – *Васильев А.Д.* Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150–161.
- Володенков 2012 – *Володенков С.В.* Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки». 2012. № 5. С. 89–103.
- Заботкина, Боярская 2025 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Концептуальное проецирование как основа манипулятивного воздействия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 1. С. 24–38. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-1-2>
- Франке 1964 – *Франке В.* Манипулируемый человек. М.: Политиздат, 1964. 362 с.
- Baumeister et al. 2001 – *Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D.* Bad is stronger than good // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 323–370. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323>
- Greene, Haidt 2002 – *Greene J., Haidt J.* How (and where) does moral judgment work? // Trends in Cognitive Sciences. 2002. Vol. 6. No. 12. P. 517–523.
- Herman 1992 – *Herman E.S.* Beyond hypocrisy: Decoding the news in an age of propaganda, including the doublespeak dictionary for the 1990s. Montreal: Black Rose Books Ltd., 1992. 239 p.
- Hughes 2006 – *Hughes G.* An encyclopedia of swearing: The social history of oaths, profanity, foul language, and ethnic slurs in the English-speaking world. L.: M.E. Sharpe, 2006. 573 p.
- Hughes 2010 – *Hughes G.* Political correctness: a history of semantics and culture. Maldon, Mass.: Wiley-Blackwell, 2010. 320 p. (The Language Library)
- LeDoux 2000 – *LeDoux J.E.* Emotion circuits in the brain // Annual Review of Neuroscience. 2000. Vol. 23. P. 155–184.
- Lutz 1988 – *Lutz W.* Fourteen years of doublespeak // The English Journal. 1988. Iss. 77. No. 3. P. 40–42.
- McGlone et al. 1994 – *McGlone M.S., Glucksberg S., Cacciari C.* Semantic productivity and contextual influences on the comprehension // Discourse Processes. 1994. Vol. 17. No. 2. P. 167–190. doi.org/10.1080/01638539409544865
- McGlone, Bachelor 2003 – *Glone M.S., Batchelor J.* Looking out for number one: Euphemism and face // Journal of Communications. 2003. Vol. 53. No. 2. P. 251–264.
- McGlone et al. 2006 – *McGlone M.S., Beck J., Pfister R.A.* Contamination and camouflage in euphemisms // Communication Monograph. 2006. Vol. 73. No. 3. P. 261–282. <https://doi.org/10.1080/03637750600794296>
- Rozin, Royzman 2001 – *Rozin P., Royzman E.B.* Negativity bias, negativity dominance, and contagion // Personality and Social Psychology Review. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 296–320.

References

- Vasil'ev, A.D. (2010), "Manipulative euphemization", *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva*, no. 1, pp. 150–161.
- Volodenkov, S.V. (2011), "Modern political communication as a tool for manipulating public consciousness", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 5, pp. 89–103.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2025), "Conceptual foundations of manipulative", *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 16, no. 1, pp. 24–38. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-1-2>
- Franke, V. (1964), *Manipuliruyemyy chelovek* [Der manipulierte Mensch], Politizdat, Moscow, USSR.
- Baumeister, R.F., Bratslavsky, E., Finkenauer, C., and Vohs, K.D. (2001), "Bad is stronger than good", *Review of General Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 323–370. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323>
- Greene, J. and Haidt, J. (2002), "How (and where) does moral judgment work?", *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 6, no. 12, pp. 517–523.
- Herman, E.S. (1992), *Beyond hypocrisy: Decoding the news in an age of propaganda, including the doublespeak dictionary for the 1990s*, Black Rose Books Ltd., Montreal, Canada.
- Hughes, G. (2006), *An encyclopedia of swearing: The social history of oaths, profanity, foul language, and ethnic slurs in the English-speaking world*, M.E. Sharpe, London, UK.
- Hughes, G. (2010), *Political correctness: a history of semantics and culture*, Wiley-Blackwell, London, UK.
- LeDoux, J. (2000), "Emotion circuits in the brain", *Annual Review of Neuroscience*, vol. 23, pp. 155–184.
- Lutz, W. (1988), "Fourteen years of doublespeak", *The English Journal*, iss. 77, no. 3, pp. 40–42.
- McGlone, M. S., Glucksberg, S. and Cacciari, C. (1994), "Semantic productivity and contextual influences on the comprehension", *Discourse Processes*, vol. 17, no. 2, pp. 167–190, <https://doi.org/10.1080/01638539409544865>
- McGlone, M. S. and Batchelor, J. (2003), "Looking out for number one: Euphemism and face", *Journal of Communication*, vol. 53, no. 2, pp. 251–264.
- McGlone, M. S., Beck J., and Pfister R. A. (2006), "Contamination and camouflage in euphemisms", *Communication Monograph*, vol. 73, no. 3, pp. 261–282, <https://doi.org/10.1080/03637750600794296>
- Rozin, P. and Royzman, E.B. (2001), "Negativity bias, negativity dominance, and contagion", *Personality and Social Psychology Review*, vol. 5, no. 4, pp. 296–320.

Информация об авторах

Елена Л. Боярская, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; 236000, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; EBoyarskaya@kantiana.ru

Людмила Б. Бойко, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; 236000, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; LBoyko@kantiana.ru

Information about the authors

Elena L. Boyarskaya, Cand. of Sci (Philology), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; 14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236000; EBoyarskaya@kantiana.ru

Lyudmila B. Boiko, Cand. of Sci (Philology), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; 14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236000; LBoyko@kantiana.ru

Автоматизированный тональный анализ vs.
автоматизированный фоносемантический анализ
манипулятивных инфлуктивных речевых актов:
когнитивный подход

Наталья А. Куракина

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Калининград, Россия;*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, NaPetrusevich1@kantiana.ru*

Аннотация. Выявляется корреляция инфлуктивных речевых актов «комплимент» и «оскорбление», что позволяет углубить понимание манипулятивных стратегий и их когнитивных основ. Рассматривается «оскорблмент» как новое языковое явление, образовавшееся на стыке комплимента и оскорбления, представляющее собой оскорбление, замаскированное под комплимент, или комплимент, замаскированный под оскорбление. Устанавливается возможность оскорблментов оказывать манипулятивное воздействие. Проводится когнитивно-дискурсивный анализ оскорблментов. Актуальность изучения манипулятивных инфлуктивных речевых актов связана с современными тенденциями инвективизации в англоязычном дискурсе. Изучение инфлуктивных речевых актов, таких как «оскорбление» и «комплимент», а также оскорблмента является важным для понимания манипулятивных стратегий в языке, которые могут оказывать существенное влияние на общественное мнение и взаимодействие.

В силу стремительного развития новых автоматизированных систем, предназначенных для выполнения лингвистического анализа текстов на разных уровнях, в том числе фоносемантическом, учитывая быстроту внедрения данных систем, появляется необходимость проверки их релевантности. Осуществляется оценка преимуществ и недостатков работы искусственного интеллекта, направленного на проведение тонального анализа в общем, и в частности, фоносемантического анализа. Проводится сравнительный анализ работы русских и зарубежных компьютерных программ и онлайн-сервисов, направленных на автоматизированный тональный и фоносемантический анализ. Реализуется автоматизированный анализ манипулятивных инфлуктивных речевых актов с применением систем автоматизированного тонального анализа и автоматизиро-

ванного фоносемантического анализа, что способствует комплексному рассмотрению инфлюктивов. Дается оценка релевантности применения автоматизированного тонального анализа и фоносемантического анализа в контексте лингвистического исследования.

Ключевые слова: инфлюктивные речевые акты, комплимент, оскорбление, оскорблитель, манипуляция, когнитивные основы, автоматизированный тональный анализ, автоматизированный фоносемантический анализ

Для цитирования: Куракина Н.А. Автоматизированный тональный анализ vs. автоматизированный фоносемантический анализ манипулятивных инфлюктивных речевых актов: когнитивный подход // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 99–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-99-110

Automated sentiment analysis vs. automated phono-semantic analysis of manipulative influctive speech acts: cognitive approach

Natalia A. Kurakina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

NaPetrusevich1@kantiana.ru

Abstract. The correlation between influctive speech acts “compliment” and “insult” is revealed, which allows to deepen the understanding of manipulative strategies and their cognitive foundations. We consider “backhanded compliment” as a new linguistic phenomenon formed at the junction of compliment and insult, representing an insult disguised as a compliment or a compliment disguised as an insult. The ability of backhanded compliments to actualize a manipulative effect is established. The cognitive-discourse study of backhanded compliments is conducted. The relevance of the study of manipulative influctive speech acts is connected with the modern tendencies of invectivization in English-language discourse. The study of influctive speech acts such as “insult” and “compliment” as well as backhanded compliment is absolutely critical for understanding manipulative strategies in language, which can have a significant impact on public opinion and interaction.

Due to the rapid development of new automated systems designed to perform linguistic analysis of texts at different levels, including phono-semantic analysis, and considering the speed of implementation of these systems, there arises a need to verify their relevance. The benefits and drawbacks of the work

of artificial intelligence aimed at conducting sentiment analysis in general, and phono-semantic analysis in particular, are scrutinized. A comparative study of the work of Russian and foreign computer programmes and online services aimed at automated sentiment analysis and phono-semantic analysis is carried out. The automated research of manipulative influctive speech acts with the use of automated sentiment analysis and automated phono-semantic analysis systems is realized, which contributes to the complex consideration of influctive speech acts. The relevance of the application of automated sentiment analysis and phono-semantic analysis in the context of linguistic research is assessed.

Keywords: influctive speech acts, compliment, insult, backhanded compliment, manipulation, cognitive foundations, automated sentiment analysis, automated phono-semantic analysis

For citation: Kurakina, N.A. (2026), "Automated sentiment analysis vs. automated phono-semantic analysis of manipulative influctive speech acts: cognitive approach", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 99–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-99-110

Метод фоносемантического анализа заключается в анализе слова посредством взаимосвязанных операций, направленных на установление наличия/отсутствия звукоизобразительности в слове и выявление ее характера, осуществляется в несколько этапов:

- «1) установление у лексемы наличия или отсутствия “звукового” значения;
- 2) учет и анализ критериев идентификации звукоизобразительной лексики;
- 3) этимологизация слова с учетом его фонетико-семантических коррелятов в близких языках;
- 4) корреляция акустико-артикуляторных характеристик звукового облика лексемы с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата для определения мотива для номинации;
- 5) выделение параллелей (фонетическая форма и семантика этимологизируемой лексемы) в неродственных языках (типологические обобщения);
- 6) установление наличия или отсутствия и характера звукоизобразительности»¹.

Работая совместно с психологом Ю.М. Орловым, А.П. Журавлев на примере собственного экспериментального психометрического метода фоносемантического анализа классифицировал

¹ Горкин А.П. Литература и язык: Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс, 2006. 583 с.

звуки русского языка на основе их символики, а также создал модель их фонетического значения. Полученные характеристики звукового состава русского языка позволили оценить воздействие каждого звука на психическое состояние человека. «Оценка воздействия звукового оформления слова определяется общим фоносемантическим значением звуков, входящих в данное слово. Процедура подсчета осуществляется компьютерным способом с психолингвистической интерпретацией результатов этого анализа. Например, по шкале “хороший – плохой” <a> оценивается как “хороший”, тогда как <щ> – как “плохой”» [Рогожина 2014, с. 216].

За единицу, заключающую в себе фонетическое значение, А.П. Журавлев принимает звукобукву, поскольку ассоциации с концептами хотя и формируются под воздействием звуков, но осознаются и четко закрепляются лишь под влиянием буквы².

Л.П. Прокофьева отмечает, что «при наличии разнообразных дополнительных методик основным методом является выявление и подсчет значимых отклонений от нормальной частотности звукобукв в речи и тексте, соотнесение их с матрицей оценок звукобукв русского языка по 25 бинарным шкалам и вычисление на этой основе максимально значимых для данного текста признаков» [Прокофьева 2007].

Еще один метод оценки фоносемантического значения текста принадлежит представителю петербургской школы фоносемантики И.Ю. Павловской. В своей работе «Фоносемантический анализ речи» она исследует звукоизобразительность на уровнях от фонемы до текста. Эксперименты И.Ю. Павловской подтвердили универсальность фоносемантических проявлений и значимости эмоций и смыслов, психофизиологической организации человека, вне зависимости от его языковой принадлежности [Павловская 2004, с. 144]. Это позволяет исследовать идейную концепцию текста на глубинном уровне его восприятия.

Эти и другие исследования свойств звуковой семантики и цветового воздействия подтверждают, что фонетический уровень языка играет важную роль в конструировании смысла текста наряду с его семантическим содержанием. Установление связи между планом выражения и планом содержания языка утверждает необходимость изучения звукового аспекта текста вместе с содержательным. Изучение фоносемантической специфики текста подтверждает, что фонетический уровень языка участвует в формировании ассоциативной связи и особым образом ее реализует. Звуковой уровень, формирующийся первым в онтогенезе,

² Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 160 с.

позволяет получить доступ к этому участвующему в процессах ассоциирования уровню. Во взаимосвязи слова и его ассоциативного окружения существует некая скрытая закономерность, экспликация которой устанавливает механизм смыслового преобразования текста [Рогожников 2013].

В настоящее время известна такая отечественная компьютерная программа, как «ВААЛ»³, в основе принципа работы которой лежит формула математического расчета фоносемантической значимости слова и принцип семантического дифференциала Ч. Осгуда. Согласно этому принципу, любое значение может быть оценено по шкале между двумя противоположными по смыслу концептами в бинарных оппозициях «хороший-плохой», «сильный-слабый», «активный-пассивный» [Osgood, Suci, Tannenbaum 1957, p. 200].

Нейролингвистическая экспертная система «ВААЛ» является инструментом по распознаванию и анализу скрытого эмоционального воздействия фонетического оформления текста на подсознание реципиента. В данной программе также есть возможность составления оригинальных текстов с заданными фоносемантическими параметрами и генерации вымышленных слов с определенными фоносемантическими характеристиками. В последней из представленных версий в возможности модуля стала также входить функция составления психологической характеристики составителя текста и определения интенции его написания. Англоязычная версия программы «ВААЛ-Е» тоже предоставляет вышеперечисленные возможности при работе с текстами на английском языке и базируется на 15 шкалах значения звуков по теории И.Ю. Павловской [Павловская 2004].

В ходе своего фоносемантического исследования Л.П. Прокофьевой и программистом Т.В. Мироновой была также создана универсальная двуязычная программа «Звукоцвет»⁴, в которой традиционная методика выявления звуко-цветовой ассоциативности была дополнена авторами. Так, в тексте «предусмотрена фиксация ведущего цвета на уровне графонов в рамках отдельного абзаца, существует возможность проследить динамику цветового фона от начала к концу произведения, соответственно, текстовые отрезки, в которых отмечено наличие приема семантизации, выявляются уже в процессе автоматизированного анализа» [Прокофьева 2007].

Сравнивая русскоязычные автоматизированные системы фоносемантического анализа с англоязычными, представляется возможным сделать вывод о том, что в целом англоязычные онлайн-

³ Проект ВААЛ. URL: <http://www.vaal.ru/> (дата обращения: 09.01.2025).

⁴ Звукоцвет.py. URL: <http://zvukocvet.ru/> (дата обращения: 09.01.2025).

сервисы в основном направлены на sentiment-анализ – выявление общего настроения текстов, их тональности. Известны такие программы, как “ParallelDots”⁵, “SenticNet”⁶, “Text2Data”⁷, “LIWC-22”⁸ и “MonkeyLearn”⁹ и др.

“ParallelDots” – это прикладной программный интерфейс, выявляющий позитивную, негативную и нейтральную тональность в анализируемых текстах в процентном соотношении. Система работает с текстами на четырнадцать языках, среди которых английский и русский. При создании данной системы использовалась рекуррентная нейронная сеть, прошедшая машинное обучение с использованием более миллиарда тренировочных текстовых документов. Программный интерфейс принимает на входе текстовые данные и ключ пользователя, возвращая файл .json с оценкой тональности текста от 0 до 100%.

Американская программа “SenticNet”, позволяющая проводить анализ настроений на концептуальном уровне, выполняет такие задачи, как определение полярности и распознавание эмоций, путем использования денотативной и коннотативно-ассоциативной информации, содержащейся в тексте.

В качестве базы знаний “SenticNet” предоставляет набор семантики, смысловых характеристик и полярности, соотносящийся с понятиями естественного языка. В частности семантика определяет денотативную информацию, связанную со словами и многословными выражениями (т. е. семантически связанные понятия), смысловые характеристики определяют коннотативную информацию, связанную с понятиями естественного языка (т. е. значения категоризации эмоций, выраженные в терминах четырех аффективных измерений), а полярность – это плавающее число между -1 и $+1$ (где -1 является оценкой крайне негативной, а $+1$ – крайне позитивной). База знаний доступна для свободного скачивания на нескольких языках в виде автономного хранилища XML и API.

Англоязычная система “LIWC-22” (Linguistic Inquiry and Word Count) также проводит sentiment-анализ текстов. С помощью дан-

⁵ Emotion Analysis | Komprehend AI APIs. URL: <https://komprehend.io/emotion-analysis> (дата обращения: 02.05.2022).

⁶ SenticNet. URL: <https://sentic.net/> (дата обращения: 02.03.2024).

⁷ Text2Data / Social Media Monitoring Tool. URL: <https://text2data.com/Demo> (дата обращения: 09.01.2025).

⁸ Welcome to LIWC-22. URL: <https://www.liwc.app/> (дата обращения: 02.03.2024).

⁹ MonkeyLearn. URL: <https://monkeylearn.com/sentiment-analysis-online/> (дата обращения: 17.02.2024).

ной программы можно сделать следующее: сравнить слова текста с набором словарных слов, а также рассчитать процентное соотношение общего количества слов текста, соответствующих каждой категории словаря.

Таким образом, возникновение отечественных и зарубежных автоматизированных систем фоносемантического анализа значительно упрощает процесс изучения звуковой изобразительности в текстах. Многосторонний системный подход, обеспечиваемый данными программами, выводит метод фоносемантического анализа на совершенно новый уровень.

Для анализа изучаемых речевых актов были применены зарубежные онлайн-сервисы сентимент-анализа “Text2Data”, “LIWC-22”, “MonkeyLearn”, “SenticNet”, “ParallelDots”, показавшие приблизительно одинаковые результаты (была зафиксирована полная корреляция автоматизированных систем в определении тональности с возможными отклонениями в количественных показателях). Для достоверности выводов были применены зарубежные автоматизированные системы, способные проводить тональный анализ, работающие исключительно с категорией оценочности, но не позволяющие осуществлять продвинутой автоматизированный фоносемантический анализ (как отечественная разработка «ВААЛ») и автоматизированный звук-цветовой анализ (как отечественная программа «Звукоцвет»).

При работе с текстами в “Text2Data”, например, важно учитывать, что программа членит текст на предложения и внутри каждого сегмента проводит анализ.

После загрузки текста в поле ввода программа оценивает его общее настроение на основе выбранных ключевых слов и их сочетаний, основные темы, а также автоматически подбирает категории, предположительно связанные с темой текста. Хотя возможности программы по анализу текстов на английском языке довольно ограничены и значительно менее развиты, чем отечественные программы фоносемантического и звуко-цветового анализов, изучение эмоционально окрашенной лексики позволяет составить более полное представление о смысле того или иного произведения. Результат автоматизированного сентимент-анализа оскорблителя, взятого из Британского национального корпуса¹⁰, представлен ниже (рис. 1).

¹⁰ British National Corpus. URL: [//www.english-corpora.org/bnc/](http://www.english-corpora.org/bnc/) (дата обращения: 09.01.2025).

It was, and is, in community-based **education programmes** that the problems of resources, space, control, content and method, mentioned by Johnson as the key issues in radical education, have been debated and explored. It is here that efforts have been made to open up resources to working-class communities and/or to provide access into educational institutions. Many of the lessons of this experience have been utilised by those involved in work with women, the unemployed and other oppressed minorities. Yet community education in working-class communities has not grown to offer a radical alternative to traditional adult **education provision**. What **went wrong**? Some have suggested that the response was too wide and varied, like a catherine wheel – plenty of sparks and action but little sense of direction and inclined to chase its own tail. This backhanded compliment is, in fact, a tribute to the imagination and commitment of **community educators**. It also underlines one of the main reasons why community education did not become a radical movement for social change.

went wrong education
provision education
programmes backhanded
compliment community
educators

This document is: **positive (+0.47)** ● Magnitude: 5.45

Subjectivity: subjective

Score Range **negative** **neutral** **positive**
-1 -0.5 0 +0.25 +1

Рис. 1. Сентимент-анализ, выполненный зарубежной автоматизированной системой “Text2Data”

Отечественная система автоматизированного фоносемантического анализа «ВААЛ», в свою очередь, охарактеризовала пример с оскорблением в диктуме как хороший, красивый, простой, величественный и сильный.

Интересно, что лесть тесно корректирует с оскорблением, фреймы которых, в свою очередь, тесно взаимодействуют с фреймом *Манипуляция* [Заботкина, Куракина 2024, с. 30–41]. Люди всегда стремятся проглотить пустые калории в виде лести. При изучении изображений мозга сектора вознаграждения в мозге загораются, как рождественские елки, от лести. «Информация о том, что мы кому-то нравимся, может оказаться чрезвычайно эффективным средством, вызывающим благорасположение и желание уступать. Люди, которым от нас что-то надо, льстят нам или заявляют о своей симпатии и обычно получают, чего хотят»¹¹.

Мы верим комплиментам разного рода и любим тех, кто их нам дарит. Согласно Джо Джирард, мы невероятно падки на лесть¹². Мы склонны автоматически реагировать на комплименты, поэтому можем оказаться жертвами любого, кто использует ее, чтобы добиться нашего расположения¹³.

Кроме того, большая симпатия к собеседнику ведет к большому социальному влиянию¹⁴. «Время занимать оборонительную позицию наступает, когда мы начинаем чувствовать, что кто-либо нра-

¹¹ Чалдини Р. Психология влияния. М.: Эксмо, 2024. С. 113.

¹² Там же. С. 114.

¹³ Там же. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 120.

вится нам больше, чем возможно при данных обстоятельствах»¹⁵. Поэтому важно настороженно относиться к чувству чрезмерной симпатии¹⁶. «Эффективный способ уменьшить нежелательное влияние симпатии на наше решение – осознать ее чрезмерность»¹⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что современные нейросети научились работать с комплиментами различного характера, включая комплимент-лесть и сопряженный с ней оскорблитель. Для анализа лести, например, была выбрана система «Шедевр»¹⁸ – отечественная нейросеть для генерации изображений по текстовым запросам, созданная в Яндекс на базе YandexGPT. Нейросеть «Шедевр» обучена на 330 миллионах специально отобранных картинок с текстовыми описаниями. В результате анализа лести, например, было сгенерировано изображение дрозда-пересмешника (рис. 2). На первый взгляд, такой результат может показаться несуразным, если не знать некоторых фактов о данных птицах.

Рис. 2. Визуализация,
представленная отечественной нейросетью «Шедевр»

Известно, что дрозд-пересмешник является птичкой невзрачной, но талантами обладает необыкновенными. За 10 минут дрозд способен воспроизвести трели 32 различных птиц. При этом он

¹⁵ Там же. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Shdevrum. URL: <https://shdevrum.ai/> (дата обращения: 09.01.2025).

так искусно добавляет свои мелодии и нюансы к чужим мотивам, что создается впечатление, будто поет целый хор. Дрозды прекрасно адаптируются к окружающей среде: в лесу они подражают пению других птиц, а рядом с фермами имитируют звуки коров, кур, собак, петухов и овец. В неволе эти птицы также хорошо приспосабливаются, расширяя свой репертуар: к природным звукам добавляются человеческие голоса, звонок будильника и тиканье часов. Зная данную информацию, можно сделать вывод, что система успешно построила ассоциативную связь, подобрав уместный образ для лести.

Таким образом, можно установить, что изучаемые нейросети довольно неплохо справляются со своими задачами, производя автоматизированный сентимент-анализ, автоматизированный фоносемантический анализ, автоматизированный звуко-цветовой анализ. Однако заслуживает особого внимания то, что отечественные программы фоносемантического и звуко-цветового анализов более развиты, осуществляя анализ на глубинном уровне, в отличие от зарубежных, которые способны лишь работать с категорией оценочности, проводя исключительно анализ тональности текста на поверхностном уровне.

Благодарности

Публикация статьи осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-18-00594.

Acknowledgements

Publication of the article is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00594.

Литература

- Заботкина, Куракина 2024 – *Заботкина В.И., Куракина Н.А.* Клишированные комплименты в манипулятивном пространстве дискурса: когнитивно-прагматический аспект / В.И. Заботкина, Н.А. Куракина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 30–41.
- Павловская 2004 – *Павловская И.Ю.* Фоносемантический анализ речи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2004.

- Прокофьева 2007 – Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. 279 с.
- Рогожина 2014 – Рогожина Г.С. Фоносемантические идеи в отечественном языкознании // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. Т. 7. № 1. С. 213–220.
- Рогожникова 2013 – Рогожникова Т.М. Компьютерные технологии в языковой коммуникации: автоматизированный анализ слова и текста // Вестник УГАТУ, 2013. Т. 17. № 2 (55). С. 194–202.
- Osgood, Suci, Tannenbaum 1957 – Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The Measurement of meaning. Champaign: University of Illinois Press, 1957. 342 p.

References

- Zabotkina, V.I. and Kurakina, N.A. (2024), “Clichéd compliments in manipulative discourse. cognitive-pragmatic aspect”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 30–41.
- Pavlovskaya, I.Yu. (2004), *Fonosemanticheskii analiz rechi* [Phonosemantic analysis of speech], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.
- Prokof'eva, L.P. (2007), *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost': universal'noe, natsional'noe, individual'noe* [Sound-color associativity: universal, national, individual], Izdatel'stvo Saratovskogo meditsinskogo universiteta, Saratov, Russia.
- Rogozhina, G.S. (2014), “Phonosemantic ideas in Russian linguistics”, *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, vol. 7, no. 1, pp. 213–220.
- Rogozhnikova, T.M. (2013), “Computer-based technologies in language communication: automated analysis of words and texts”, *Vestnik UGATU*, vol. 17, no. 2 (55), pp. 194–202.
- Osgood, C.E., Suci G.J. and Tannenbaum, P.H. (1957), *Measurement of meaning*, University of Illinois Press, Champaign, USA.

Информация об авторе

Наталья А. Куракина, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия; 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; NaPetrusevich1@kantiana.ru

Information about the author

Natalia A. Kurakina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; 14, A. Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236041;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; NaPetrusevich1@kantiana.ru

УДК 801:004

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-111-128

Автоматический анализ метаманипуляции в новостных текстах

Светлана И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com*

Аннотация. В статье на материале новостей 17 русскоязычных Telegram-каналов СМИ анализируется понятие метаманипуляции – манипуляции, при которой автор текста прямо сообщает своей аудитории: «Вами манипулируют!» или «Теми, кому вы сочувствуете / кто вам интересен, манипулируют!» На основе динамичной интегративной когнитивной мега-модели манипуляции в медиадискурсе строится когнитивная модель метаманипуляции, последовательно описываются ее фреймы и способы их языковой манифестации. Показано, что уровень шума при автоматическом выявлении метаманипуляции с помощью сценариев «внушать», «вселять» и «манипулировать» довольно велик ($\approx 70\%$), поэтому для отбора подходящих примеров требуется принимать во внимание дополнительные признаки, такие как жанровые особенности текста, присутствие в тексте эмоциональной или стилистически маркированной лексики, наличие языковых единиц, синонимичных глаголу *манипулировать*, и др.

Ключевые слова: манипуляция, метаманипуляция, Telegram-каналы СМИ, фрейм, автоматическая обработка текста

Для цитирования: Переверзева С.И. Автоматический анализ метаманипуляции в новостных текстах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 111–128. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-111-128

Automatic analysis of metamanipulation in the news

Svetlana I. Pereverzeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, P_Sveta@hotmail.com*

Abstract. The article analyzes the concept of metamanipulation – a manipulative technique used by the author of a news text, when he informs the

© Переверзева С.И., 2026

audience directly: “You are being manipulated!” or “Those who you sympathize with/ who you are interested in are being manipulated!”. To conduct this research, we have studied news from 17 Russian-language Telegram media channels. Based on a dynamic, integrative cognitive mega-model of manipulation in media discourse, we propose a cognitive model of metamanipulation and describe its frames and the methods of their linguistic manifestation. We show that the noise level in automatic metamanipulation detection is rather high ($\approx 70\%$). Therefore, selecting the samples requires adding new search parameters, such as the genre of the text, the presence of emotional or stylistically marked vocabulary, the presence of linguistic units synonymous with the verb *to manipulate*, etc.

Keywords: manipulation, metamanipulation, Telegram media channels, frame, automatic text processing

For citation: Pereverzeva, S.I. (2026), “Automatic analysis of metamanipulation in the news”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 111–128, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-111-128

Настоящая работа продолжает серию когнитивных исследований в рамках проекта, посвященного идентификации манипуляций и противодействию им в медийном пространстве. В предыдущих статьях участников проекта анализировались такие инструменты, используемые англо- и русскоязычными СМИ с целью манипуляции, как ложь или подмена фактов, называемая «другой правдой» (*alternative truth, counter-truth*, см. [Заботкина, Боярская 2023]), эвфемизация ([Заботкина, Позднякова 2022; Черкасова 2025]), использование прецедентных метафор [Заботкина, Коннова 2022; Блинова 2023], инфлуктивов – комплиментов и «оскорблителей» [Заботкина, Куракина 2023], нарушения логики аргументации [Блинова 2023] и др. Мы ставим своей целью дополнить этот список приемом, который, насколько нам известно, на материале текстов русскоязычных СМИ до сих пор не рассматривался. Суть этого приема в следующем: говорящий (манипулятор) сообщает слушающему (манипулируемому), что им (слушающим) манипулирует некий третий участник. Поскольку в данном случае манипуляция предполагает сообщение о факте манипуляции, мы предлагаем называть такой прием метаманипуляцией.

Термин «метаманипуляция» в научных текстах практически не используется – исключение составляет разве что литературовед-

ческая статья [Стейнер 2019]¹. Тем не менее в некоторых научных работах подробно исследуется обозначаемое им понятие. Таковы, например, работы [Паршин 2003] и [Котов 2021, с. 135–137]. В статье [Паршин 2003] описывается и комментируется структура ситуации прототипической манипуляции, в которой имеется внешний наблюдатель – он и сообщает о манипуляции. В книге [Котов 2021] приводится список семантических признаков, делающих высказывание о манипуляции эмоциональным², и рассматриваются распространенные типы диалогов, в которых обсуждается манипуляция.

Сама идея манипулирования посредством сообщения о манипуляции может показаться парадоксальной. Ведь если адресат знает, что некто им манипулирует, он может повысить бдительность. Осознать нечестные приемы противника и заявить о них – одна из рекомендаций, которую нередко дают пособия по правильному ведению спора. «Умение вскрыть приемы неявного управления пониманием есть важнейшее условие квалифицированного ведения полемики. Обычно достаточно указать оппоненту на то, что он использует приемы управления пониманием, чтобы свести на нет действие этих приемов» [Сергеев 1987, с. 9]; о подобной защитной тактике в споре см. также [Фишер, Юри 1987, с. 193–206]. Разница, однако, в том, что в случае метаманипуляции идея о нечестных уловках не принадлежит адресату, а внушается ему извне. Оставаясь интеллектуально пассивным, адресат оказывается уязвим для речевого воздействия, которое может привести к возникновению у него страха, негодования, жалости и прочих эмоций, препятствующих критическому мышлению (о доминантном, или эмоциональном, сценарии «манипуляция» см. в книге [Котов 2021, с. 135–137]); риск стать жертвой манипуляции при этом довольно велик.

Когнитивная модель метаманипуляции строится на основе динамичной интегративной когнитивной мега-модели манипуляции в медиа-дискурсе, разработанной В.И. Заботкиной и ее соавторами (см. [Заботкина, Позднякова 2024; Заботкина, Позднякова 2025b] и др.). Согласно этой мега-модели, в манипулятивных речевых актах участвуют АГЕНС (манипулятор), КОНТРАГЕНС (тот, кто

¹ Протицируем соответствующий фрагмент: «Модернисты, утверждал Шкловский, должны называть короля голым и открывать своим читателям, в чем действительно состоит искусство: в искусном искажении материала для оказания желаемого перцепционного воздействия. <...> Таким образом стирается различие между материалом и приемом или, точнее, сами приемы становятся материалом художественной метаманипуляции» [Стейнер 2019, с. 8].

² А.А. Котов называет такие семантические признаки критическими.

противодействует манипуляции) и ЭКСПЕРИЕНЦЕР (адресат, т. е. манипулируемый). Первые двое порождают тексты (ДИКТУМ А и ДИКТУМ К соответственно), преследуя разные цели: «АГЕНС в ДИКТУМЕ постоянно осуществляет КОНТРОЛЬ над такой подачей сообщения, в которой сокрытие фактов (фрейм ЛОЖЬ) в необходимой степени должно служить реализации манипулирования. <...>. КОНТРАГЕНСУ важно сформировать ДИКТУМ критического характера...» [Заботкина, Позднякова 2024, с. 131].

В ситуации метаманипуляции исходная мега-модель подвергается двум модификациям. Во-первых, КОНТРАГЕНС, сообщая ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ о манипуляции, сам оказывается АГЕНСОМ второго порядка – он тоже манипулятор, преследующий собственную выгоду и не заинтересованный в объективности суждений ЭКСПЕРИЕНЦЕРА; тем самым, в нашей когнитивной модели, в отличие от исходной, ЦЕЛЬ АГЕНСА и КОНТРАГЕНСА одинакова – манипулирование адресатом, контроль над подачей информации и формирование доверия. В этом отношении мы солидарны с П.Б. Паршиным: по его словам, причина, по которой говорящий Z (т. е. КОНТРАГЕНС) сообщает о манипуляции, состоит в том, что эффективность манипуляции не соответствует интересам Z, что, однако, «подается им как несоответствие интересам объекта манипуляции <...> – в этом, собственно говоря, и заключается манипулятивный потенциал понятия манипуляции» [Паршин 2003, с. 510]. Во-вторых, ДИКТУМ, формируемый АГЕНСОМ второго порядка, имеет сложную структуру: он включает в себя те же фреймы, что и исходная модель, поскольку содержанием манипулятивного высказывания является какая-то иная манипуляция; таким образом, модель метаманипуляции рекурсивна.

Материалом для настоящей работы послужили новости 17 русскоязычных Telegram-каналов СМИ³, тексты которых регулярно сохраняются и автоматически обрабатываются семантическим парсером в специально созданной базе данных. Каждой клаузе в новостных текстах парсер ставит в соответствие наиболее близкий фрейм, или сценарий. Исследовательскую выборку составили 88 высказываний, соответствующих фреймам «внушать», «все-лять» и «манипулировать», – именно такие сообщения с высокой вероятностью могли содержать приемы метаманипуляции. При работе с этой выборкой мы ставили следующие задачи:

³ 12 каналов имеют статус федеральных, 5 каналов заблокированы на территории РФ. Полный список каналов см., например, в работе [Переверзева и др. 2023, с. 157].

- 1) оценить количество шума, т. е. количество случаев, не являющихся манипуляцией, и тем самым сделать вывод об эффективности автоматического выявления метаманипуляции в базе данных с использованием сценариев;
- 2) основываясь на полученных языковых данных, уточнить и описать понятийные компоненты, составляющие фрейм метаманипуляции;
- 3) исследовать типовые лексико-грамматические способы обозначения этих понятийных компонентов и по возможности выявить языковые маркеры для автоматического определения метаманипуляции в тексте, содержащем лексему *манипулировать*.

Поставленные задачи определяют структуру статьи. Первая часть посвящена количественной оценке шума и проблеме автоматического поиска текстов, содержащих метаманипуляцию. Во второй части описываются понятийные компоненты когнитивной модели метаманипуляции и способы их поверхностно-языкового выражения.

1. Количественная оценка шума при автоматическом выявлении метаманипуляции

Из 88 высказываний, автоматически отобранных парсером для фреймов «внушать», «вселять», и «манипулировать», лишь менее трети (26 примеров) оказались релевантны. Нам пришлось вручную отсеять примеры, в которых:

- а) предикат управляет семантически сторонним актантом (ср. *наводить ракеты*);
- б) предикат описывает изменение не ментального, а эмоционального состояния объекта воздействия (*вселять надежду*, *внушать страх* и т. п., ср.:

(1) Безрадостными оказались итоги недавней волны призыва в Вооруженные силы Латвии – некоторые латвийские юноши просто на него не явились. <...> Подобные призывы *вселяют* в латвийцев *чувство тревоги* (ВЗГ)⁴,

– тогда как манипуляция подразумевает, что «угодная X-у модификация поведения Y-а опосредуется изменениями в его убеждениях/представлениях» [Паршин 2003, с. 510].

⁴ Список сокращенных названий Telegram-каналов см. в конце статьи.

в) объект манипуляции выражен неодушевленным существительным, ср.:

(2) <Т>е., кто *манипулирует долларовой дубиной*, поймут, что дальше так быть не может (LIFE);

(3) Он назвал это очередной попыткой «*манипулировать выборами*» (ГАМ);

(4) Команда Камалы Харрис *манипулирует заголовками статей* с целью создать иллюзию поддержки ее предвыборной кампании, пишет Fox News (RT).

Конечно, такая разновидность воздействия, по сути, тоже близка к манипуляции в интересующем нас смысле, но, во-первых, это воздействие вовсе не обязательно речевое, во-вторых, оно не обязательно приводит к возникновению когнитивных искажений, что является важным условием манипуляции [Заботкина, Позднякова 2025a]. При этом примеры, в которых неодушевленное существительное обозначает группу людей (*манипулировать толпой*) или какое-либо свойство человека или группы людей (т. е. нечто, связанное с сознанием, с картиной мира, ср. *манипулировать сознанием, ценностями, общественным мнением* и т. п.), могут подходить для иллюстрации метаманипуляции, ср.:

(5) Российская академия наук поддержала запрет на услуги тарологов. Ученые считают, что такие специалисты *манипулируют уязвимостью людей*, что может приводить к негативным последствиям (Лен);

(6) Как злоумышленники *манипулируют сознанием и действиями людей* и что поможет защититься, КР.RU рассказала кандидат психологических наук, юрист Елена Шпагина (КП);

(7) БРИКС – это большая и успешная с точки зрения взаимной выгоды организация. <...> Это режимы, которые пытаются *манипулировать ценностями*, для того чтобы достигать своих целей (РСв*).

Примеры типа (5)–(7) были отобраны вручную и включены в исследовательский корпус. Возможно ли автоматически разграничить примеры с неодушевленным существительным типа (2)–(4) и типа (5)–(7)? Мы считаем, что проблема может быть решена, если задать список релевантных объектов простым перечислением, но лишь частично: в новостных текстах иногда встречаются

* Организация Радио «Свобода» была внесена Минюстом РФ в реестр «иностранных агентов» и внесена в реестр «нежелательных организаций».

как нестандартные употребления глагола *манипулировать*, ср. (8), так и его употребления с местоимением, референт которого отсутствует внутри фразы и тем самым неочевиден вне более широкого контекста, ср. (9):

(8) *Манипулировать самоубийством*⁵ и преследовать женщину... Это страшно, это тяжело для любой женщины (МК);

(9) Членство в Евросоюзе – это не что иное, как пристрастие к Западу, к западному влиянию. Они будут *этим манипулировать* (ВЗГ).

Тем самым уровень шума для автоматического обнаружения приема метаманипуляции в тексте оказывается очень высок (62 примера из 88, т. е. $\approx 70\%$), и даже при введении лексических правил для найденных текстов будет требоваться ручная обработка.

2. Понятийные компоненты, составляющие фрейм метаманипуляции

Проанализировав оставшиеся 26 примеров, мы выявили языковые выражения следующих фреймов, составляющих мега-модель манипуляции в медиадискурсе: КОНТРАГЕНС, АГЕНС, ЭКСПЕРИЕНЦЕР, ЦЕЛЬ, ДИКТУМ АГЕНСА и ДИКТУМ КОНТРАГЕНСА⁶. Первые 4 фрейма (называя их «понятийными компонентами») выделяет также П.Б. Паршин [Паршин 2003, с. 510–511].

Далее мы последовательно рассмотрим каждый из этих фреймов.

2.1. Фреймы участников коммуникативного манипулятивного события

2.1.1. В роли КОНТРАГЕНСА (участника ситуации, сообщающего о манипуляции) выступает автор высказывания о манипуляции, то есть автор новостного текста. Наши наблюдения показывают, что, в отличие от вводных слов (не)уверенности [Переверзева и др. 2023; Переверзева, Котов 2025], экспрессивных модальных слов [Переверзева 2025] и некоторых позитивных

⁵ Здесь, по-видимому, *манипулировать* сближается по смыслу с *угрожать*.

⁶ В нашем случае ДИКТУМ КОНТРАГЕНСА – это описание действий АГЕНСА.

сценариев (например, сценария «спасти») [Котов, Переверзева 2024], приемом метаманипуляции разные СМИ (11 каналов из 17 рассматривавшихся) пользуются примерно в одинаковой степени, т. е. данный прием не характеризует какой-либо отдельный канал или какую-либо их четко выделяемую группу:

Источник	Редакци- онный текст	Авторский текст	Цитата	Пересы- лаемый текст	ИТОГО
ВЗГ	2	2	1		5
Лен	2		2		4
Ц	1		1	1	3
М24	1		2		3
РСв*			2	1	3
Мед**	2				2
360	2				2
Газ			1		1
ВВС			1		1
КП	1				1
ГАм	1				1

7 из 11 каналов прямо или косвенно цитируют некие другие источники, т. е. сообщают читателям о манипуляции не от своего лица. Таким образом автор сообщения не только снимает с себя ответственность за негативную оценку событий, выражаемую лексемой *манипулировать*, но и приписывает заинтересованность в исправлении неблагоприятной ситуации тому, чьи слова приводятся в цитате. На то, что такая заинтересованность имеет место, указывает П.Б. Паршин ([Паршин 2003, с. 510], см. цитату выше).

2.1.2. В роли АГЕНСА (манипулятора) в текстах СМИ чаще всего выступает не конкретное лицо или организация, а некий неопределенный, обобщенный субъект, выражаемый существительным в форме множественного числа, ср. примеры (5), (6) и (7), где АГЕНС – *тарологи*, *злоумышленники* и *режимы* соответственно, а также пример (10) ниже. Нередко субъект даже вовсе отсутствует в тексте – его заменяет неопределенно-личная или пассивная конструкция, ср. (11) и (12):

** Министерство юстиции Российской Федерации внесло «Медузу» в список иностранных агентов.

(10) <Г>*осударства* научились манипулировать переживаниями своих граждан из-за коллективной несправедливости (Мед**);

(11) Когда ребенку внушают то, что он – не человек, а животное, то дальше им можно руководить (М24);

(12) Россиянам последовательно внушают, что они коллективисты. Причем коллективизм подается как «традиционная ценность», изначально заложенная в жителях России (Мед**).

Объяснение, возможно, состоит в том, что автору новости важно не столько «найти виновного», сколько, с одной стороны, предотвратить обвинения в несправедливых инсинуациях, с другой – призвать читателей к бдительности, ср. об этом в статье [Паршин 2003, с. 511]: «<В> прагматическом плане высказывание о манипуляции содержит в себе не только, а порою и не столько осуждение манипулятора, но и, как минимум, неудовольствие поведением манипулируемого <...> Манипулятор X, в соответствии с этой логикой, преследует свои цели и действует вполне рационально (и даже, согласно одной из этических позиций, находится «в своем праве»); он – оппонент Z-а, и с ним все ясно; основное же неудовольствие у Z-а <...> вызывает то, что X-у сопутствует успех, и вина за это, в различных пропорциях, разделяется между X-ом (больно искусен) и Y-ом (невнимателен, беспечен, глуп, слаб, конформен и т. п.)».

Если же манипулятор имеет конкретное обозначение в тексте, цель автора новости, как правило, указать «своей» аудитории на «чужого», «врага». В этом отношении явный контраст демонстрируют федеральные и заблокированные источники, ср. пример (13) из текста федерального канала и пример (14) из текста заблокированного канала:

(13) Рассказываем, как ВСУ манипулирует доверчивыми пенсионерами, подростками и мигрантами, толкая их на теракты и загоняя в мил<л>ионные долги (Лен);

(14) <Р>*оссийская пропаганда* внушает детям и взрослым, как хороша жизнь в КНДР (РСв*).

Иногда парадоксальным образом в роли манипулятора выступают «свои», но в таком случае манипулируемым оказывается «враг», а умение им манипулировать подается как повод для гордости:

(15) Госдеп США искал-искал и нашел причину недостаточной поддержки Украины в мире. Виноват телеканал RT, считает Энтони Блинкен. <...> *Российские журналисты* не только *расшатывают* под-

держку Украины в странах мира, но и собирали информацию и средства для ВС РФ <...> «Не зря прожила жизнь», – прокомментировала главред RT Маргарита Симоньян (RT).

Поскольку метаманипулятивные сообщения рассчитаны не только (и не столько) на информирование, сколько на эмоциональную реакцию аудитории, в них обнаруживаются признаки, характерные для эмоциогенных сообщений. Так, в примере (16) упоминаются сила манипулятора, его искушенность и внушительное количество используемых им средств⁷:

(16) Украина стала *мировым лидером* в телефонном мошенничестве.

По данным The Economist, в Киеве и Днепропетровске работают *сотни колл-центров*, чья деятельность направлена против россиян. Среди сотрудников есть *опытные психологи*, которые манипулируют уязвимыми людьми, заставляя их совершать диверсии (Лен).

В некоторых случаях АГЕНС оказывается многоступенчатым – исходный АГЕНС манипулирует ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ через посредство некоего другого АГЕНСА. Этот другой АГЕНС обозначается конструкцией с предлогом *через*, ср. ниже примеры (17) и (18). В роли исходного АГЕНСА в (17) выступают *модные правозащитники*, а в (18) исходный АГЕНС прямо не выражен:

(17) Все это цвело в те же годы, когда модные правозащитники *через модные либеральные СМИ* постоянно нам внушали, будто частный бизнес застрессирован, а бизнесмены вместо того, чтобы приносить государству прибыль, сидят по тюрьмам (360);

(18) Большинству грузинского патриархального общества явно не нравится, когда им пытаются манипулировать *через паутину НКО* и подсаживают на регулярное западное финансирование значительную часть молодежи (ВЗГ).

2.1.3. ЭКСПЕРИЕНЦЕР – объект манипулятивного воздействия – обычно выражается существительным в форме Т. п. при глаголе *манипулировать* и существительным в Д. п. при глаголе *внушать*⁸. Часто он является собирательным, т. е. представляет

⁷ Соответствующие критические признаки д-сценария «Манипулирование» см.: [Котов 2021, с. 135–136].

⁸ Впрочем, один раз нам встретилось, по-видимому, ошибочное, управление *внушать у*: Мошенники стали маскироваться под официальные сервисные аккаунты. У таких профилей даже есть галочка, что *внушает доверие у граждан* (М24).

собой группу людей, к которой читатель с большой вероятностью относит себя:

(19) Сектанты кричат, что человек никому не нужен: ни родителям, ни обществу, ни государству, ни коллегам на работе. *Человеку* внушают, что только в организации ценят его и его уникальные особенности (360).

Такая группа может обозначаться очень широко – *человек, люди* (5) и (6), *россияне* (12) и (16), *мы* (17).

В роли ЭКСПЕРИЕНЦЕРА также может выступать группа, к которой читатель не принадлежит, но к которой предположительно испытывает сочувствие или по меньшей мере интерес:

(20) Витаутас и Габриэлюс Ландсбергисы внушали *литовцам*, что «необходимо готовиться к агрессии России», что «если Москва почувствует слабость, то непременно нападет» – что порождает в стране атмосферу крайней нервозности и неуверенности. (ВЗГ); см. также пример (18) выше.

Существительное в форме тв. п. также может обозначать некое свойство ЭКСПЕРИЕНЦЕРА, благодаря которому АГЕНС может им манипулировать, ср. *уязвимость, сознание и действия, ценности* в примерах (5)–(7) выше.

Отметим следующую тенденцию: *внушают* не только взрослым, но и детям, тогда как *манипулируют* обычно именно взрослыми:

(21) Во время открытого урока *детям внушают*, что они «имеют полное право ненавидеть их <русских родственников> и желать смерти» (Ц); см. также примеры (11) и (14) выше.

Возможно, данная тенденция свидетельствует о том, что в русской наивной картине мира манипулирование – более сложная когнитивная операция, в большей степени предназначенная для критически настроенного, готового оказать сопротивление адресата, чем внушение. Эмоциогенность высказываний вида *детям/ребенку внушают нечто нехорошее* обусловлена, в частности, представлением о ребенке как о беззащитном, доверчивом существе, легко подверженном дурному влиянию.

2.2. Фреймы коммуникативных процессов манипулирования

2.2.1. Сообщение о ЦЕЛИ АГЕНСА манипуляции не является распространенной стратегией – из 26 примеров только в одном (7) автор новости использует целевую конструкцию «манипулировать

для того, чтобы достигать своих целей» – примечательно, однако, что сама цель АГЕНСА при этом не называется.

Чаше автор новости сообщает не о цели манипуляции, а о ее последствиях – ср. выше: негативные последствия (5); дальше им <ребенком> можно руководить (11); теракты и миллионные долги (13); диверсии (16) и атмосфера крайней нервозности и неуверенности (20).

Реальная ЦЕЛЬ КОНТРАГЕНСА, что вполне естественно, не сообщается вовсе.

2.2.2. ДИКТУМ КОНТРАГЕНСА, или сообщение автора новости о чьей-либо манипуляции над аудиторией или группой людей, к которой аудитория испытывает интерес, может быть самого разного содержания. В нашем корпусе представлены такие жанры, как научно-популярная заметка предостерегающего характера; ср. пример (6) с расширенным контекстом – обозначим его «6ⁱ»; заметка скорее развлекательного характера (22); обзоры внешнеполитических событий, ср., например (23); сообщения о манипуляции в отношении конкретных людей, ср., например (24):

(6ⁱ) Только за прошедшую неделю в Росси<и> задержаны 44 человека, подозреваемых в поджогах и подрывах административных зданий, банкоматов, ТЦ и других зданий. Удивительнее всего, что подобное совершали добропорядочные граждане. Чаше всего пожилого возраста. Согласно данным МВД, эти люди стали жертвами психологического воздействия на них со стороны телефонных мошенников. Как злоумышленники манипулируют сознанием и действиями людей и что поможет защититься, КР.RU рассказала кандидат психологических наук, юрист Елена Шпагина (КП);

(22) Мужчины чаше оказываются жертвами газлайтинга. Это форма манипуляциями, когда человеку внушают, что он что-то плохо понимает или помнит. И раньше считалось, что с таким чаше сталкиваются женщины. Однако психологи провели научный опрос, и статистика показала, что большинство жертв газлайтинга со стороны партнера – мужчины (Лен);

(23) Санду победила потому, что изменила нарративы, с которыми обращалась к избирателю. Она отказалась от разделявшей общество геополитической риторики, при помощи которой политики манипулировали молдаванами, и прибегла к объединительным нарративам (РСв*);

(24) Она <Москвичка> говорила, что вылить жидкость ее заставили телефонные мошенники. «Мной манипулировали пять дней до этого», – рассказывала она (ВВС).

Нам представляется, что все эти тексты обладают меньшим манипулятивным потенциалом, чем такие тексты, автор которых прямо сообщает адресату, что тот является жертвой манипуляции, и использует при этом эмоциональные языковые средства. По признаку эмоциональности, например, противопоставлены два текста о телефонном мошенничестве – (16), содержащие эмоциональные показатели, и (6'), в котором таковые не обнаруживаются.

2.2.3. ДИКТУМ АГЕНСА, т. е. высказывание манипулятора, редко приводится автором новости дословно – пример (20), где цитируются слова литовских политиков, – скорее исключение, но почти всегда оценивается негативно. Кроме того, в контекстах глаголов *манипулировать* и *внушать* часто встречаются близкие им по смыслу глаголы и глагольные сочетания, нередко стилистически маркированные. Это, в частности, *раскачать ситуацию*, *расшатывать (поддержку)*, *оркестроваться*, *аранжироваться*, *переписывать/редактировать историю*, *красиво упаковать факты*, *подсаживать на что-л.*, *завуалировать что-л.* и т. п., ср. следующие примеры:

(25) Иногда историю не столько *переписывают*, сколько *редактируют*: годами *расставляют нужные акценты* и *корректируют общественное мнение*, добиваясь политически значимых результатов. <...>

Можно ли этому что-то противопоставить? Вполне. Как вариант – поработать с молодежными аудиториями в США, Британии, Франции и Германии <...>. Тем паче, манипулировать их сознанием не надо: правда, цифры и факты на нашей стороне. А вот *красиво упаковать* их и донести до свайпающего вверх – задача для маркетологов с успешным опытом работы в соответствующих странах (ВЗГ);

(26) «...Если система так называемой демократии американской производит такие результаты и такой ход предвыборной компании, каждый может сделать выводы самостоятельно для себя о том, как это все *оркеструется*, как это *аранжируется*».

Лавров и о французских выборах упомянул. Он предположил, что второй тур был задума[н] для того, чтобы манипулировать волеизъявлением избирателей (Ц).

Обилие предикатов, относящихся к семантическому полю манипуляции, на наш взгляд, служит одним из критериев для автоматического выявления высокого манипулятивного потенциала текста.

ДИКТУМ АГЕНСА может вводиться в текст новости сложными предложениями *при помощи*; см. (23) – манипулировали при помощи геополитической риторики, или *с помощью*⁹:

(27) Она <Камала Харрис> добавила, что Трампом манипулируют *с помощью лесты и любезности* (Газ).

Любопытно, что близкий по значению предлог *через* используется скорее для обозначения АГЕНСА-посредника (см. о нем выше), хотя и АГЕНС-посредник, и ДИКТУМ АГЕНСА выполняют в высказывании орудийную функцию.

Заключение

В работе было показано, что динамичная интегративная когнитивная мега-модель манипуляции в медиа-дискурсе должна быть модифицирована для описания метаманипуляции, поскольку в этом случае вся ситуация манипуляции освещается через призму ДИКТУМА КОНТРАГЕНСА, который, в свою очередь, сам может оказаться манипулятором, то есть АГЕНСОМ второго порядка. Было обнаружено, что фрейм ЦЕЛЬ редко имеет поверхностно-языковое выражение – чаще автор новости говорит о негативных последствиях, грозящих ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ. Возможно, это дает основания для добавления фрейма ПОСЛЕДСТВИЯ в модель метаманипуляции.

Для обнаружения метаманипуляции при помощи парсера одних только сценариев оказывается недостаточно: уровень шума составляет около 70%. Требуется ввести дополнительные правила, позволяющие определить, совпадает ли адресат текста с ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ и присутствует ли в тексте эмоционально окрашенная и/или стилистически маркированная лексика, т. е. пытается ли автор текста напугать свою аудиторию сообщением о том, что некая манипуляция представляет для нее угрозу.

⁹ Такой тип управления рассматривается в работе Е.В. Муравенко, ср. «Формы с помощью + р. п., при помощи + р. п. употребляются вместо более маркированного способа обозначения орудия, если этот маркированный способ совпадает с выражением другого участника ситуации, например: *править лодкой* (объект), *править веслом* (инструмент) > *править лодкой с помощью весла*» [Муравенко 1994, с. 176]. Объект при глаголе *манипулировать*, как и при глаголе *править*, маркируется формой Т. п., поэтому на долю орудия приходится предложная конструкция. Обращает на себя внимание и семантическая близость этих двух глаголов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00594.

Acknowledgments

This work is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594.

Сокращения (названия Telegram-каналов)

360	–	360tv
BBC	–	BBC News – русская служба
LIFE	–	LIFE.ru
RT	–	Russia Today
ВЗГ	–	ВЗГЛЯД.РУ
Газ	–	Газета.Ru
ГАм	–	Голос Америки
КП	–	Комсомольская правда
Лен	–	Лента дня
M24	–	Москва 24
Мед	–	Медуза – LIVE**
МК	–	Московский комсомолец
РСв	–	Радио «Свобода»*
Ц	–	Царьград ТВ

Литература

- Блинова 2023 – Блинова О.А. Когнитивно-дискурсивное пространство манипулятивного мультимодального текста (на материале политической карикатуры) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 413–417.
- Заботкина, Боярская 2023 – Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции истина – ложь // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 126–136.
- Заботкина, Коннова 2022 – Заботкина В.И., Коннова М.Н. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 367–382.
- Заботкина, Куракина 2023 – Заботкина В.И., Куракина Н.А. Инфлуктивные речевые акты vs манипуляция: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 37–42.

- Заботкина, Позднякова 2022 – *Заботкина В.И., Позднякова Е.М.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 55–64.
- Заботкина, Позднякова 2024 – *Заботкина В.И., Позднякова Е.М.* Когнитивно-коммуникативная динамика манипулирования в медиа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 124–134.
- Заботкина, Позднякова 2025а – *Заботкина В.И., Позднякова Е.М.* Манипулятор vs манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 44–56.
- Заботкина, Позднякова 2025б – *Заботкина В.И., Позднякова Е.М.* Манипулятивное воздействие на массовое сознание в историческом контексте: когнитивный аспект // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2025. Вып. 12 (158). Ч. 1. URL: <http://history.jes.su> (дата обращения: 14.01.2026).
- Котов 2021 – *Котов А.А.* Механизмы речевого воздействия. М.: РГГУ, 2021. 434 с.
- Котов, Переверзева 2024 – *Котов А.А., Переверзева С.И.* Автоматический анализ фреймов для оценки воздействия текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2024. Т. 23. № 3. С. 41–54.
- Муравенко 1994 – *Муравенко Е.В.* К описанию категории орудийности в русском языке: о соотношении форм с производными и первообразными предлогами // Знак: сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 173–180.
- Паршин 2003 – *Паршин П.Б.* От такого и слышу: о содержании и узусе понятия манипуляции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2003» (Протвино, 11–16 июня 2003 г.). М.: Наука, 2003. С. 508–512.
- Переверзева 2025 – *Переверзева С.И.* Экспрессивные модальные слова в Telegram-каналах СМИ и их манипулятивный потенциал // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 77–90.
- Переверзева и др. 2023 – *Переверзева С.И., Котов А.А., Жеребцова Я.А., Зинина А.А.* Вводные слова и выражения со значением (не)уверенности в Telegram-каналах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 153–185.
- Переверзева, Котов 2025 – *Переверзева С.И., Котов А.А.* Вводные слова неуверенности как инструмент манипулятивного воздействия в новостных текстах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 3. С. 118–128.
- Сергеев 1987 – *Сергеев В.М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия / под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 3–20.
- Стейнер 2019 – *Стейнер П.* ОПОЯЗ и Бахтин: взгляд с позиций теории принятия решений // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10. № 2. С. 6–25.

- Фишер, Юрий 1987 – *Фишер Р., Юрий У.* Путь к согласию (соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 173–206.
- Черкасова 2025 – *Черкасова Д.С.* Когнитивно-прагматические аспекты эвфемизмов как инструмента манипулятивного воздействия // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2025. № 3. С. 235–242.

References

- Blinova, O.A. (2023), “Cognitive-discursive space of a manipulative multimodal text (the case of political cartoon)”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 56, no. 5, pp. 413–417.
- Cherkasova, D.S. (2025), “Cognitive-pragmatic aspects of manipulative euphemisms”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 235–242.
- Fischer, R. and Ury, W. “Getting to YES. Negotiating agreement without giving in”, in Petrov, V.V., ed., *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and the modeling of social interaction], Progress, Moscow, USSR, pp. 173–206.
- Kotov, A.A. (2021), *Mekhanizmy rechevogo vozdeistviya* [Mechanisms of speech impact], RGGU, Moscow, Russia.
- Kotov, A.A. and Pereverzeva, S.I. (2024), “Automatic frame analysis for the evaluation of text influence”, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 41–54.
- Muravenko, E.V. (1994), “On the description of the category of instrumentality in the Russian language: the relationship of forms with derivative and primitive prepositions”, in *Znak: sbornik statei po lingvistike, semiotike i poehtike pamyati A.N. Zhurinskogo* [The sign: a collection of articles on linguistics, semiotics and poetics in memory of A.N. Zhurinsky], Russkii uchebnyi tsentr MS, Moscow, Russia, pp. 173–180.
- Parshin, P.B. (2003), “You are another: on the content and usage of the concept of manipulation”, in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2003» (Protvino, 11–16 iyunya 2003 g.)* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog-2003” (Protvino, June, 11–16, 2003)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 508–512.
- Pereverzeva, S.I. (2025), “Expressive modals in Telegram media channels and their manipulative potential”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 77–90.
- Pereverzeva, S.I., Kotov, A.A., Zherebtsova, Ya.A. and Zinina, A.A. (2023), “Parentheses expressing (un)certainty in the Telegram media channels: word frequency”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 153–185.

- Pereverzeva, S.I. and Kotov, A.A. (2025), "Parentheses of uncertainty as a tool of manipulation in the news", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 118–128.
- Sergeev, V.M. (1987), "Cognitive methods in social research", in Petrov, V.V., ed., *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and the modeling of social interaction], Progress, Moscow, USSR, pp. 3–20.
- Steiner, P. (2019), "OPOIAZ and Bakhtin: The decision science's perspective", *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 10, no. 2, pp. 6–25.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2023), "Conceptual structure of the binary axiological opposition *truth – lie*", *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 14, no. 1, pp. 126–136.
- Zabotkina, V.I. and Konnova, M.N. (2022), "Conventional metaphors as a manipulative tool in British and American media: axiological perspective", *The New Philological Bulletin*, vol. 62, no. 3, pp. 367–382.
- Zabotkina, V.I. and Kurakina, N.A. (2023), "Influitive speech acts vs manipulation: cognitive approach", *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 56, no. 5, pp. 37–42.
- Zabotkina, V.I. and Pozdnyakova, E.M. (2022), "Cognitive mechanisms of manipulative euphemizing", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 55–64.
- Zabotkina, V.I. and Pozdnyakova, E.M. (2024), "Cognitive-communicative dynamics of manipulation in media", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 124–134.
- Zabotkina, V.I. and Pozdnyakova, E.M. (2025), "Manipulator vs manipulated: cognitive processes distortions in media discourse", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 44–56.
- Zabotkina, V.I. and Pozdnyakova, E.M. (2025), "Manipulative impact on mass consciousness in historical context: cognitive aspect", *Istoriya*, vol. 158, iss. 12, part 1, available at: <https://history.jes.su/> (Accessed 14 Jan. 2026).

Информация об авторе

Светлана И. Переверзева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; P_Sveta@hotmail.com

Information about the author

Svetlana I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; P_Sveta@hotmail.com

Манипулятивный потенциал
новой эвфемистической лексики:
когнитивно-дискурсивный анализ

Дарья С. Черкасова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dariacherkasova220@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные аспекты эвфемии в современном английском языке. Проведен комплексный анализ доменной структуры эвфемистических номинаций, исследованы их основные сферы употребления (социальная, политическая, медицинская, деловая) и специфика функционирования в различных новых дискурсивных практиках. На основе детального анализа тематического спектра эвфемизации выявлены наиболее чувствительные темы и ситуации, требующие эвфемистического описания, а также закономерности в выборе стратегий эвфемизации. Особое внимание уделено манипулятивному потенциалу эвфемизмов, приводящему к когнитивным искажениям: рассмотрены типы сбоев концептуальных проекций и их влияние на восприятие информации в процессе коммуникации. Устанавливается взаимосвязь между концептуальными процессами и когнитивными моделями формирования эвфемизмов, предлагается система их взаимодействия и выявляются закономерности образования новых эвфемистических единиц.

Ключевые слова: эвфемизм, манипуляция, концептуализация, когнитивные модели, домен, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Черкасова Д.С. Манипулятивный потенциал новой эвфемистической лексики: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 129–139. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-129-139

Manipulative potential of new euphemisms: cognitive-discursive approach

Daria S. Cherkasova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dariacherkasova220@gmail.com*

Abstract. This article examines the cognitive and discursive aspects of euphemisation in modern English. It provides a comprehensive analysis of the domain structure of euphemistic nominations, exploring their main areas of use (social, political, medical, business) and their specific functioning across various new discursive practices. Based on a detailed analysis of the thematic spectrum of euphemisation, the study identifies the most sensitive topics and situations that require euphemistic description, as well as patterns in the choice of euphemisation strategies. Special attention is paid to the manipulative potential of euphemisms, which leads to cognitive distortions. The article examines the types of conceptual mapping failures and their impact on information perception during communication. The study also establishes a correlation between conceptual processes and the cognitive models of euphemism formation. A system of their interaction is proposed, and patterns in the formation of new euphemistic units are identified.

Keywords: euphemism, manipulation, conceptualization, cognitive models, domain, intercultural communication

For citation: Cherkasova, D.S. (2026), "Manipulative potential of new euphemisms: cognitive-discursive approach", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 129–139, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-129-139

Эвфемия, понимаемая как фундаментальное лингвокогнитивное явление, представляет собой не просто замену табуированной лексики, но сложный механизм адаптации языка к меняющимся социальным нормам, этическим императивам и прагматическим потребностям коммуникантов. В условиях современного информационного общества, характеризующегося высокой интенсивностью и полидискурсивностью общения, роль эвфемизмов существенно возрастает. Они становятся ключевым инструментом не только для сокрытия неприятных или социально табуированных аспектов, но и для конструирования желаемой реальности, воздействия на общественное мнение и манипулирования сознанием. Эвфемизмы как средство реализации политической корректности представляют собой «попытку введения новой языковой политики, которая

призвана определенным образом изменить лексическую систему языка путем ее нормирования и кодификации, и уже через язык повлиять на сознание его носителей» [Миньяр-Белоручева, Покровская 2007]. Это обуславливает актуальность исследования эвфемии в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 2004].

Центральной проблемой, на решение которой направлено данное исследование, является необходимость комплексного описания механизмов образования и функционирования эвфемизмов в единстве их когнитивных оснований и дискурсивной реализации. Несмотря на значительное количество работ, посвященных эвфемии [Москвин 2001; Allan, BurrIDGE 2006; BurrIDGE 1996; BurrIDGE 2012; Warren 1992]¹, недостаточно изученными остаются взаимосвязь между концептуализацией табуированных тем и конкретными когнитивными моделями, лежащими в основе создания эвфемистических номинаций, а также системное описание их манипулятивного потенциала, приводящего к когнитивным искажениям в процессе коммуникации.

Цель статьи – выявить когнитивно-дискурсивные особенности эвфемии через призму анализа ее доменной организации, тематического спектра и манипулятивного потенциала.

Материалом исследования являются новые эвфемизмы современного английского языка. Основными источниками материала служат списки новых слов, публикуемые на сайтах таких издательств, как “Oxford” и “Cambridge”. Общий подсчет собранной базы данных составил 250 единиц.

Основу данного исследования составляет комплексный анализ доменной структуры эвфемистических номинаций в современном английском языке. Наиболее продуктивными для создания эвфемизмов являются следующие новые области знания. Возникновение домена «Киберпреступность и Мошенничество» обусловлено необходимостью сокрытия противоправной деятельности в условиях цифрового слежения и ее маскировки под технические или нейтральные термины, например: *SIM farm* – техническое устройство, позволяющее использовать множество SIM-карт одновременно для массовой рассылки мошеннических SMS-сообщений и совершения автоматических звонков; *scam farm* – организованная преступная сеть, в которую часто вовлечены люди против их воли

¹ См. также: Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л.: Ленинградский государственный педагогический ин-т им. А.И. Герцена, 1988. 79 с.; Ayto J. Wobbly bits and other euphemisms: Over 3000 ways to avoid speaking your mind. L.: A&C Black's Word Origins, 2007. 352 p.

для участия в мошеннических схемах по обману граждан; *whaling attack* – целенаправленная фишинговая атака на высокопоставленного сотрудника компании (например, генерального директора или финансового директора), при которой мошенник, выдавая себя за доверенное лицо, пытается получить конфиденциальную информацию или доступ к системам; *killware* – вид вредоносного программного обеспечения, предназначенный для кибератак на компьютерные системы с целью причинения реального физического вреда людям (например, взлом медицинского оборудования или систем контроля инфраструктуры).

Не менее многочисленным по количеству относящихся к нему эвфемизмов является домен «Корпоративный PR». Эвфемизмы данной области знания в основном образованы по модели «сущ./прил. + -washing» и описывают тактики, с помощью которых компании или отдельные публичные фигуры пытаются представить себя в лучшем свете, скрывая негативные аспекты своей деятельности и смягчая противоречия между декларируемыми ценностями и реальными действиями, например: *sportswashing* – использование спорта или крупных спортивных мероприятий для улучшения публичного имиджа страны или компании и отвлечения внимания от негативных аспектов своей деятельности; *healthwashing* – маркетинговая практика, при которой производители вводят потребителей в заблуждение, позиционируя продукты питания или лекарства как более полезные для здоровья и экологии, чем они есть на самом деле; *farmwashing* – маркетинговая практика, при которой компания создает у потребителей ложное впечатление, что ее продукты производятся на небольших локальных фермах, хотя на самом деле это не соответствует действительности; *funwashing/screenwashing* – практика, при которой публичная личность появляется в популярном телешоу или развлекательной программе с целью улучшить свою репутацию в глазах широкой публики.

Домен «Изменение климата и Экология» отражает одну из наиболее серьезных проблем современности, в связи с чем является чрезвычайно продуктивным с точки зрения образования новых эвфемизмов: *autobesity* (automobile + obesity) – тенденция к увеличению размеров и массы автомобилей по сравнению с предыдущими поколениями транспортных средств, оказывающему негативное влияние на окружающую среду; *climate doomism* – мировоззренческая позиция, основанная на убеждении, что изменение климата стало необратимым процессом, и любые попытки противодействовать ему бесполезны; *global boiling* – резкое и ускоренное повышение глобальной температуры в результате парникового

эффекта, вызванного скоплением углекислого газа и других газов в атмосфере Земли.

Область знания «*Технологии и Искусственный интеллект*» также является обширной с точки зрения создания новых эвфемистических номинаций: *Algiorism* – использование инструментов искусственного интеллекта для написания учебных работ (эссе, рефератов) или ответов на экзаменационные вопросы с последующей их подачей как собственных; *meta-face* – тенденции к созданию с помощью искусственного интеллекта фотоизображений, где все люди приобретают одинаково безупречные и неестественно идеализированные черты лица; *malware* – программное обеспечение, специально созданное для нарушения нормальной работы компьютера, кражи данных или нанесения другого ущерба.

Таким образом, современные социотехнические реалии (развитие технологий, создание новых мошеннических схем, появление новых практик репутационного менеджмента, изменение климата) породили принципиально новые концептуальные домены, выступающие продуктивными источниками эвфемизации в английском языке. Однако процесс эвфемизации не ограничивается новыми областями знания. Сферы человеческой деятельности, которые традиционно принято считать табуированными [Порохницкая 2014], продолжают активно пополняться новыми эвфемизмами, отражая эволюцию социальных норм и этических стандартов. В число таких доменов входят:

1. Домен «*Экономика и Бизнес*» (например, *ripflation* – ситуация, при которой компании используют инфляцию как предлог для неоправданно высокого повышения цен, фактически обманывая потребителей; *skimpflation* – ситуация, когда цена на продукт или услугу остается прежней, но их качество ухудшается <например, за счет уменьшения объема упаковки или использования более дешевых ингредиентов>; *quiet hiring* – кадровая практика, при которой компания назначает на новую должность или поручает новые обязанности уже работающему сотруднику, часто без официального повышения или существенного увеличения оплаты труда; *productivity theatre* – поведение сотрудника на рабочем месте, направленное на создание видимости активной деятельности, когда реальная продуктивность при этом остается низкой).

2. Домен «*Социальные отношения и Демография*», т. е. описание новых явлений в межличностном общении, демографии и социальном взаимодействии (например, *protected group* – слои населения, подвергающиеся со стороны общества дискриминации по определенным признакам <раса, пол, инвалидность и т. д.>, и которым при этом предоставляется защита государства; *situation-*

ship – неопределенные романтические отношения, в которых партнеры не имеют четкого статуса, занимая промежуточное положение между дружбой и полноценными отношениями с обязательствами; *queenager* – женщина зрелого возраста, ведущая активный образ жизни, следящая за модой и умеющая получать удовольствие от жизни; *siltfluencer* – пользователь социальных сетей среднего или пожилого возраста, который профессионально занимается продвижением товаров <одежды, косметики и др.> и получает оплату от компаний за рекомендации).

3. Домен «Здоровье и Медицина» (например, *flurona* – состояние одновременного заражения вирусами гриппа и COVID-19); *pandemic brain* – когнитивные нарушения <проблемы с памятью, концентрацией и ясностью мышления>, которые люди испытывают как последствие пандемии COVID-19, даже не будучи инфицированными; *food noise* – навязчивые мысли о еде, которые возникают у человека в период соблюдения диеты или при попытках снизить вес).

4. Домен «Запрещенные вещества и Алкоголь» (например, *juiced / turnt / sauced / annihilated / blocked* – находящийся в сильном алкогольном опьянении; *china white / tweak / nose beer* – разного рода наркотические вещества; *blinder* – запой).

5. Домен «Война, Политика и Шпионаж» (например, *black site* – секретный объект, используемый военными или разведывательными службами для содержания и допросов подозреваемых в терроризме; *dog-whistling* – политическая и риторическая техника использования высказываний с двойным смыслом, где скрытое значение понятно только определенной группе и часто содержит социально неприемлемый или экстремистский подтекст; *fog of war* – состояние неопределенности и хаоса во время военных действий).

6. Домен «Гендер, Сексуальность и Отношения» (например, *shelaborating* – поведение, при котором женщина излишне детализирует объяснение, делая его чрезмерно сложным и запутанным вместо прояснения сути; *maninterrupting* – поведение, при котором мужчина регулярно перебивает женщину во время разговора, часто из-за подсознательного убеждения в приоритете своего мнения; *fling* – кратковременные романтические или сексуальные отношения спонтанного и необязывающего характера без планов на совместное будущее; *bed-warmer* – любовник, сексуальный партнер).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что перечисленные традиционные домены остаются неиссякаемыми источниками эвфемизмов. Их продуктивность объясняется изменением отношения к таким аспектам человеческого существования, как власть, деньги, смерть, болезнь, мораль и т. д.

Анализ доменной структуры новой эвфемистической лексики создает необходимую основу для исследования типов сбоев концептуальных проекций, происходящих в результате использования эвфемизмов с целью манипуляции. Такие сбои представляют собой несовпадение между воспринимаемой информацией и устойчивыми ментальными схемами, что провоцирует формирование «серой зоны» между истиной и ложью, а также ведет к когнитивной неопределенности и снижению критического мышления [Заботкина, Боярская 2025].

На следующем этапе нашего исследования была выявлена корреляция между способом создания эвфемизмов и типом концептуального проецирования. Преобладающим способом является словообразование и словосложение, в основе которых часто лежит метафора и метонимия, представляющие собой виды семантической деривации.

Было установлено, что в результате использования эвфемизмов, созданных с помощью словосложения и словослияния, происходит сбой концептуальных проекций. Например, в предложении *How Qatar Became a World Leader in Sportswashing*² эвфемизм *sportswashing* (SPORTS + WASHING) смещает акцент с обмана и манипуляции на средство достижения цели (спорт), так как отрицательный признак концепта WASHING, связанного с сокрытием деятельности, нейтрализуется и маскируется нейтральным / положительным признаком концепта SPORT, связанного со здоровьем, достижениями, зрелищем и т. д. В предложении *Autobesity on course to worsen air pollution caused by motoring*³ эвфемизм *autobesity* (automobile + obesity) переносит обсуждение изменения климата из плоскости ответственности человека в плоскость технических характеристик автомобилей: проводится прямая аналогия между ожирением и производством больших автомобилей.

Одними из основных типов концептуального проецирования являются концептуальная метафора и метонимия. Эвфемизм, в основе которого лежит словосочетание с метафорическим/метонимическим компонентом, проецирует структуру эмоцио-

² Ganji S.K. How Qatar became a world leader in sportswashing // Journal of Democracy. 2022. November. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/how-qatar-became-a-world-leader-in-sportswashing/> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Autobesity' on course to worsen air pollution caused by motoring // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/sep/08/autobesity-on-course-to-worsen-air-pollution-caused-by-motoring> (дата обращения: 12.01.2026).

нально нейтрального «домена-источника» на эмоционально насыщенный целевой «домен-мишень». Рассмотрим эвфемизм *fog of war* как пример языковой концептуальной метафоры WAR IS CHAOS / UNCERTAINTY в утверждении *Many analysts have used it to speak of the general populations enveloping in the fog of war*⁴. Военные действия интерпретируются как некое природное явление. Ответственность и фокус смещаются с тех, кто ведет войну и создает хаос, на абстрактный «туман». Приведем еще один пример: использование эвфемизма *global boiling* в утверждении *Hottest July ever signals 'era of global boiling has arrived'*⁵, в основе которого лежит причинно-следственная метонимия: явление-следствие – процесс кипения жидкости как кульминация нагрева – употребляется для обозначения явления-причины – глобального потепления. В сознании манипулируемого создается скорее упрощенный образ некоего бытового процесса, нежели серьезной проблемы изменения климата.

Результатом операции концептуального проецирования, лежащим в основе вышеназванных способов семантической деривации и словообразовательных способов, с помощью которых образуются новые эвфемизмы, является процесс концептуальной интеграции [Шток 2008; Бархатова 2020]. Например, в метафорическом бленде *whaling attack* осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств: WHALING и CYBERATTACK ON EXECUTIVE. Из ментального пространства WHALING наследуются концептуальные признаки «кит как самое большое млекопитающее», «спланированная ресурсоемкая операция»; из ментального пространства CYBERATTACK ON EXECUTIVE наследуются признаки «взлом», «цифровая среда», «фишинг». Приведем пример эвфемизма, созданного с помощью словослияния, – *queenager* (Queen + teenager). В данном случае из ментального пространства QUEEN наследуются такие признаки, как «авторитет», «самоценность», «материальное благополучие», «уверенность»; из материального пространства TEENAGER наследуются признаки «энергичность», «активность», «молодость», «протест» (в данном случае – против возрастных стереотипов).

Проведенное исследование демонстрирует наличие системной и многоуровневой корреляции между доменной структурой новых

⁴ The fog of war // Turning Point. 2024. 2 October. URL: <https://turning-pointmag.org/2024/10/02/the-fog-of-war/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵ Hottest July ever signals 'era of global boiling has arrived' says UN chief // United Nations. 2023. 27 July. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/07/1139162> (дата обращения 17.01.2026).

эвфемизмов, лежащими в их основе когнитивными механизмами и словообразовательными способами. Доказано, что выбор конкретного эвфемизма детерминирован не только социально-прагматическими факторами, но и глубинными когнитивными параметрами. Ключевыми когнитивными механизмами образования новых эвфемистических номинаций в английском языке являются семантическая деривация, словосложение и словослияние. Данные механизмы репрезентируют различные виды концептуального проецирования, в том числе концептуальную интеграцию, обеспечивающую создание манипулятивного эффекта. Было установлено, что концептуальная интеграция при образовании новых эвфемизмов реализуется на двух различных уровнях. Первый уровень характеризуется тем, что один или оба компонента сложного слова подвергаются метафорическому или метонимическому переосмыслению, т. е. концептуальному проецированию, до процедуры их концептуального объединения. На втором уровне концептуальной интеграции происходит слияние уже подверженных метафорическому изменению компонентов сложного слова в новую целостную структуру, представляющую собой новую эвфемистическую единицу. Таким образом, целью создания манипулятивного потенциала эвфемизмов является таргетированный сбой когнитивных проекций, приводящий к формированию и закреплению в сознании манипулируемого специфических паттернов интерпретации явления, подвергаемого эвфемизации, которые выгодны манипулятору.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ 22-18-00594-П.

Acknowledgements

This work is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594-П.

Литература

Бархатова 2020 – Бархатова Э.И. Концептуализация событий и их лексическая репрезентация в новой лексике современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 177 с.

- Заботкина, Боярская 2025 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Концептуальное проецирование как основа манипулятивного воздействия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 1. С. 24–38.
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.
- Миньяр-Белоручева, Покровская 2007 – *Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.* Политическая корректность и языковая норма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 1 (73). С. 26–29.
- Москвин 2001 – *Москвин В.П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 8–70.
- Порохницкая 2014 – *Порохницкая Л.В.* Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Московский государственный лингвистический ун-т. М., 2014. 45 с.
- Шток 2008 – *Шток Н.А.* Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
- Allan, Burridge 2006 – *Allan K., Burridge K.* Forbidden words. Taboo and censoring of language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 314 p.
- Burridge 1996 – *Burridge K.* Political correctness: Euphemism with attitude // English Today. 1996. Vol. 12. No. 3. P. 42–43.
- Burridge 2012 – *Burridge K.* Euphemism and language change. The sixth and seventh ages // Lexis: Journal in English lexicology. 2012. № 7. P. 65–92.
- Warren 1992 – *Warren B.* What euphemisms tell us about the interpretation of words // Studia Linguistica. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 128–172.

References

- Allan, K. and Burridge, K. (2006), *Forbidden words. Taboo and censoring of language*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Barkhatova, E.I. (2020), *Kontseptualizatsiya sobytiy i ikh leksicheskaya reprezentatsiya v novoi leksike sovremennogo angliiskogo yazyka* [Conceptualisation of events and their lexical representation in the new lexicon of modern English language], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Burridge, K. (1996), “Political correctness: Euphemism with attitude”, *English Today*, vol. 12, no. 3, pp. 42–43.
- Burridge, K. (2012), “Euphemism and language change: The sixth and seventh ages”, *Lexis: Journal in English Lexicology*, no. 7, pp. 65–92.
- Kubryakova, E.S. (2004), “On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics”, *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language*, vol. 63, no. 3, pp. 3–12.

- Minyar-Beloruicheva, A.P. and Pokrovskaya, M.E. (2007), "Political correctness and language norm", *Bulletin of the South Ural State University. Linguistics*, vol. 73, no. 1, pp. 26–29.
- Moskvin, V.P. (2001), "Euphemisms: systemic links, functions and ways of formation", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 58–70.
- Porokhnitskaya, L.V. (2014), *Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov)* [Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, German, French, Spanish and Italian languages)], Abstract of D. Sc. Dissertation (Philology), Moscow, Russia.
- Stock, N.A. (2008), "Cognitive mechanisms of new compounds formation in modern English", Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Moscow, Russia.
- Warren, B.C. (1992), "What euphemisms tell us about the interpretation of words", *Studia Linguistica*, vol. 46, no. 2, pp. 128–172.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2025), "Conceptual foundations of manipulation", *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 16, no. 1, pp. 24–38.

Информация об авторе

Дарья С. Черкасова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dariacherkasova220@gmail.com

Information about the author

Daria S. Cherkasova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dariacherkasova220@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 4
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 29.07.2026
Выход в свет 05.08.2026
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,9
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2393

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru